

# КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК

ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ

Часть 10  
Северо-Восточный сектор  
Ряйсяля [Мельниково]









# КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ

Часть 10

Северо-восточный сектор:

Ряйсяля [Мельниково]





*Серия основана в 1996 г.*

**Автор Шитов Д.И.**

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК – ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ. Часть 10.  
Северо-Восточный сектор: Ряйсяля [Мельниково]. – СПб.: ИПК  
«Нива», 2006 – 252 с., 135 илл.

Историко-краеведческие очерки охватывают северо-восточную часть Приозерского района Ленинградской области: современную Мельниковскую, и частично Ларионовскую, Ромашкинскую и Богатыревскую волости.

Книга предназначена для широкого круга читателей и краеведов.

На первой странице обложки на фоне фотооткрытки изображен герб финляндской Карелии. Азиатская сабля и европейский меч символизируют Карелию как многовековое поле битвы между Востоком и Западом.

На фотовставке картина Х. Мунстерхельма. 1864. Крестьянский дом Хяме. Галерея Гигнасиуса. Музейное ведомство / Museovirasto.

*Охраняется Законом РФ об авторском праве. Ни одна часть этой книги, как и все произведение в целом не могут быть воспроизведены фотомеханическим, электронным или любым другим способом без письменного разрешения автора.*

ISBN 5-86456-118-5



5-86456-118-5

ИПК «Нива», 2006 г.

ООО «Турусел», 2006 г.

© ИКО «Карелия», 2006 г.

© Шитов Д.И. 2006 г.

© Балашов Е.А. Верстка и оформление, 2006 г.



# Оглавление

ОТ АВТОРА.....	4
РЯЙСЯЛЯ – МЕЛЬНИКОВО.....	6
ПРАРОДИНА КОРЕЛЫ.....	8
<b>ИСТОРИЯ ПРИХОДА И ВОЛОСТИ РЯЙСЯЛЯ</b>	
Образование волости Ряйсяля.....	23
Четыре церкви.....	24
Новые войны – новые беды.....	32
Под властью России.....	34
Сельское хозяйство.....	36
Пути сообщения в Ряйсяля.....	41
Волостное самоуправление.....	44
Годы независимости.....	47
Промышленность и кустарные промыслы.....	48
Сельская архитектура.....	50
Эврейсет и Савакот.....	53
События гражданской войны 1918 года.....	56
Первая эвакуация.....	59
Советизация Карельского перешейка.....	64
Война-продолжение.....	67
Возвращение на родину.....	76
Вторая эвакуация.....	81
И вновь советский строй.....	87
<b>ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ РЯЙСЯЛЯ</b>	
Волостной и приходской центр Ряйсяля (Räisälä), Иваска (Ivaska), Пудория (Pudoria) – Мельниково.....	92
Няпинлахти (Näpinlahti), Каркола (Karkola). Луотсанлахти (Luotsanlahti) – Мельниково.....	111
Маккола (Makkola) – Студёное, Ламмасмяки (Lammasmäki), Кёккёля (Kökkölä) – Снегирёво.....	118
Мюльпельто (Myllypelto) – ст. Мюльпельто, пос. Коммунары.....	127
Сяркисало (Särkisalo) – Кротово, Сяркиними (Särkiniemi) – Беличье, Сикасаари (Sikasaari), Раммансаари (Rammansaari), Ховисаари (Hovisaari) – полуостров Большой.....	140
Хумалайнен (Humalainen).....	153
Тиури (Tiuri) – Васильево.....	163
Уннункоски (Unnunkoski) – Горы.....	171
Текемялахти (Tekemälähti).....	186
Хярскеенсаари – (Härskeensaari) – Хвойное.....	188
Хютинлахти (Hytinjahti), Раутакопра (Rautakopra), Локинанпелто (Lokinanpelto), Салокюля (Salokylä), Вякеля (Väkelä) – Коверино.....	190
Алхотоя (Alhotoja).....	207
Сиирлахти (Siirilahti) – Заветное, Ламминаутио (Lamminautio), Нейтскюлкалио (Neitsykallio), Виртеля (Virtelä), Левеалаhti (Levealahti), Юоксемакюля (Juoksemäkyä).....	215
Кивипелто (Kivipelto) – Быково.....	232
Тимоскала (Timoskala) – Мельниково. Тархولا (Tarhola), Лохикалио (Lohikallio), Тийтала (Tiitala).....	234
Основная литература и архивные материалы.....	246
Список иллюстративных материалов.....	248



## ОТ АВТОРА

Дорогой читатель! Вот и вышла десятая, юбилейная часть серии краеведческих книг «Карельский перешеек — земля неизведанная». Она посвящена истории нынешней Мельниковской волости и станции Мюллюпельто Приозерского района. Книга эта — своеобразный памятник канувшим в Лету деревням Карельского перешейка, волости Ряйсяля. Для тех, кто знает и любит эти места, будет небезынтересно открыть страницу в прошлое. Информация по деревням волости, изложенная в данном издании, уникальна для русскоязычной литературы. Читателю предстоит узнать много нового о таких знакомых местах Карельского перешейка, как посёлки Васильево, Горы, Кротово, и т.д.

В отечественной исторической литературе, посвящённой этим землям, много говорится о том, кто правил и кому принадлежал Карельский перешеек в разные периоды времени, но мало или ничего о самих народах, населявших его. Автора этой книги больше занимал вопрос кто и как здесь жил и куда потом исчез. И куда делись ухоженные поля, красивые дома и множество техники и оборудования — всё то, что Красная Армия завоевала огромной ценой за две войны. Ведь, «как Мамай прошел войной», две трети деревень исчезли за первые десять лет! «Почему русские люди не стали лучше жить после такого приобретения?» — и теперь удивляются финны.

За последнее время в России вышло несколько националистических изданий и ряд публикаций, направленных на разжигание ненависти к соседям-финнам. При этом ведётся открытая пропаганда силовых мер воздействия к тем, кто, по их мнению, недостаточно «патриотично» освещает сложные исторические моменты взаимоотношений между нашими странами. Только пропаганда военного времени способна на такую грубую ложь и огульную клевету, которая печатается на страницах подобных изданий. Они не задумываются даже о доказательствах своих выводов и заявлений. Все несогласные называются реваншистами и финскими шпионами, предателями Ро-

дины. Серия наших книг «Карельский перешеек — земля неизведанная» получила имя «покаянного» краеведения, так как мы стараемся писать историю такой, какой она была на самом деле, не подстраиваясь при этом к националистическим интересам какой-либо из сторон рассматриваемых конфликтов. Но в России любая критика нашего прошлого воспринимается ещё довольно остро и преподносится националистами в желаемом им свете. Борис Акунин в своей книге «Алмазная колесница» выразился так: «Честь страны блюдёт не тот, кто пытается скрыть её преступления, но тот, кто пытается её от них очистить», и мы с ним полностью согласны. Разумеется, очищение невозможно без покаяния и признания вполне очевидного факта: история взаимоотношений между нашими странами полна драматических эпизодов. Сталинский режим вёл агрессивную политику по отношению к своему малому соседу, результатом которой стали две последние войны 1939—1940 и 1941—1944 гг. История наших народов при этом может быть дружественной, если мы этого захотим. Мы не призываем к переделу границ, это слишком непростой вопрос для нашего поколения. Но судьба Карельского перешейка — это наша общая история и боль. Тем, кто живёт на этой земле нужно её знать и бережно относиться... Любите Карелию, большего и не надо!

Автор выражает глубокую благодарность бывшему председателю сельсовета «Мельниково» Юрию Петровичу Свинарёву за предоставленную для работы рукопись по истории волости. Сбор материалов по послевоенной жизни в Мельниково, по большому счёту, его заслуга.

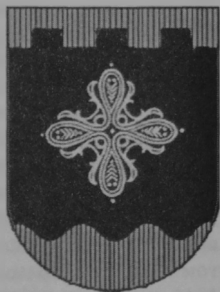
*Шитов Дмитрий. Май 2006 года.*



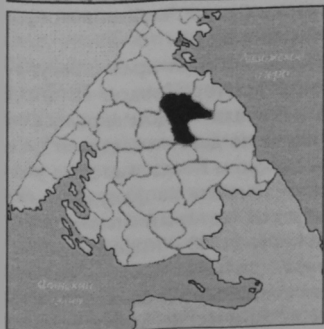
## РЯЙСЯЛЯ – МЕЛЬНИКОВО

Волость, имеющая старинное название Ряйсяля, а теперь Мельниково, расположена в северо-восточной части Карельского перешейка, Ленинградской области. Многие её поселения находятся по берегам системы озёр, так называемой, Старой Вуоксы, которая омывает её своими плёсами, протоками и заливами. Ряйсяля в средние века принадлежала, вместе с крепостью Корела [ныне город Приозерск] и Каукола [ныне посёлок Севастьяново], к Городецкому погосту Корельского уезда Водской пятины Великого Новгорода, так называемая «Передняя Корела». Лютеранский при-

ход Ряйсяля появился в начале XVII века и объединил деревни западного берега озера Вуокса, площадью 403 км<sup>2</sup>. В советское время границы Мельниковской волости определились только в 1948 году. Посёлок Коверино вошел в состав Севастьяновской волости, а станция Мюллюпельто, Кротово и Коммунар в состав Ларионовской волости. Теперь волость называется обезличенным словом: «административное поселение Мельниково». Исторически сложившаяся система поселений кардинально менялась на описываемых землях Карельского перешейка в начале XVII века и начиная с середины прошлого столетия. Процесс образования новых жилых комплексов в виде дачных посёлков принял в последние годы колоссальный размах и ещё не завершен. Старые финские деревни, наоборот, приходят в запустение и зарастают лесом. Об этих местах и пойдёт речь в нашем повествовании, опирающемся на археологические материалы, писцовые книги Водской пятины, архивные документы, многочисленные финские источники, воспоминания современных жителей Мельниково.



Илл. 1. Герб Ряйсяля.



Илл. 2. а) Карта Раясяля – Мельниково. Волость Раясяля в границах 1930-х гг. выделена светлым на темном фоне соседних волостей. Современное волостное деление выделено серой широкой линией.

б) Карта деления Карельского перешейка на волости по состоянию на 1939 г.



## ПРАРОДИНА КОРЕЛЫ

*Вот поднялся Вяйнямёйнен,  
Стал ногами на побережье,  
На омытый морем остров,  
На равнину без деревьев.  
Много лет затем он прожил,  
Год за годом проживал он  
Там на острове безлюдном,  
На равнине без деревьев.*

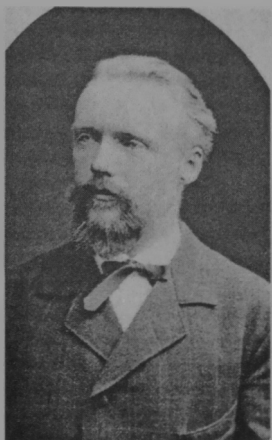
*Калевала (2:1-10)*

Результатом многочисленных археологических раскопок, проводившихся на Карельском перешейке за последние 150 лет, стало выявление множества памятников древней корелы. Это городища, могильники, культовые памятники, плавильные печи и отдельные находки. Географически они сгруппировались в нескольких районах Северо-Западного Приладожья и востока Карельского перешейка. Ряйсяля стал одним из таких центров. Это, прежде всего, Тиуринлинна — Тиверское городище, Ховисаари и Раммансаари [ныне полуостров Большой], а также район озера Хелисевянъярви [ныне Любимовское] и Ивасканхови [ныне часть пос. Мельниково].

Одним из первых исследователей истории края стал уроженец волостного центра Ряйсяля Петтер Теодор Швиндт (1851 — 1917). Его уже при жизни называли «отцом карельской археологии», настолько бурную научную деятельность он развил, занимаясь раскопками в своём родном Кексгольмском уезде. Увлечение археологией привело Швиндта на факультет истории Гельсингфорского университета, который он закончил за два года, как вторую специальность (1883 — 1885 гг.), в звании «магистра гуманитарных наук».

В ходе руководимых Швиндтом экспедиций были открыты и частично исследованы многие исторические места восточ-

ной части Карельского перешейка и Северного Приладожья. Самые крупные открытия сделаны в старой крепости Корела, полуострове Суотниemi [ныне Яркое] и, главное, раскопки на полуострове Ховисаари, недалеко от станции Мюллюпелто в Ряйсяля. Результаты изучения могильников из родной волости послужили к написанию диссертации на тему: «Сведения о железном веке в Карелии на основании находок в уезде Кякисалми». Также Швиндт занимался сбором этнографического материала: одежды и утвари, принадлежащих жителям современной ему Карелии. Он стал автором первых исследований и вышедшей позднее книги под названием «Народный костюм в Финляндии XIX века, часть 1. Карелия», где дал подробное описание одежды многих волостей Карельского перешейка с рисунками, выкройками и размерами. Его бурная деятельность по собиранию и публикации исторических материалов, совершила переворот в научном мире и в отношении современников к истории Карелии. Переоценить вклад талантливого учёного-подвижника, влюблённого в дело своей жизни, не представляется возможным. Теодору Швиндту принадлежит по праву первое место среди учёных по объёмам раскопок на территории Карельского перешейка, количеству находок и открытых археологических памятников.



Илл. 3. Археолог Теодор Швиндт.

Но вернёмся на территорию древней Ряйсяля. Водный бассейн системы Вуоксы служил древнему населению края дорогой, имевшей торговое и промысловое значение, а затем и военное. Ладога — Карельское море, Финский залив и северные районы Карелии и Финляндии (до Ботнического залива) были связаны прямым водным путём благодаря Вуоксе. Для формирующегося карельского народа эта земля стала колыбелью, а для соседей стратегически важным районом, богатым к тому

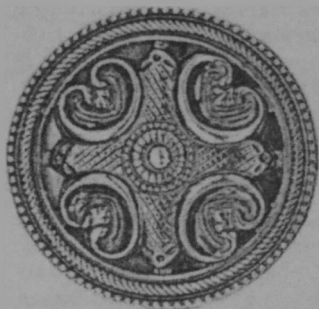


Илл. 4. Древне-карельский костюм. Илл. 5. Древние карелы. Рисунок. Реконструкция Каукола, Келломяки 1100-е гг. Марья-Лииса Питкяранта.

же пушниной, и «яблоком раздора» на много столетий за его обладание. Как в последнее время считают учёные, самым первоначальным населением Карелии были саамы (или лопь). В середине первого тысячелетия нашей эры здесь появляется немногочисленное, но более развитое население торговцев пушниной. Они селятся вдоль водных торговых путей и выменивают меха на изделия из металла, технологию которого они принесли с собой из Эстонии, пройдя затем долгий путь ассимиляции в финском племени Хяме. Эти люди также принесли с собой собственные традиции захоронений умерших и культуру культовых (ямочных) камней. В IX веке с юга приходит более многочисленное финское племя, предки ижор и вепсов. Они также несут передовые технологии, в том числе более продуктивное сельское хозяйство. Группы смешиваются между собой и к X, XI векам формируют устойчивое племя карел, способное к защите от внешнего врага.



Местное население будущей Раясяля концентрируется на полуострове Ховисаари в конце эпохи меровингов, начале эпохи викингов, (VIII—IX век). Об этом говорят многочисленные находки из могильников, найденные при раскопках. Также здесь появляются поселения в районе самого посёлка Раясяля. Это Ивасканхови и Калмистомяки на правом берегу Вуоксы. Высокоразвитые ремёсла, сельское хозяйство и торговля — определяющие моменты культуры карельского народа того времени. Находки из могильников говорят о пребывании оседлого местного населения, начиная с вышеописанного периода и практически до наших дней. Десятки могильников более позднего периода относятся к временам крестовых походов (1050—1300 гг.) Женские украшения из бронзы, (т.н. калевалан корут), представлены находками: выпуклых фибул, копоушек, браслетов, цепедержателей, ножей, ножен, ожерелий, подвесок, изображающих животных и растительный орнамент. Предметы быта составляют различные котлы, серпы, ножницы, мотыги, топоры. К военной теме относятся: мечи, копья, наконечники стрел, остатки кольчуги и предметы конского снаряжения.



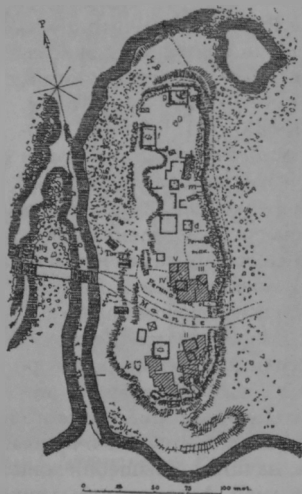
*Илл. 6. Фибула из волости Раясяля. Мотив рисунка взят из вещей найденных в Тиверском городище.*

В процессе своего развития некоторые поселения превращались в крепости. Тиверск, или Тиуринлинна, стал таким укрепленным городищем на территории будущего Раясяля. Судя по археологическим находкам, люди стали селиться на острове возле порогов Вуоксы в X, XII веках, (Кочкуркина 1981). Тиверск удачно встал в центре карельских торговых путей между Ладожским озером и Финским заливом. Момент его возникновения является и по сей день предметом дискуссии. Археологи А.Н. Кирпичников и А. Сакса предполагают, что время основания городища 1330-е годы. С.И. Кочкуркина, опира-

ясь на текст Ореховецкого мирного договора между Новгородской республикой и Швецией 1323 года, считает, что Тиверск мог появиться между 1293 и 1323 годами. Дата гибели крепости не вызывает сомнений. В летописи сказано, что её захватили и сожгли шведы в 1411 году. Скорее всего, после этого город уже не восстанавливался.

Тиверский городок, как его в то время называли новгородцы, возник в сужении реки Вуоксы, или, по-старому, «на реке на Тиверской, на пороге».

Узкий, вытянутый вдоль течения, остров стал основанием для городища. С одной стороны от него в сторону берега простирался широкий, но мелководный залив; в другую, через стремнину порога, но довольно близко, располагался другой остров и затем снова русло реки. Все древние путешественники должны были проводить свои суда в непосредственной близости от острова-крепости, что делало его серьёзной помехой на пути врагов. Укрепления — каменно-земляные валы и деревянный частокол — опоясали весь остров, занимая площадь порядка 250 x 65 м. Стены подходили, вероятно, вплотную к воде. Уровень Вуоксы был значительно выше современного. После прорытия канала в Кивиниеми (ныне Лосево) в 1857 году, вода упала примерно на 3–4 метра. Постепенное обмеление русла происходило и раньше, за счёт поднятия почвы на Карельском перешейке. Вероятно, этот остров, который по-карельски назывался Тиу-



Илл. 7. План Тиверского городища по рисунку Х. Аппельгрена, 1891 г.

<sup>1</sup> Цитируется по Писцовой книге Вогской пятины 1568 г.



Илл. 8. Тиверский городок, по рисунку из учебных работ А. Каримо, 1930-е годы.

ри, был в древности известен «гребным людям», как место безопасной стоянки для своих судов, расположенное как раз на расстоянии одного дневного перехода (25 км) от торгового поселения Якисалми (позднее ставшего крепостью Корела). Существует красивая легенда, записанная в XIX в. этнографом Я.К. Гротом, о том, что вначале люди порывались возвести город на острове Тиури, но, сколько бы они ни строили, ночью злая сила раскидывала выстроенное за предыдущий день. Тогда решили сесть в ладьи и плыть вниз по течению, пока не услышат пение кукушки. Кукушка закуковала в тот момент, когда они проплывали протокой, впадавшей в Ладожское озеро. На этом месте и решено было строить город, который получил имя в честь Кукушкиного пролива. Так возник Якисалми: предшественник Корелы — Кексгольма — Приозерска.

Даже, предположительно, если бы в проливе Якисалми и не было поселения, там также необходима была стоянка перед выходом в бурное порой Ладожское озеро. Таким образом, необходимость расположения этих двух стоянок на их нынеш-



них местах выглядит очень убедительно. Можно предположить и существование на порогах постоянной лоцманской службы, специально затопленных в русле препятствий, удобных лодочных стоянок и волоковых троп. Лёгкие речные суда, скорее всего, поднимали против течения порога путём проводки, а спуск производили без дорогостоящих товаров на борту. Иными словами, волоковые тропы и стоянки на Тиури и в проливе Кякисалми существовали столько времени, сколько люди плавали в этих местах. По крайней мере, с первого тысячелетия нашей эры. Само городище Тиури подвергалось археологическим раскопкам начиная с 1890-х годов, за-



Илл. 9. Серебряный клад из Тивверского городища. Сверху сукерё – застёжка для волос, бусы и круглая фибула. Внизу новгородские деньги – гривны.

тем в начале XX века, а также исследовалась российскими учёными в 1970 и 1990 годах. За это время было сделано множество находок: различные украшения, оружие, инструменты, керамика, фундаменты построек и следы литейных производств. В 1890 году, при рытье нового погребя, под кладкой вала был случайно найден клад серебряных украшений, и новгородских гривен (Karjalan syntye, Pirjo Uino). К чисто карельским предметам можно отнести только заколку «сукерё», а остальные предметы явно не местного происхождения. Клад датируется IX – X веками, т.е. значительно ранее самого Тивверска.

К XIV веку относится основная часть находок городища. Всего выявлено 19 фундаментов жилых построек, некоторые более позднего происхождения. Было найдено много керамики, ножей, ключей, замков, топоров, гвоздей, украшений из

бронзы, тиглей, железного шлака, стеклянных бус, костей домашних животных и захоронения людей без сопутствующих могиле предметов, которые, видимо, погибли при обороне крепости в 1411 году. Культурный слой внутри городища составляет примерно 40—50 см, земля чёрная с вкраплениями угля от пожара. Железные предметы



Илл. 10. Карелы на строительстве лодок и волоке через перешеек. Олаус Магнус 1555 год.

находятся в очень хорошем состоянии и отличаются по тёмному цвету от аналогов в других раскопах. Все изделия из железа найдены на низкой и длинной северной стороне городища. Более ценные вещи взяты с более высокой южной стороны. Отсюда возникла теория о разделении Тиверска на ремесленную, и, скажем, военную или жилую часть. О разнице во времени их появления также можно судить по состоянию валов, которые на юге и сейчас выглядят внушительнее.

*«Согласно последним научным предположениям, первоначальное поселение на острове Тиури, где жили ремесленники, торговцы и рыболовы, являлось «столицей» карельской родовой группировки тиврульцев. Тиверский городок пережил эпоху расцвета в XIV веке, когда среди карел были сильны и антишведские, и, отчасти, антирусские настроения. Город, по предположению учёных, являлся оплотом языческой оппозиции, это был опорный пункт карельской племенной верхушки, недовольной тем, что власть уходит у неё из рук. Здесь наверняка находились и православный храм, и заповедные жертвенные камни».* (Тиверский городок, А.П. Дмитриев).

Граница по Ореховецкому мирному договору между Новгородской республикой и Шведским королевством 1323 года, разделившая трагическим образом земли карел, прошла, начиная от устья реки Сестры вдоль Карельского перешейка и далее в сторону Оулу на Ботническом заливе. Она впоследствии послужила западному ограничению будущей волости Раясяля. Тиверский городок оказался почти на самой её границе, или специально был укреплён после демаркации ли-

нии, несмотря на пункт в мирном договоре, что «*новых крепостей не ставить*»<sup>1</sup>.

1100—1300 годы явились «периодом расцвета» карельской культуры. Экспансии шведов и шведских финнов на восток в последующее время подорвали в значительной степени потенциал народа, а затем и обезглавили его, лишив собственной карельской знати и, в конце концов, самой родины. Союз с Новгородом, а затем и вассальное положение от него, были также палкой о двух концах, но в споре двух могущественных держав нужно было принять чью-то сторону. Карелы сделали свой выбор в пользу новгородцев, хотя иногда и колебались.

Московские писцовые книги проливают свет на ситуацию в крае XVI века и косвенно рассказывают о событиях XV столетия. В позднее новгородское время 8 боярских семейств владели землями в Корельском уезде. В описываемом нами Городенском погосте за Василием Балакшиным числилось 13 обжей и 8 дворов, за Лукой и Исааком Левонтьевыми 4 обжи и 4 двора, Мартемьяном Феклистовым 10 обжей и 6 дворов. Самым крупным землевладельцем был владыка архиепископ Новгородский, которому принадлежала треть Корельского уезда с 2120 обжами и 950 дворами. На 1500 год четвертая часть всех пахотных участков принадлежала всё же свободным пахарям, т.н. «земцам или своеземцам». Это потомки карельской знати, «*пяти родов корельских детей*», которые перестали быть крупными землевладельцами, раздробили свои участки и от бедности стали сами крестьянствовать. Как особый класс, существовали и «чернокунцы». Их исключительное положение состояло в том, что они вообще были освобождены от любой формы налогообложения. Однако в Городенском погосте им принадлежало лишь 2 % пахотных земель. В 1500 году их здесь числилось 2 деревни и 3 человека мужского пола. На 1568 год уже 15 деревень, 26 дворов и 40 человек. Монастырям принадлежала также своя часть дворов и рыбных тонь. В городе Корела существовало 3 монастыря: Никольский, Георгиевский и Иоанна

<sup>1</sup> Цитата из Ореховецкого договора.

Обжа — гревняя поземельная единица, существовавшая в Новгородских землях — «Один человек на одной лошади вспахать может». Равна 5 десятинам. Хозяйственная десятина равна 1,45 га.

Предтечи. Известно, что за городом на территории погоста находилось две церкви. Часовен также было несколько. Одна из них стояла на полуострове (острове) Ховиниеми, другая в Уннункоски, на пороге. Встречались также подворья церквей и монастырей. Три монастыря с XIV века раскинулись на островах в Ладожском озере: Валаамский, Коневецкий и Сенной (на Сенном острове). Валаам, однако, не имел на описываемой нами территории своих земель. Всего в Воскресенском погосте Городенском значится 133 деревни, из которых за будущим Ряйсяля финские исследователи выделяют 54, Каукола [ныне Севастьяново] 47 и собственно к пригороду Корелы 9 поселений; 675 человек проживало тогда на территории Ряйсяля (Raisalan historia, s. 21). В своём исследовании они основывались на писцовой книге 1500 года Дмитрия Китаева. Первое упоминание о существовании Ряйсяля также относят к этому документу.

С 1478 года Московия захватывает Новгород вместе со всеми его землями. Начинается новый раздел владений. Исчезает в ходе лютой расправы знать Великого города. Конфискованные земли отходят московским служилым людям, представителям или просто холопам московских бояр. Около 60% территорий принадлежит теперь *«царю и Великому князю Московскому»*. Крестьяне, проживавшие на таких землях, имели личную свободу, но платили наместнику арендную плату, «от хлебов треть». Около 10% угодий принадлежало Валаамскому и Коневецкому монастырям. Постепенно население начинает выплачивать в казну всё больше податей, а отношение к нему со стороны государства ухудшается.

Первая половина XVI века прошла достаточно спокойно, и количество деревень прибавилось. Руководствуясь в своём исследовании писцовой книгой Водской пятины за 1568 год Инши Васильева Булгакова, автор провёл небольшое статистическое исследование. Оказалось, что в Юрьевском погосте Городенском насчитывалось в общей сложности 279 деревенок, волосток и починков. Часть из них была на тот момент уже пустующими, в других наблюдалось по 4–6 хозяйств, но основу составляли деревни на один–два двора, где проживали семьи земцев (хозяев-собственников) или крестьян (арендаторов). Можно сказать,

---

*Созданное вновь поселение.*

что это были хутора, иногда имеющие к тому же одно название, но, тем не менее, по писцовым книгам они различались как деревни. Починок считался самым мелким образованием.

На порогах отмечены мельницы и толчеи. С большой долей вероятности можно говорить о происхождении топонимических названий края. Большее количество названий деревень, — 152 — имеет карельское или прибалтийско-финское происхождение. Такие как, например: Мервалага, Сяпея, Кавгола, Тервола, Текималакша. С той разницей, что записаны они были на слух русским писцом, не знавшим карельского языка. На втором месте идут славянские и церковно-славянские названия: Ерышово, Наволок, Подборье, Ручай, всего 56. Далее автор собрал неопределённые или вообще не имеющие своего названия населённые пункты: Деревня подле часовни на Веси. Таких набралось 50. Последнее место занимают т.н. смешанные, образованные при использовании обоих языков. Например: Лутеев Наволок над озером над Кавгальским. Из них добрая сотня топонимов относится к землям будущей волости Ряйсяля. Река Вуокса в те времена называлась по-русски Ряжель или Ряйсяляйноки в карельском языке. После своего соединения с озером Вуокса в районе нынешнего посёлка Горы она меняла название на Уусиярви — Узерва (Новое озеро в переводе). Вдоль реки Ряжель и располагалась большая часть деревушек Ряйсяля — 53. Над Ряжелою: Либуева Лахта, Гора Никифорова, Твердилово, Деревня на реке Ряжеле против Девичьей Щели, Домантово, Титове, Девичья Щель, Пясткаина Гора, Слобода, Шамова, Киселёва Лахта, Сидорково, починок Сидорково, Берговала, Мерговала, Умальский Наволок, Кротово, Макарьино, Керенима — (Кяйренниemi), Казань (дворы московских бояр), две Сурова, две Мохново, Гаврала, две Кургула, три Кинбола, две Верхняя Каргула, Кургала, две Лоччола, Ерышово, Мервалага, две Мергала Жеброво, Исаковицы Средние, Пайгала, Подпорожье Лухнова, Паллагола, Текималакша, Исаковская, Исаковщина, Калистов Наволок, Марьино, Клиш-

---

*На ручье сооружалась запруда в виде невысокого сруба. Через слив вода попала на колесо, по размеру значительно меньшее обычного мельничного. Посредством хитроумного привода приводились в движение песты, ударявшие в четырёхгранную ступку-пудовку, установленную под ним на камнях.*



ковское, Буракова Лахта, Титове. Однако по какой-то причине не встречается упоминание о собственно деревне Ряйсяля или Ряжеле. По данным более ранней переписной книги 1500 года Дмитрия Китаева мы находим пять деревень с таким названием: «*Микиты Павлова сына Рокульского деревня Ряжела на реце на Ряжеле, в большем сам Микита да его дети Ивашко да Васько, да Фомка, а христиан: (g) Нестерко Юркин; сеют ржи десять коробей, а сена косят сто копен, три обжи*». Исходя из этой информации, можно сделать предположение о том, что не только православные жили тогда в деревне, но и язычники. Также перечислены Ряжела Палка Малахова, Семёнок Гридина, Ряжель Тихново Яшко Волгуева и деревня Ряжела под пологом Онцифорика Ондреянова.

«Исконная древнекарельская территория была заселена карелами, потомками летописной корелы. Смешанное русско-карельское население проживало в «столице» — Кореле и торговом центре — Волочке Сванском» (С.И. Кочкуркина «Корела и Русь»). Всего на 1568 год 400 дворов.

Крестьяне, жившие здесь, записаны под церковно-славянскими именами и фамилиями, хотя и были в большинстве карелами и не владели славянским языком: Истомка Фёдоров, Олиско Савин, Федько Степанов, Лучка Гаврилов. Иванов и Василиев, а также фамилий производных от этих имён было больше всего. Своеземцы, хозяева своих наделов, в частности, пахавшие сами, были все из карел. В процентном отношении они составляли 70% населения тогдашнего погоста. В других погостах Водской пятины их доля была меньше. Сохранению за собой основных земельных территорий в Передней Кореле, непосредственно на своей исторической родине, представители карельской знати обязаны доверительному отношению к ним прежнего новгородского боярского и духовного сословия, которое дорожило их союзом и лояльностью в международных делах. Сами же крупные новгородские землевладельцы имели земельные участки в более удалённой Задней Кореле.

В 19 случаях удалось сопоставить летописные названия деревень с поселениями, существовавшими на финских картах начала XX века. Вместе с повторяющимися топонимами получается общее количество 35 населённых пунктов, на террито-

рии будущей Ряйсяля. Например: Деревня Текималакша (Tekemälähti) над рекой Ряжелою — на Вуоксе. Житель Конанко Иванов. Деревня Судлакша (Sutkenlähti) над озером над Узервою — на озере Вуокса. Проживала семья Тимофеевых. Киселёва Лахта (Kiisanlähti) над рекой над Ряжелою, и так далее. В соседней волости Каукола удаётся идентифицировать ещё большее количество старых топонимов. К Никольскому монастырю, из Корельского города, относились следующие деревни: «две Лотччолы на Ряжеле (Luotsanlähti ä Timoskala), Ерьшово над Ряжелою, три Монцутола (Monittula) над Узервою, Совкино над Узервою, Кегаламба над озером Кегаламбою в ней двор монастырский на приезд, Лубуево в Копсоле, Кегалагма над озером Кегалагмою, две Копсалы, Кокорка на Перне (Pamanjoki) в ней двор монастырский коровнитский. Дворник Иванко Олексеев. Всего у Никольского монастыря 12 деревень, а дворов 2 монастырских, а крестьянских 12 дворов, а людей в них 23 человеки. Пашни 13 обож, а доходу идёт в монастырь из хлеба треть».



Илл. 11. Древняя курная изба из Каукола. Собрание музея.

Вторая половина XVI века стала временем больших несчастий, обрушившихся на местных жителей. Крестьяне стали разоряться из-за непосильных налогов, которые всё увеличивались с укреплением централизованной власти царя Иоанна Грозного. Обыскная книга Фёдора Калитина 1571 г., призванная собрать информацию о разорившихся хозяйствах, с описанием причины упадка, приводит такие неутешительные данные: к этому времени (1500 — 1571 гг.), более 90% земель пустоует. На вопрос обыскной комиссии жители отвечали так: «Крестьяне вымерли, а иные безвестно разошлись, деревни запустели от государева тягла и государьских посох и от воинства государева», «от немецкие (значит шведские) войны и государих посох», «от свийских немец и государевых податей». Бегство карел началось после реформ местного самоуправления, при Иоанне Грозном (1556 г.) и введением на следующий год оп-

ричины. Крестьяне бежали подальше от царской расправы на север, в Беломорскую Карелию, в Реболы, где власть московского государства ещё не набрала силу. За 70 лет размер налогов вырос в 6 раз. Начавшаяся война со Швецией, явившаяся продолжением Ливонской войны, завершила дело разорения, начатое собственным царём. Главнокомандующий шведским отрядом Герман Флеминг не брал пленных, а убивал и сжигал всё подряд, оставляя после себя лишь пепел. К 1580 году вся Карелия была в руках захватчиков. Они закрепились вначале в крепости Кексгольм, и затем продолжили завоевания в Северном Приладожье. Здесь, среди шхер, было удобно вести партизанскую войну, и местные жители как раз этим и занялись, нападая на мелкие отряды врагов. Собирались и крупные силы, по две тысячи человек, которые два раза даже пытались взять Кексгольм. В 1583 году заключили Плюсский мир, в соответствии с которым Швеции уступалась вся Карелия. Тогда же на пустующие земли пригласили крестьян из шведских провинций Яаски [ныне Лесогорский], Юрьяпя [ныне Барышево] и Саво.

На основании шведской переписи той поры в Городенском погосте оставалось 10% населения, частично уже переселенцев из внутренних районов шведской Финляндии и Выборгской Карелии. Дома сожжены, православные храмы и монастыри уничтожены.

В Городенском погосте, во времена правления московского государства, насчитывалось 17 боярских домов и 114 принадлежащих свободным землепашцам. Первые шведские источники (1589 г.) говорят о 17 способных платить налоги крестьянских хозяйствах в Ряйсяля, и еще 7 в Каукала [ныне Севастьяново]. Количество хозяйств уменьшилось в 6 раз. Среди жителей Ряйсяля мы находим уже 6 семей лютеран-переселенцев и 11 православных, оставшихся из прежних жителей. В то время люди сосредотачивались в четырёх деревнях. Собственно в деревне Ряйсяля 11 дворов, 2 в Тиуринкоски (на городище), 1 в Хютихлахти [ныне район Заветного], 3 в Текемялахти (ныне не существует). В источнике упомянуты первые лютеране Ханну Сайронен и Хейкки Хярскинен. Вероятно от последней фамилии возникло название острова и деревни Хярскеенсаари [ныне Хвойное]. В 1590 году в Ряйсяля уже живёт 23 крестьянина, из

которых 11 лютеран, в том числе Олли Киуронен и Лаури Кекконен. Добавляется ещё одна жилая деревня, — Киллатсункоски [ныне часть Студёного]. С каждым годом количество обитаемых деревень увеличивается. Появляются: Хумалайнен [ныне ур. Стрельцы], Сяркисало [ныне Кротово]. К 1593 году Рийсяля приняла 36 крестьян, плативших налоги.

Война продолжалась, и русские регулярные войска 30—31 января 1592 года два дня подряд давали сражение недалеко от Кексгольма. Крепость не взяли, но пожгли все окрестности. Вскоре король Юхан III умер, и в 1595 году был подписан более выгодный для России Тязвинский мир. «Дедова новгородская Карелия» возвращалась обратно в московские владения. Шведы, однако, выходить не торопились, и вывод войск затянулся на 2 года.

В непродолжительный период нового русского пребывания, после Тязвинского мира, а именно в 1597—1611 гг., в Кореле образуется новая епархия. Епископом Корельским и Ореховецким становится Сильвестр, который рьяно взялся за работу по восстановлению разрушенных храмов. Почти все церкви были отстроены заново и назначены священники. Новые переселенцы освобождались от всех налогов на первые 10 лет, хотя таких нашлось немного, и поэтому царь Фёдор Иоаннович предлагает шведским подданным переселенцам оставаться на своих местах и освобождает на 5 лет от налогов.

Вскоре русское государство погрузилось в смуту из-за наследования престола. Новый избранный боярами царь Василий Шуйский обещает шведам земли Карелии как плату за военную помощь против поляков. После освобождения Москвы шведы захотели получить причитающуюся награду, однако местные жители воспротивились передаче территорий и созвали ополчение. Епископ Сильвестр призвал народ к отпору захватчикам. В сентябре 1610 года шведы под командой Якоба Делагарди осадили Корелу. Находившиеся в городе 500 стрельцов и 2000 ополченцев, предводительствуемые воеводой Иваном Пушкиным, заперлись за стенами крепости. Оборона продолжалась 6 месяцев, после чего большинство защитников умерло от голода и болезней. Оставшихся в живых сотню человек, по договору, выпустили из города. Задним числом подписали Столбовский мир 1617 года, по которому Швеции переходили все владения русских в Карелии и Ингерманландии.

# ИСТОРИЯ ПРИХОДА И ВОЛОСТИ РЯЙСЯЛЯ

## *Образование волости Ряйсяля*

Согласно новой переписи от 1613 года в Ряйсяля существуют такие деревни, как: сама Ряйсяля, Тиури [ныне Васильево], Хумалайнен, Хярскийянкюля (Хярскеенсаари) — [ныне Хвойное], Уннункоски [ныне Горы], и Хютинлахти [ныне Заветное]. Уже 27 семей из 60 записанных на тот год, как налогооблагаемое население края, проживает в центральной деревне. Близость уезда к старой шведской границе облегчала приток населения из порубежной части Выборгской Карелии, тех же карел, но уже разделённых трёхсотлетней историей и верой. На новые места люди приходили также из губернии Саво и других частей шведской Финляндии. Прежнее население, наоборот, вскоре покинуло эти края по той же причине.

Община Ряйсяля была образована в 1635 году. В середине XVI века мы встречаем уже такой список жилых деревень: Хумалайнен, пустошь Тиуринмяки, Тиури, Ахола, Ивасканмяки, Руторила (происходит от Подворье), позднее Путория, усадьба Ряйсяля, к которой принадлежит 40 деревень из разных мест. Три деревни относятся к усадьбе священника.

В 1629 году военный комиссар Эрик Антинпойка Трана принял в своё распоряжение усадьбу Ряйсяля, когда права на ленное владение закончилось у первого генерал-губернатора Якоба Делагарди. Она включала целиком земли Кексгольма (бывшей Корела — Кякисалми), и Каукола [ныне Севастьяново]. Спустя шесть лет Трана значительно расширил свои владения. Сам он называл себя «господин Ряйсяля и Суотниemi» [ныне Яркое]. Вскоре Трана погибает на полях сражений 30-летней войны, и владение наследует в 1634 году его зять, губернатор Якоб Тёрнскёльд (Jakob Törnsköld). Вплоть до Северной войны основным хозяином здесь становится его жена от второго брака, Брита Аппелгрэн.

Ещё во время первой оккупации шведов, новые власти пытались отрегулировать систему взимания налогов с местного населения. Однако на первых порах, в ходе продолжавшейся



войны и постоянного обнищания крестьян, это дело никак не стабилизировалось. Налоги собирали натуральными продуктами, в первую очередь зерном, а также за счёт трудодней. Мера собираемого зерна колебалась, в зависимости от благосостояния земледельца, от 0,5 пани до 10 (одна пани = 114 литров). С каждого мантального участка, (с дыма) собирали дополнительно одну копну сена, два воза дров и некоторое количество строительных брёвен. Шесть трудодней с каждого «дыма» также принадлежали казне. Лагманский налог стоил 2 эре деньгами и, начиная с 1592 года, столько же собирали на судебную пошлину. Для особых нужд, сверх этого, брали дополнительные налоги. Например, в том же году было объявлено о приёме трёх бидонов смолы и трёх локтей льняной ткани. Однако налог взяли деньгами. Дополнительно существовали и разные военные повинности. После повторного взятия Корелы в 1611 году сборщики налогов сразу отправились по губернии. Оставшимся крестьянам добавилось много разных повинностей, в том числе и трудодни на восстановление крепости Кексгольм. К середине XVII века сборы налогов в Ряйсяля стабилизировались. Стали брать 6 бочек зерна и 12 талеров медной монетой. В 1652 году со всех деревень Ряйсяля, Каукола и пригородов Кексгольма собрали 553 риксталера серебром, 316 бочек ржи и 158 бочек овса. С помощью этих данных можно рассчитать, что в тогдашнем Кексгольмском приходе было 78 налогооблагаемых хозяйств. Но, поскольку в то время выплата налогов была для многих разорительна, то общее количество дворов было значительно больше.

Самые лучшие «рыбные ловли» сразу же отошли к казне. На порогах Вуоксы в Ряйсяля государство получало неплохой улов рыбы. Так в 1617 году на пороге Ахвенитсенкоски зафиксирован объем вылова: лосося — 23 бочки, сига — 14 и леща 2 бочки соответственно.

### *Четыре церкви*

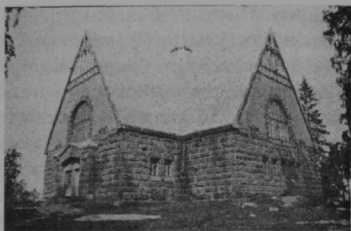
Первые лютеране, появившиеся в этих краях, не имели своей церкви и плавали на лодках в кирху крепости Кексгольм. Священники, в том числе церковный настоятель Кексгольма

Хенрик Винтер, бывали здесь наездами, добираясь даже до Пюхьярви [ныне Отрадное]. Сохранившееся немногочисленное православное население края стало относиться к приходу Тиурула, церковь которого находилась в 40 км от Ряйсяля, в Хийтола, на берегу Ладожского озера. В разное время существовали часовни в Тимоскала (к северу от Мельниково), Сяркиними [ныне Беличье], Раммансаари [ныне полуостровов Большой] и Уннункоски [ныне Горы]. В последней из перечисленных деревень, возможно, была церковь. Православные карелы проживали в деревнях Тимоскала и Тииттала, что выделяло их среди лютеранского населения прихода Ряйсяля.

Основание в Ряйсяля лютеранской общины, на правах капелланства, ведёт свой отсчёт с 1635 года, когда о ней появляется первое упоминание. Уже тогда существовала первая кирха. Первоначальное место для строительства было отведено в деревне Уннункоски [ныне Горы], но хозяин усадьбы Якоб Тра-на, вероятно, изменил этот проект, и строительство храма осуществилось на нынешнем, всем хорошо известном холме в посёлке Ряйсяля, на землях поместья. С тех пор и до нашего времени, все церкви прихода Ряйсяля, как и кладбище, возводились на Церковном холме. Сюда стекались все пути и дороги волости, здесь образовался её центр, духовная и административная власть. Деревни будущей волости Каукола, или Мо-наший пролив, [ныне Севастьяново] и часть пригородов Кекс-гольма ещё сто лет после этого принадлежали Ряйсяля.

Первым настоятелем церкви, упоминавшимся в докумен-тах за 1642 год, служил энергичный, властный и одарённый проповедник Андреас Иоахим (Andreas Joachimi). Известно также, что под его пасторским надзором приход существовал до 1667 года. Первый деревянный храм в Ряйсяля был прост и неза-тейлив по конструкции. Его сожгли русские войска во время неудачной осады Кексгольма (Кякисалми) в 1656 году. Спустя некоторое время, в 1663 году, на том же самом месте была воздвигнута вторая церковь. Этот храм простоял более ста лет. На церковном совете 1759 года решался вопрос — нужно ли ремонтировать старую или возвести новую постройку, но бо-лее удачной конструкции. Уже в 1763 году третья кирха построена и освящена в честь святого Петра. Добротнo сложенная

из бревен, крестообразная в плане церковь имела массу украшений. Потолок и стены были расписаны ангелами и голубями. Под крышей имелась надпись на латинском языке, повествующая о том, что храм поставлен в царствование императрицы Екатерины II и другая по-фински: *«Во истину Господь*



Илл. 12. Здание кирхи. 1989 г.

*в этом доме, никто другой и дверь небесная...»*. В храме хранились гербы, старинное оружие и другие памятные знаки. Долгое время внешний облик церкви оставался гораздо скромнее: посеревшие от времени бревенчатые стены, маленькие окна. Только во время ремонта в 1847 году были прорублены новые большие оконные проемы, стены обшиты досками и покрашены жёлтой масляной краской. Деревянная кровля осталась чёрной. Колокольня, стоявшая отдельно от храма, выполнена в том же стиле в 1853 г. Во второй половине XIX века периодически проводились обновления и ремонты. В 1873 году приобрели новую алтарную доску, построили новую колокольню (1878), в ходе ремонта (1884) провели отопление, гонтовую крышу заменили жестяной и т.д. После перекраски стен (1904), кирха стала светло-серой, а наличники и украшения получили тёмно-серый оттенок. Однако 21.07.1910 церковь сгорела, удалось спасти лишь колокольню и некоторые предметы внутреннего убранства.

По поводу строительства нового храма почти все сходились во мнении, что он должен быть каменным. Архитектор Йозеф Стенбек (Josef Stenbäck) предложил его возвести рядом с прежним местом церкви у колокольни. Четвёртый по счёту храм Рийсяля проектировался в стиле финского национально-го романтизма — разновидности северного модерна.

При закладке первого камня, с праздничной речью к собравшимся выступил пробст прихода К. Сикст Олссон: *«Мы собрались сегодня для закладки углового камня будущей каменной кирхи, которая будет стоять на этом месте сотни, мо-*

жет быть тысячи лет, памятником нашему современному строительному искусству и свидетелем благородного и высокого духа нашего поколения. Это здание, строительство которого мы сейчас начинаем, является самой крупной и дорогой постройкой, какая когда-либо замышлялась на землях нашего прихода. Оно жаждет подняться ввысь и вознести на высоту помыслы человеческие. Храм будет посвящён самому высокому служению, служению имени Господа нашего...» После выступления Олссон сообщил, что под фундамент опускает медный ящичек, куда кладёт несколько металлических монет на счастье, местную газету со статьёй о закладке церкви, а также подготовленный им рассказ о главных событиях жизни прихода.

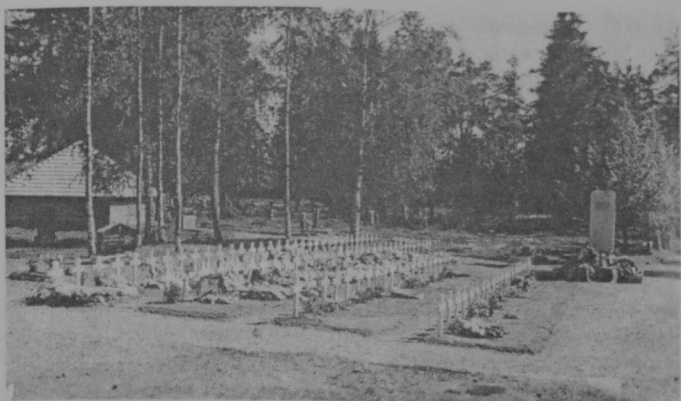
Наружные стены церкви строились из местного, красноватого гранита, разработки которого велись в Тууласкоски. Внутренние возводились кирпичными. Фундамент кирхи опирался на пологую природную скалу. Фронтоны отлиты из нового в то время материала — железобетона. Огромная 37-метровая колокольня вознеслась над постройкой и над всей долиной Вуоксы. На первом этаже находилась ризница (3х3,5 метра в плане). Внутренняя длина церкви составила 28, ширина 22,5 метра. По старому обычаю храм был крестообразным в плане, колокольня составляла одно целое с корпусом здания, входные двери были обиты медью, кровля сделана из гальванизированных листов жести. Подрядчиками при строительстве стали братья Самули и Антон Хакала из Курикка. Общая сумма сделки составила 140 000 марок. Уже 15 декабря 1912 года новый храм, один из самых замечательных образцов церковной архитектуры на Карельском перешейке, был освящён. На алтаре в золотой раме сияло изображение Иисуса, благословляющего детей, которое удалось спасти от пожара прежней кирхи. Здание было рассчитано на 1000 сидячих мест. Просторные хоры позволяли прихожанам чувствовать себя приближенными к кафедре, с которой читались проповеди. Зал обладал исключительными акустическими свойствами. Полы были частично бетонные, частично асфальтовые. Под ними располагались три калориферные печи. Тёплый воздух поднимался по трубам и через решетки в полу поступал в зал. Так отапливалось основное помещение. В ризнице был устроен собственный камин. Пять роскошных люстр, спасённых из ста-

рой церкви, освещали и украшали внутренний интерьер. В 1913 году установили 25-регистровый орган, изготовленный на фабрике в Кангасала.

Самый старый колокол в Ряйсяля, висевший на прежних звонницах, был отлит в Стокгольме в 1674 году. Другой сделан в Петербурге в 1848 г. и заменен в 1853 г. Оба колокола погибли во время пожара колокольни 1876 года. Для нового храма в Хельсинки, на заводе «Остберг и Баден» был заказан колокол, весивший 16 талантов (примерно 160 кг.). Летом 1914 года он раскололся по непонятной причине и только в 1921 году был отлит новый. Надпись на нём гласила: *«Община Ряйсяля 1921 г. Хвала Господу каждый день»* и *«отлит акционерным обществом Братья Фриис в мастерской Юкспихлая»*. Во времена, когда настоятелем церкви стал Бергрот, установили ещё один, более крупный колокол, отлитый из стали в Вестфалии. Его голос слышался далеко, вплоть до Уннункоски. Звучали колокола особенно красиво вместе, когда, по местному обычаю, звонили очень размеренно, лишь изредка ударяя языком. Два колокола сейчас находятся в Финляндии. Один из них сохранён в церкви прихода Панели, другой, поменьше, в Кокемяки.

В 1935 году в четвёртой кирхе Ряйсяля открылся небольшой музей, экспозиция которого посвящалась старой финской церкви. Здесь хранились старые работы церковной живописи и предметы утвари.

Церковная земля, на которой находилась собственно сама кирха и кладбище, принадлежала к поместью Ряйсяля, занимавшая небольшой клочок между полями торпарей — крестьян-арендаторов. Первые сто лет богатых прихожан хоронили под самой церковью. Для этого каждый раз разбирались скамьи и вскрывался пол. Захоронения делали неглубокими и летом, вероятно, в помещении стоял смрадный воздух от разлагающихся трупов. Однако место это считалось самым святым, и все, конечно же, мечтали быть похороненными здесь. Лишь после 1774 года вышло распоряжение властей, запрещавшее подобные сделки с церковью. Рядом находилось кладбище, обнесённое деревянным забором. Здесь хоронили всех умерших жителей волости. Кладбище росло, и захоронения поначалу велись стихийно. Затем, однако, пришлось отказаться от такой прак-



*Илл. 13. Братское захоронение финских воинов на кладбище Ряйсяля. 1944 год.*

тики. Ещё в XIX веке, делая ямы под новые могилы, часто выкапывали вместе с землёй старые кости. Всё происходило из-за того, что не было чёткого плана, а территория освящённой земли всегда тесна. Во времена настоятеля Ёхана Кристиана Швиндта в 1833 году приняли решение обнести кладбище каменной стеной. Для этого всех хозяев и арендаторов-торпарей обязали по зимнику привезти камни и материалы для ворот. Так появился забор, частично сохранившийся и до наших дней. Трое входных ворот располагались в следующем порядке: со стороны шоссе напротив церкви, у приходской избы и за церковью со стороны реки. После пожара 1910 года новую кирху передвинули выше по скале, а освободившуюся землю использовали под кладбище. Тогда же появились четвёртые ворота. Семейство Швиндтов имело на кладбище фамильный склеп, который выглядел так: над землей возвышался бревенчатый четырёхугольный домик белого цвета. Острове́рхую кровлю венчал золотой шар с крестом. После 1854 года все обветшавшие сооружения над склепами решили снести. Оставили только несколько лучших, к числу которых отнесли и вышеописанный. В 1939 году за счёт общины он был закрыт куполом из силикатного кирпича. В том же году на месте прежней

кирхи, по проекту кантора Лейнонена, поставили памятник. Два больших куба, сделанных из красного гранита стояли один на другом. Шар с крестом завершал композицию. Золотая надпись на камне гласила: *«Построенная на этом месте в 1763 году кирха сгорела от удара молнии 21.7.1910. Место, на котором стоишь — святая земля»*. Памятник окружали молодые берёзки. Из собранных с пожарища камней возвели невысокий поребрик, отделивший землю кладбища от церковной. В центре, недалеко от этого места, возвышался обелиск на братской могиле 1918 года, выполненный по эскизу художника Элиаса Илка. Барельеф изображал коленопреклонённого мужчину с опущенным в знак скорби знаменем. Двенадцать имён павших жителей волости, участников гражданской войны на стороне белой гвардии, высечены на камне. Надпись южного фасада гласила:

*Отец и мать — плакать нельзя;  
Не сетуй брат или сестра.  
Отечеству потребовалась жертва та.*

На северном фасаде было начертано: *«Через страдания к нашей памяти, через самое дорогое к могиле; Да здравствует свободная земля наших отцов!»*

У этого памятного места в дни государственных праздников устраивались церемонии, выставялся почётный караул.

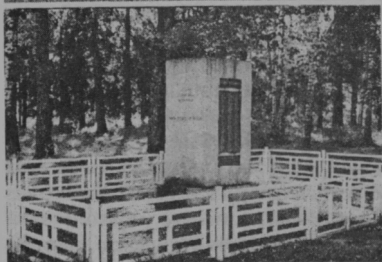
Другая братская могила, уже посвящённая павшим за Родину во второй мировой войне, находилась рядом с кирхой. Всего в двух войнах погибло более 300 солдат, уроженцев Рая-сяля, из которых большая часть нашла покой в родной земле.

В послевоенные годы, годы правления советской власти, кладбище было уничтожено, как и все другие кладбища на Карельском перешейке. Часть старого кладбища исчезла под новым жилым массивом, т.к. оказалась в черте новых градостроительных решений. После войны вандалы начали увозить каменные надгробья и срезать для сдачи в металлолом чугунные кресты. Ночные мародеры перекопали склепы и могилы. Это общий сценарий действий, отмеченный повсюду. Как вспоминает очевидец, в середине 1970 годов могильные плиты мас-





Илл. 14. Советское братское захоронение в центре посёлка и новая часовня. На заднем плане бывший дом правления общиной. Фото 2006 г.



Илл. 15. Новый памятник на финском кладбище. Фото 2000 г.

совым порядком вывозились в советскую Литву совхозом «Мельниково» в обмен на корма. «Против кощунственного разорения кладбища выступила только зоотехник-селекционер Екатерина Старкова — бескомпромиссный человек». Затем местная администрация решила раз и навсегда «окультурить» территорию перед кладбищем и вызвала бульдозеры. Раз и готово, вместо разорённого, но всё-таки кладбища, вскоре остался лишь ровный газон. На глазах автора этих строк, в 1984 году, происходили эти события. На месте оставался только памятник гражданской войны 1918 года. «На следующий год, — как пишет Свинарев, — его вывезли в Ровное, и, зашлифовав надпись, установили в Приозерске на могиле одного достойного человека, который при жизни никогда бы не согласился, чтобы на его могиле поставили чужой обелиск».

В 1991 году финское землячество «Ряйсяля» восстановило памятник, и часть надписи теперь звучит на русском языке — *«место, где стоишь — святое»*. На этом кладбище также хоронили некоторых советских солдат, павших при обороне Ряйсяля в 1941 году. Особенно много могил было на месте бывшего ипподрома и футбольного поля, где располагался медсанбат 265-й дивизии. Могилы первых советских переселенцев также находились на старом кладбище. На месте финского братского захоронения воинов проложена асфальтовая дорога к жилым домам. Недавно здесь установили «скоморошное бревно». В 1997 году общество «Ряйсяля» установило металлическую доску с именами погибших в войне жителей прихода 1939—1944 годов. С 1945 церковь передана совхозу «Мельниково», и до 1969 года здание использовалось под зернохранилище. Также была открыта сельхозлавка. Свинарёв рассказывает, со слов очевидцев, об огромных крысах, обитавших в подвалах кирхи того времени. Затем уже дом культуры переоборудовал храм под свои нужды. При этом была изменена внутренняя планировка и система обогрева. Вот что пишет 80-летний муниципальный советник Арви Науккаринен, уроженец Ряйсяля, проживающий в Финляндии: *«Несомненно, кирха идёт к разрушению, поскольку у землячества бывших жителей Ряйсяля очень ограничены финансовые возможности. Местные власти не хотят позаботиться о «чужом» культурном наследии. Единственным средством остаётся привлечь финское государство к восстановлению церкви, как относящейся к культурным памятникам финского зодчества»*.

### *Новые войны – новые беды*

Вернёмся в XVII век. Во время правления короля Карла Густава X русские попытались небольшими силами вернуть земли русской Карелии. Момент для нападения был удачный, в шведской Финляндии тогда свирепствовала чума. Православное население края поддерживало русских. В 1656 году во время осады Кексгольма все пригороды были сожжены, в том числе погибла и кирха Ряйсяля. Однако поход был неудачен, и, отступая, вместе со стрельцами, ушло и остававшееся православное население края, 4107 семей. Они компактно расселились в нескольких волостях под Тверью, и до

настоящего времени не утратили полностью своей самобытности. Теперь их называют Тверскими карелами. И всё же некоторое количество православных, или, как тогда говорили, русской веры, оставалось в Приладожской Карелии, т.к. лютеранский епископ Петер Бонг в 1680—1690 годах пытался войти в доверие к православным попам, чтобы добиться их большей лояльности к власти.

Что касается Ряйсяля, то в это время лютеранское население составляло подавляющее большинство, и край покинуло лишь несколько крестьян.

Неурожайные годы ознаменовали окончание века. В соответствии с переписью «дымов» на 1696 год, в Ряйсяля, под именем земледельца часто указано: «не может платить натуральный оброк», «бедный», «нищий», «живёт на милостыню». В таком состоянии находился край, когда началась Северная война (в финском варианте — Великая злоба). Суровое испытание двух десятилетий сильно подорвало экономику края, да и численность населения. В предвоенные годы во всей Финляндии проживало 500 000 человек. К 1721 году оно сократилось на 120 000. Только 40 000 из них составляли финские солдаты, кости которых разбросало на полях сражений от степей Украины до северной Норвегии. Швеция, потеряв часть земель, лишилась 500 пехотных «ротехоллов», и почти 300 кавалерийских усадеб, «бостелей» (имеется в виду шведская система воинской повинности, т.н. система индальты, поселений солдат, при которой определённое количество крестьян выставляет и содержит одного воина). Налоги, дополнительные военные сборы, трудовая повинность, извоз, а также доставка продовольствия и фуража для армии в конце разорили местных жителей. Хозяйства приходили в упадок и исчезали даже после того, как закончились боевые действия. В 1710 году русские войска взяли Выборг и, после двухмесячной осады, крепость Кексгольм. Войсками предводительствовал Р. Брюс. Правда, ещё раньше в результате карательных экспедиций был сожжён и разорён весь край. После заключения Ништадского мирного договора Ряйсяля, вместе со всей южной Карелией достаётся России. Новая граница со шведской Финляндией пролегла там же, где в настоящее время проходит современная, в 20—30 км на север от крайних деревень волости.

В отличие от соседних приходов, Ряйсяля повезло больше. Русское крепостное право не коснулось этих земель, и деревни не раздаривали направо и налево царским приближенным. Население сохранилось прежнее, лютеранское. После войны стало прибывать много новых людей, тоже финнов. В 1728—1729 годах была проведена общая ревизия Выборгской губернии, и ставки налогов снижены. Самыми крупными тогда были деревни Хютинлахти — 13 дворов [ныне Заветное] и Сяркисало — 11 [ныне Кротово]. После ревизии Ряйсяля, вместе с деревнями Кексгольмского предместья, но без учёта поместья пастора, выплачивала в казну 528 риксталеров, 25 эре и один пенни серебром, а также 412 бочек 22 каппа ржи и ячменя, 51 бочку и 18 капп овса.

После Северной войны новым владельцем усадьбы Ряйсяля и Ивасканмяки становится почтовый комиссар Петер фон Флорин. Позднее в XVIII веке владельцами имения Ряйсяля становятся в разное время полковник Крухов, советник Бротерус и вдова Якова Теисена. В начале 19 века хозяином стал надворный советник Йохан Летински.

После войны численность населения края стала быстро увеличиваться. В 1750 в Ряйсяля вместе с деревнями предместий Кексгольма было 1950 человек постоянных жителей. Спустя 30 лет уже 3175, а в 1818 году общее количество населения выросло до 4587. Большие семьи не были редкостью в те времена. Например, по переписи XIX века в Ряйсяля значилось 109 домов, где в семействе было 11—20 членов, 23 дома, где проживало 21—25, в 13 домах 26—30 и столько же хозяйств, где 31—53 членов семьи. Наибольшее количество крупных семей насчитывалось в Мюллюпелто, 31 семья. Довольно продолжительный мирный период, почти 200 лет, ознаменовался стабильным приростом населения, за исключением нескольких неурожайных периодов в истории волости. Стабильность и приверженность властей к прежним шведским законам, по которым жила т.н. Старая Финляндия, веротерпимость и присутствие в относительной близости огромного рынка, каким

стал являться г. Санкт-Петербург, обусловило постепенное развитие края. В ходе очередной войны между Россией и Швецией (1808—1809), вся Финляндия вошла в состав Российской империи, унаследовав дарованный ещё шведами титул «Великого княжества». Спустя два года вся Выборгская губерния передаётся в состав вновь образованного княжества. Формальная граница с Россией переносится на реки Сестра и Вьюн. В итоге Карельский перешеек, Приладожье, Лаппеенранта, Коуволла, Савонлинна и Хамина, относившиеся к Старой Финляндии, оказываются снова финскими.

После спуска вод Вуоксы, в 1857 г., крестьяне получили тысячи гектаров новых хороших пахотных земель, и сельскохозяйственная направленность волости укрепилась. С этого времени Ряйсяля становится одной из самых крепких и значительных областей Карельского перешейка, где развивалось полеводство и животноводство.

В середине XIX века определились окончательно границы волости. После 1849—1851 гг. Каукола отделилась от Ряйсяля, и была включена в церковный приход Кексгольма на правах капелланства. Одновременно из волости вышли деревни Суотниemi [ныне Яркое], Хирвисаари [ныне остров Олений], Кяхёнлахти, Марялanniemi [ныне Марьино], Няпинлахти [ныне Синёво]. После этого в Ряйсяля осталось 4 700 жителей. Население сократилось до 4000 человек в 1870-х неурожайных годах.

Генеральное межевание земель провели в Ряйсяля в 1830—1840 годах. Тогда определились границы деревень: Хумалайнен, Хумалапелто, Хютиналаhti, Хярскеенсаари, Ивасканмяки, Каркола, Киисанлахти, Кивипелто, Кёккёля, Конингинмяки, Ламмасмяки, Ламминаутио, Лохикаллио, Локинанпелто, Луотсанлахти, Ляхениеми, Маккола, Мюмлюпелто (Мельнитсанпелто), Муонола, Неитсюткаллио, Няпинлахти, Патаксела, Пиисконмяки, Пудория, Раутакопра, Ряйсяля, Саккали, Суткенлакс, Сяркисало, Таркола, Текемялахти, Тииттола, Тимоскала, Тиури, Тиуринмяки, Уннункоски, Виртеля. Всего 37 населённых пунктов. Некоторые из них к тому времени были уже большими деревнями, другие мелкими хуторами, но все, так или иначе, существовали до своих переименований в 1948 году.

## Сельское хозяйство

Земледельцы поселились в этих местах уже тысячу лет назад, однако расчистка полей под пашню была очень тяжёлым трудом, и сменилось ещё много поколений крестьян, прежде чем появились современные нам пахотные угодья Ряйсяля — Мельниково. Возможности для занятия сельским хозяйством здесь были лучше, чем в южных волостях Карельского перешейка, где развитию долгие годы мешало существование полукрепостного права. Генеральное межевание 1830—1845 годов закрепило участки земли за живущими там крестьянами и подтвердило их права собственности.

До середины XIX века новые участки пашни получали путём подсечного земледелия и осушения болот. Жители Тиуринмяки, например, имели свои пожоги в чащах у деревни Сяркисало, что было довольно далеко от дома. Старый метод определения почвы болот на пригодность для сельского хозяйства сводился к тому, что из нового места брали пробу ила. Его высушивали и сжигали. Если оставшаяся зола была коричневого цвета, то такое болото подходило для выращивания хлеба, (отсюда сохранившееся на Карельском перешейке название Лейпясую — Хлебное болото), если зола оказывалась светлой, то отказывались от его возделывания. Вначале болото осушали, прорывая канавы, затем расчищали и выжигали несколько раз. Потом сеяли рожь и ячмень, пока эта земля могла родить хороший урожай. Затем на 20—30 лет поле забывали или использовали под луга. Такой способ считался самым традиционным в провинциях Яяски и Кексгольм.

Для деревень Ряйсяля было обычным делом, что к такой работе подключались все жители разом. «На пожоге для всех работа найдётся» — гласит финская поговорка. Иногда жгли и свои частные лесные угодья. Деревья валили обычно в июле, и на следующий год сушняк сжигали. После этого место подлежало расчистке. Оставшимися от пожара пнями огораживали новое поле. В первый год сеяли рожь, на второй — рожь, овёс, гречиху или репу. Гречихой засеивали самые лёгкие почвы, и в конце августа собирали урожай. Вследствие неустойчивости

климата её выращивание было очень рискованным занятием. Сложилась даже такая поговорка — «Греча может в дом, может из дома». Такое поле обрабатывали в течение 3—6 лет, после чего оно опять зарастало лесом. Удобрений не знали и не применяли, хотя идея лежала на поверхности. Как и в первом случае, к новой обработке поля возвращались другие поколения. Во второй половине XIX века посадки картофеля, в своей массе, сменили выращивание репы.



Илл. 16. На пожоге, XIX век.

Истории хорошо известны неурожайные годы второй половины века, когда по всей стране умерло от голода 138 000 человек. В 1867 году урожай собрали плохой. В Ряйсяля ситуация была лучше, т.к. обилие водоёмов рядом с полями согревало и отгоняло ночные заморозки. Только в 70 хозяйствах пришлось дополнительно докупать семенное зерно (15 кулей российского ячменя). Следующий год был жаркий, и недозрелое зерно сгорело в поле. Пришлось брать у государства ссуду 4 000 марок серебром на покупку семян. До следующего урожая не хватало хлеба на еду. Весной были открыты государственные зерновые магазины в Кексгольме. Для самых бедных семей взяли в долг 80 бочек ржи. Годы 1873 и 1874 также были недородными. Опять взято у государства 3000 марок для покупки семян. Хуже всего обстояло дело с урожаем сена. Говорят, что все соломенные крыши сараев пошли на корм скоту. Год 1880 выдался опять тяжёлым. В 180 крестьянских хозяйствах не хватало семян для посева. От государства получили заём в 10 000 марок. В годы неурожая добавлялось в волости беженцев, которых приходилось также поддерживать.

В те времена, когда большие массы вод Вуоксы протекали через Ряйсяля, случались и природные бедствия, осложняющие жизнь хлебороба. Прибрежные поля, заливные луга и болотины страдали от разлива реки в весеннее половодье. Воз-



делывание ближних к воде участков было затруднительно, а зачастую просто невозможно. Помимо весенних паводков, случались также внезапные заторы на порогах, скованных льдом. Рассказывали, что много лет назад поздней осенью пороги Ахвенитсенкоски и Уннункоски [ныне Горы] заперло льдом. Вода поднялась так высоко, что течение изменило своё направление в пороге Уннункоски. В приходском центре Ряйсяля река затопила территории и перетекала даже через шоссе в районе церкви. Зимой, естественно поля покрыл слой льда, и запасы заготовленного сена пропали. Однако вода оставалась главной жизненной артерией, связывающей все деревни друг с другом и с большим миром. Она также кормила местное население рыбой, запасы которой помогали пережить голодные неурожайные годы.

После спуска вод Вуоксы на побережье образовались новые плодородные земли, пригодные для возделывания. Выше порога Тиури вода ушла на 4 метра (Тиверские волокы), за порогом Уннункоски, где Вуокса расширяется большим озером Уусиярви, — на 1,5 метра. В других пунктах уровень понизился на отметке между этими максимальными значениями. Но не только прибрежные земли были осушены. Вся система бассейна Вуоксы обмелела благодаря водотокам, связанным с ней. Обмелели такие озёра, как Кюнсаярви [ныне Лопата], Питкяярви [ныне Роцинское] и многие другие. Таким образом, дополнительные пашни появились не только вдоль берегов основного русла, но и в глубине волости. Вместе это составило тысячи гектаров новых плодородных земель. По предвоенным подсчётам, 50—60% пахотных земель в Ряйсяля приходилось на осушенные территории. Люди переселялись поближе к воде. Старые материковые поляны — неудобья начали оставлять, и вскоре они заросли лесом. К ним стали возвращаться только в начале XX века. Потери от ухода воды также быстро сказались на экономике волости. Застыли водяные мельницы и лесопилки, рыболовство стало чахнуть год от года и перестало быть значимым источником дохода. Лосось ушел из этих мест. Однако эти минусы не шли ни в какое сравнение с выгодами сельского хозяйства. После вышеописанных событий оно дало большой скачок в своём развитии. Количество выращенного хлеба и

кормовых культур увеличивалось неизменно и во второй половине XIX века. Много излишков шло на продажу в соседние волости Пюхьярви и Кирву [ныне Свободное]. Дополнительные луга позволили повысить поголовье стада крупного рогатого скота и его качество. На выставке 1937 года, проходившей в волости Яски, коровы из Ряйсяля заняли семь первых мест.

После 1850-х гг. ведёт отсчёт выращивание лошадей на продажу, главным рынком которой был вначале Петербург. Именно лошади впоследствии станут визитной карточкой, символом Ряйсяля. Для землевладельцев этот дополнительный промысел был очень выгоден, так как давал возможность заработать живые деньги. В то время, когда граница была ещё открыта, приезжали торговцы лошадьми из Выборга, Кексгольма, Сортавала и Йоенсуу. Карелы и сами везли лошадей на продажу в Россию, на рынок Петербурга, где спрос на тягловую силу всегда превышал предложение. Для координации действий в 1898 году в Уннункоски образовали общество любителей лошадей, куда вошли местные коннозаводчики из Ряйсяля и Каукола. Оно ежегодно устраивало выставки жеребят и скачки. Первый раз скачки организовали на льду озера Вуокса в Уннункоски 4 января 1899 года. В соревнованиях приняли участие заявители из разных волостей Южной Карелии. На двухкилометровой трассе первой пришла кобыла Пиркко хозяина Матти Куисма из Ляхениеми. Подобные скачки стали проводить каждую зиму. Коннозаводчики обратили внимание и на беговые качества лошадей. В предвоенные годы в Ряйсяля существовал уже и свой ипподром.

Торговля со столицей была очень важна для всех волостей Карельского перешейка. От дома к дому ходили т.н. «парисниекат», диалектное слово, обозначавшее карельского перекупщика, барышника. Они скупали у крестьян лошадей и другую скотину, мясо. Крестьяне и сами были не прочь съездить в Питер и продать хотя бы воз сена или соломы. Обычно отправлялись в такую поездку сроком на неделю, чтобы спокойно найти подходящего покупателя и заодно купить на месте товары для дома. В неурожайные годы в столице покупали до 50% зерна для собственного пользования. Традиционно в Питере покупали муку, крупы, соль, промышленные товары. В

### Площади посевов в волости Ряйсяля

	на 1910 г.	на 1920 г.	на 1930 г.
Всего полей (га).	5.382	5.835	около 8.000
Рожь	892	810	714
Яровая пшеница	6.2	60	10
Озимая пшеница	-	40	52
Ячмень	262	197	227
Овёс	1.275	1.270	1.198
Картофель	118	154	125
Корнеплоды	15	43	48
Лён	20	22	7
Сено	1.895	2.200	3.900
Под паром	840	766	612

остальном, за неимением лишних денег, старались жить натуральным хозяйством.

В середине XIX века появилось Выборгское земледельческое общество, которое стало помогать крестьянам своей просветительской деятельностью, знакомить их с последними передовыми способами ведения сельского хозяйства. В 1853 году общество выпустило, в частности, книгу «Об уходе за лугами и о некоторых способах выращивания кормовых и сена». Кроме этого, оно стало довольно активно предлагать через местные магазины по льготным ценам семена кормовых культур. Результат сказался в своё время, когда в Ряйсяля организовали в 1880 году первую сельскохозяйственную выставку, на которой были широко представлены семена тимopheевки с местных полей. С 1889 года инициативу развития подхватило учреждённое на месте общество земледельцев.

До первой мировой войны пытались выращивать районированные в Сибири сорта проса и яровой пшеницы. Пшеницу привозили и из западной Финляндии. От возделывания проса вскоре отказались из-за отсутствия специальных молотилок, но с пшеницей продолжались постоянные опыты. Если в 1915 году ещё повсеместно бытовало мнение о том, что эта культура не годится для Карельского перешейка, то в 1930-е годы уже сотня крестьян выращивала белый хлеб на своих полях. В

Тиури построили даже специальную молотилку для обмолота пшеницы, которая слыла лучшей в округе. Посевы озимой ржи также привлекали внимание земледельцев. С начала XX века увеличиваются посадки корнеплодов. Новый век ознаменовался для карельских крестьян прежде всего тем, что производство сельхозпродукции становится рентабельным даже в условиях конкуренции с земледельцами России. А в 1930-е годы быстрыми темпами развивалось выращивание картофеля и сахарной свёклы, капусты, гороха. Начали появляться сады, собранные из привозных сортов деревьев, кустарников, декоративных растений.

За последнее перед войной десятилетие было расчищено под пашню ещё много пустошей. К 1939 году общее количество обрабатываемой земли составило около 10 000 га. Частные леса занимали площадь более 26 000 га. Общее население Ряйсяля приближалось к 8000 человек.

### *Пути сообщения в Ряйсяля*

Издревле дороги в Ряйсяля представляли собой лесные тропы, проложенные сквозь дремучий лес и скалы. Только водный путь был удобен во многих отношениях. Зимой, сроком на несколько месяцев, устанавливался санный путь по льду рек и озёр. Спуск вод Вуоксы 1857 года привёл к потере части этих водных маршрутов и образованию новых порогов на пути к Уннункоски [ныне Горы]. На строительных работах в Кивиниеми [ныне Лосево] принимали участие также бригады из Ряйсяля. Тогда планировалось путём прорытия канала через пересохший перешеек создать возможность судоходства из озера Суванто на Верхнюю Вуоксу. Однако в ходе взрывных работ образовался мощный порог, и сток всего оз. Сайма, наполнявший Вуоксу, ринулся вниз к озеру Суванто и далее в Ладожское озеро. Вуокса на территории Ряйсяля обмелела на глубину от 1,5 до 4 метров. В районе выше Тиверского городища образовались даже т.н. Тиверские волокы. В настоящее время из-за поднятия земной коры эта разница уровней стала ещё больше, до 6,5 метров. Третья часть всего зеркала водной поверхности Вуоксы перестала существовать (см. Г.А. Исаченко,

Вуоксинская эпопея). Река Вуокса больше не сообщалась напрямую с той своей северной частью, где находился центр волости. В 1883 году от общины Ряйсяля было послано ходатайство губернатору о разрешении на дальнейший спуск северного рукава Вуоксы, Уусиярви. Для этого предполагалось расчистить от камней пороги в Кексгольме и Уннункоски. Крестьяне не унимались! Однако положительного ответа они так и не получили.

По Вуоксе осуществлялись довольно оживлённые перевозки. Со строительством железных дорог Хийтола — Раасули [ныне Орехово] в 1917 г., и Выборг — Валкъярви [ныне Мичуринское] в 1930 г., а также с развитием автомобильных дорог, судоходство утратило свои позиции на Уусиярви, в районе Кексгольма. На Нижней Вуоксе, и между Уннункоски и Кексгольмом пароходное сообщение сохранялось. Частные судоходные компании держали полковник О. Ярнфельд и чиновник А. Берг. Позднее в Уннункоски [ныне Горы] образовали кооператив судовладельцев. В начале XX века планировали восстановить с помощью новых каналов сообщение между Ладожским озером и Финским заливом. Маршрут был определён по старому пересохшему природному руслу, которым пользовались в древности. Однако бурное развитие железных дорог и автомобильного транспорта похоронило и эту идею. В 1917 году была построена железнодорожная ветка Хийтола — Раасули, другими словами, Петроград — Кексгольм — Хийтола. Она прошла через деревню Мюллюпелто, принадлежавшую волости Ряйсяля, где появилась одноименная железнодорожная станция.

Самой старой сухопутной дорогой в крае был почтовый тракт Выборг — Сортавала, проходивший через деревню Сиирлахти [ныне Заветное]. Там существовал постоянный двор, обслуживание которого входило в повинности крестьян. Менее значимые дороги в волости тоже имели постоянные дворы. Это, прежде всего, у церкви Ряйсяля, в деревне Хумалайнен и Мюллюпелто (старое название Мельнитсанпелто). Расстояние между постоянными дворами не должно было превышать 22 километра. От церковной деревни старая дорога проходила на Каукола, и в районе Хаутапелто [ныне Степанянское] соединялась с почтовым трактом. Состояние дорог было плачевным. Когда во второй половине XIX века появилось волостное самоуправ-

ление, надзор за поддержанием старых и строительство новых сухопутных путей возложили на него. С развитием хозяйственной жизни волости требовалось резко улучшить состояние дорог. С другой стороны, в Ряйсяля требовалось возвести множество дорогостоящих мостов, на что у общины денег не было. С этой задачей справились только в XX веке.

Первой дорогой, построенной в это время, стала в 1869 году «Дорога на Торхон» [ныне Балахановская дорога]. С её открытием получили удобную шоссейную магистраль через Вуосалми в Выборг. После этого крестьяне стали требовать постройки деревенских дорог, выходящих на большие тракты. Суд провинции одобрил строительство 72 верст новых дорог, предложенные к рассмотрению. Однако неурожайные годы опустошили казну и сделали невозможными выполнение этих планов силами общины. Жители не могли понять, для чего *«нынешнему поколению на долю достались такие мучения, как строительство всех дорог разом, когда как обычно их растягивают на многие поколения»*. Губернатор, видимо, не ратифицировал решение суда, потому, что спустя два десятилетия этот вопрос вторично стоял на повестке дня. В 1872 году вышло Высочайшее повеление о строительстве дороги от волостного центра Ряйсяля к границе Кексгольма [нынешнее шоссе на Мюллюпелто]. На переправе через Вуоксу у Ивасканхови стройка задержалась дольше всего. Повеление о строительстве моста выполнить не удалось, и вместо этого наладили паромную переправу. Настоящий мост через пролив Иваскансалми, (на правый берег Мельниково) был построен в 1909 году. Длину моста удалось сократить за счет длинной каменной насыпи.

В 1895 году в соседней волости Кирву [ныне Свободное] прошла железная дорога и появилась станция Сайрала [ныне Бородинское]. Старая дорога от кирхи через Сиирлахти казалась очень длинной и извилистой. Было решено строить прямую трассу вдоль озера Хелисевянъярви [ныне Любимовское], и, хотя собрание общины восставало против этого, распоряжение генерал-губернатора было неизменно. Не помогло даже обращение в сенат. Дорогу построили к большой пользе местных жителей. Приведение путей сообщения в надлежащее состояние с постройкой дорогостоящих каменных мостов, вы-

равниванием шоссейных дорог, возведением ограждений на крутых участках осуществлено в 1930-х годах. Доля участия государства в улучшении дорог составляла в то время примерно 40%. Во время экономического кризиса 1932—1934 годов проложили прямую дорогу между Кюнсиярви [ныне Васильево] и Алхотоя [ныне не существует]. Через 16 метровый пролив Мёммёнсалми перекинули замечательный мост, сохранившийся и в наши дни. Государственный заем на этот проект составил 200 тысяч марок. В 1937—1939 гг. шло строительство 40 метрового моста через Вуоксу в Уннункоски. Общая сумма расходов составила миллион финских марок. Это был, вероятно, самый длинный общинный мост на Карельском перешейке. Сдача моста состоялась перед самой Зимней войной. В 1941 году русские саперы сожгли его, отступая, однако каменные быки и балки перекрытий сохранились. Мост вскоре был восстановлен. Последние значительные улучшения наземного сообщения проводились финскими военными перед самой войной, осенью 1939 года.

### *Волостное самоуправление*

В 1865 году царь одобрил законопроект, положивший начало волостному самоуправлению в Финляндии. С этого времени власть общины разделялась на церковно-приходскую, бывшую ранее верховной, и земскую, волостную. Тогдашний церковный настоятель в Ряйсяля фельдпробст Йохан Фредрик Грёнлунд провёл собрание прихожан, на котором был обнародован царский указ. Это произошло уже спустя два года, 18 августа 1867 года. Для выбора представителей гражданской власти был составлен комитет, куда вошли «все церковники, судебные заседатели и старейшины деревень». Через некоторое время на другом собрании прошли выборы на должности в первое волостное правление. Председателем назначили участника созыва сейма, крестьянина Мартти Киуру из деревни Кивипелто [ныне Быково]. Заместителем стал его земляк Юрьё Кауппинен. Кроме них в первом правлении работало ещё 5 человек на постоянной основе, столько же заместителей и 21 доверенное лицо. Люди подобрались грамотные и честные, но не знакомые с особенностями управленческой деятельности.

В тяжёлое время начинало свою работу выборное руководство. В стране был неурожай, повсеместно свирепствовал голод. Нужно было добиваться ссуд для покупки на стороне зерна, распределять между нуждающимися благотворительную помощь. Волость разбили на 6 округов, в каждом назначили ответственных лиц. В северных районах Финляндии недород хлеба был сильнее, чем на Карельском перешейке, туда и потянулись голодные семьи. Кроме того, прошел слух, что в Ряйсяля есть хлеб. Поток беженцев нарастал. Правлением на общем собрании было решено оповестить всех беженцев, что в течение недели все должны сделать письменное заявление на имя волостного правления, в котором бы они сделали запрос о разрешении на пребывание на территории Ряйсяля. Требовалось доказать свою полезность для общества в будущем, чтобы не стать обузой. На основании такого разрешения в волости появилось много полезных мастеров, таких как — каменщики, плотники, мельники, кузнецы, сапожники. В дальнейшем многие остались здесь жить и навсегда связали свою судьбу с Ряйсяля.

Забота и попечение о престарелых, беспризорных детях, вопросы здравоохранения, строительство и поддержание дорог, перевозки, доставка почты, создание пожарной команды, организация помочей, и ещё многое и многое относилось к сфере деятельности волостного самоуправления. В первые годы работы одним из самых сложных вопросов стала борьба с самогоноварением. В 1866 году вышел новый финский закон, запретивший самостоятельное самогоноварение и массовые попойки. Государство объявило монополию на крепкие напитки. Однако люди, привыкшие не ограничивать себя в питье, не смирились и стали заниматься этим тайно. Волостному правлению поручили препятствовать самогоноварению и нести за это ответственность. Официальное разрешение на производство и продажу напитков получила одна усадьба. Как это и водится, к магазину добавилось ещё несколько подпольных самогонных точек. Какие бы меры ни принимали власти, результатом было лишь увеличение числа пьяниц. Это подтвердили на прошедшем в 1880 году собрании общины. Губернатору отправили письмо, в котором предлагали свой метод борьбы с зельем. Считали необходимым ограничить розничную про-



дажу двумя каннами (1 канна = 2,6 л) в руки. Все также согласились с тем, что в том месте, где торгует официальный магазин, тайные самогонщики не выдерживают конкуренции.

На рубеже веков настоятелем кирхи был Элис Бергрот, который основал 52 отделения общества трезвости. Очень много помощи в этом деле оказал также учитель народной школы из Тиури Юхо Вайнио. Многие его ученики перед выпуском давали обет трезвости. Одно из таких обществ он основал на юге волости, в деревне Хумалайнен (в переводе «пьяная»).

В 1894 году произошло знаменательное событие в жизни Финляндии и её столицы — открытие памятника русскому императору Александру II.

На постройку памятника на Сенатской площади в Гельсингфорсе, собирались средства по всей стране. Община Ряйсяля тоже выделила сумму в 300 марок. На церемонии открытия монумента в 1894 году, как представитель общины, присутствовал доктор Теодор Швиндт.

Начавшаяся первая мировая война тяжёлым бременем легла на всё Великое княжество Финляндское и на волость Ряйсяля. Мужскому населению приходили рабочие разнарядки для отправки на строительство оборонительных сооружений под Выборг и Лаппеенранту. Лошадей и скот на мясо надлежало сдавать военным властям за бесценок. В 1917 году община ответила отказом на новое заявление властей об обязательной продаже в армию 1—1,5 % от поголовья всего стада волости в месяц. Тем более что в предыдущем году уже сдали дважды по норме 1% от стада. Община также отказалась поставлять крестьян на оборонные работы, поскольку летом им хватает дел на своих полях. Однако в добровольном порядке безземельные жители Ряйсяля отправились на работы, поскольку оплата землекопам была приемлемой. Из-за войны собственные запасы семенного фонда составляли на 30—35 % меньше необходимого. В октябре 1917 года община, вместе с несколькими другими волостями собрала 300 тысяч марок на экспедицию в глубь России для закупки зерна, однако затея провалилась в связи с начавшейся второй революцией и неразберихой в собственном крае. Ещё два года крестьянам пришлось сидеть с затянутыми поясами и сдавать за небольшую компенсацию

продукты и фураж, теперь уже для собственной финской армии. Как-то в 1915 году община купила половину земель усадьбы Ряйсяля, и, когда разговор о продаже сельхозпродукции для армии поднялся в 1919 году, было решено вначале использовать этот богатый общинный фонд, а затем, если не хватит, то дополнить с самых зажиточных крестьян. Так община помогла малоземельным крестьянам пережить тяжёлое время.

В последующие годы, после обретения Финляндией независимости, институт местной власти укрепился. Однако выборы местной власти с этого момента всегда проходили под лозунгами политических партий. В декабре 1918 года сменялось руководство. На выборах среди кандидатов были представлены буржуазные партии и Аграрный союз, который и занял почти все места. Представителям левых партий в то время, сразу по окончании гражданской войны, не было места в руководстве. На всех последующих выборах в местные советы кандидаты от правых получались в меньшинстве. Одну треть голосов собирали социал-демократы, остальные места оставались за крестьянским Аграрным союзом. Волостное правление закончило свою деятельность уже в эвакуации, в 1948 году, проделав перед этим колоссальную работу по расселению жителей Ряйсяля на новых территориях.

### *Годы независимости*

В 1918 году Финляндия стала независимым государством. Некогда открытая граница с Россией была теперь на надёжном стальном замке. Негативным последствием этого стало прекращение торговли с востоком. Дешевое зерно и товары из Петербурга перестали поступать в Ряйсяля. Крестьяне также лишились выгодных рынков сбыта своей продукции и отхожих промыслов. Теперь приходилось обо всём заботиться самим. Карельский перешеек вмиг превратился из выгодно расположенного пригорода мощнейшего рынка, каким был Петербург, в отдалённую провинцию. Только поступательное развитие Выборга, ставшего вторым по величине городом в Финляндии, смягчило положение. Хозяйствам, чтобы выжить, нужно

было становиться самодостаточными. Торпари — крестьяне-арендаторы получили независимость. Стали появляться новые хозяйства. Государственная политика поддержки фермеров, взявшихся за разработку целинных земель, начала приносить свои плоды. Размеры полей стали расти исключительно быстро. Вскоре научились покрывать собственные потребности, и выращивать зерно на продажу. К концу 1930 годов в волости уже стало более 10 000 га пашни, что составляло при делении на каждого жителя Ряйсяля приблизительно по 1,25 га. Молоко научились перерабатывать на месте, либо возили в Выборг на крупный завод Валио. Открылись новые рынки сбыта внутри страны. Так волость, славившаяся в старину своими лошадьми, стала крупным поставщиком сельскохозяйственных товаров на общий рынок. Увеличились также объёмы переработки лесопильных материалов. В предвоенные годы вывоз леса становится основным экспортным источником дохода страны.

### *Промышленность и кустарные промыслы*

Промышленность в волости представляли лишь несколько мельниц и лесопилок. Разные протоки Вуоксы создали сеть порогов, в том числе Киллатсункоски, Уконкоски, Уннункоски (Мельничный), Тиуринкоски (Тиверский), Коннитсанйокоски (теперь на р. Весёлой) и Тууласкоски. На всех вышеперечисленных порогах когда-то работали мельницы, а на Киллатсу и Коннитса — порогах и лесопилки. Сто лет назад заводчик А. Эдер основал мельницу и лесопилку у порога Тууласкоски. Это было первое в Ряйсяля т.н. фрахтовое лесопильное предприятие. Спустя пару лет здание сгорело. Ещё два раза хозяин отстраивал своё детище, но после третьего пожара всё бросил и уехал прочь из волости. Граф Сиверс, владелец усадьбы Ряйсялянхови, около 1897 года построил на своих землях современное двухрамное лесопильное предприятие. Пилы приводились в движение паровой машиной. Три года лесопилка занималась производством досок из леса поместья. Когда почти весь замечательнейший в этих краях лес был уничтожен, оказалось, что хозяину это производство стало не выгодно, и машины встали. Спустя пять лет лесопилку разобра-

ли. Мельник по имени Эдвард Ваेतоя поставил на пороге Килатсункоски в 1908 году рамную лесопилку, где занимались распиловкой под заказ для местных жителей. В 1920 году добавилась столярная мастерская, оборудованная современными инструментами. Предприятие получилось прибыльным, и уже сын старого хозяина проработал здесь до самой войны, занимаясь экспортными поставками. На другой стороне порога стояла старая мельница, принадлежавшая усадьбе священника. Мельник Август Копонен много лет назад взял её в аренду и стал производить лучшую муку в округе. Семья Копонен была известна в Ряйсяля. Много хороших мельников с такой фамилией работало на разных мельницах. В Тиури жил Израель Копонен и его сын Матти, которые держали мельницу «Йоенмюллю» много десятков лет. В деревне Хумалайнен также имелась своя мельница и лесопилка, принадлежавшие Тойво Ваेतоя. Механизм приводился в движение как силой воды, так и паровой машиной. На пороге Уннункоски крестьянин Ланкинен держал водяную мельницу, обслуживавшую односельчан. Поблизости от усадьбы Ивасканхови купец Йозеф Валберг построил в 1907 году паровую лесопилку и мельницу. Из-за болезни хозяина дело вскоре заглохло. Спустя некоторое время община Ряйсяля купила поместье, и восстановила мельницу и лесопилку для нужд жителей деревни. Предприятие проработало вплоть до эвакуации. При усадьбе Ивасканхови находилась электростанция, которая давала электричество всему центру волости с начала века. На другом берегу тоже работала электростанция, принадлежавшая усадьбе Ряйсялянхови. Мелкие частные электростанции существовали и в деревнях Маккола [ныне Студёное], Хумалайнен, Мюллюпелто, Уннункоски. Они не обеспечивали всех потребностей волости, а планам полной электрификации путём проведения высоковольтной линии передач с ГЭС Иматра, так и не суждено было сбыться. На станции Мюллюпелто, начиная с 1918 года, было построено несколько мельниц и лесопилок. В деревне Сяркисало [ныне Кротово], у Вилле Хюнинена работала паровая мельница и лесопилка. Торговый советник Й. Хелленберг стал в начале 1920 годов новым владельцем усадьбы «Большой двор» в Ряйсяля. При нём в имении была построена самая крупная и современная в Ряйся-

ля лесопилка, работавшая главным образом на экспорт, и сравнительно крупная мельница. Предприятие просуществовало до самой Зимней войны. С 1938 года в церковной деревне Ряйсяля начала работу современная мельница, специализировавшаяся на помоле пшеничной муки и небольшая лесопильня, принадлежавшие Тойво Пуса.

Из кустарных промыслов в Ряйсяля занимались кузнечным делом, изготовлением обуви, столярными и плотницкими работами. Многие развивали талант до профессионального уровня, занимаясь своим ремеслом ежедневно.

Лыжный спорт в волости был на хорошем счёту. Особенно активно он развивался в 1905—1915 годах. Разумеется, не отставали и кустари, изготавливавшие лыжи. Многие известные лыжники, такие как Матти Асиккайнен, братья Лалукка сами изготавливали лыжи для соревнований. Но были в Ряйсяля и свои специалисты по изготовлению отличных лыж на продажу. Местный поэт сочинил про них такое четверостишие:

*В Ряйсяля известно нам лыж изготовленье,  
В Тиури тругяга есть известный Роини — Пекко;  
Мастерят их два мужа в Хютинлахти тоже,  
Мусакка надёжный есть и Асиккайнен Матти.*

## Сельская архитектура

Путешествуя по Финляндии из губернии в губернию, только по разнице в архитектурных стилях можно определить, где находишься: на западе ли, в Похьянмаа, или на востоке — в Саво или Карелии. Строительные приёмы отличаются даже в разных волостях. Житель Ряйсяля обычно ставил свою избу поближе к берегу озера или реки. От северного ветра защищались, построившись на южном или западном склоне холма. Жилой дом старались поставить на высшей точке своей земли, так, чтобы остальные постройки хорошо просматривались с разных сторон и окружали его. Основным типом постройки жилого дома, сохранявшимся ещё на протяжении всего XIX века, была т.н. двух-избовая система. Под одной крышей раз-

мещались два сруба, две избы: жилая и гостевая. В центре, между ними находились сени и иногда продовольственная кладовая. Из сеней попадали через отдельные двери, на какую либо из половин дома. Продовольственный амбар в таком случае располагался поблизости от дома. Обычный размер жилой избы составлял 6 на 15 метров. Потолочными балками служили 4 или 5 могучих бревен, поверх которых укладывался дощатый настил. Пол набирался из длинных, шириной до полуметра досок. Он никогда не красился, а лишь мылся водой и чистился песком до белизны. Окна делались небольшие, 85 на 110 сантиметров, рамой с расстекловкой делившиеся на 6 частей. Печи клали из камня на деревянном основании в виде сруба. В XIX веке всё ещё преобладали курные избы, отапливавшиеся по-черному. Двери изготавливали из толстых досок. Постройки никогда не красились.

Для домашних животных обычно ставились хлев, конюшня, свинарник, иногда загон для овец. В те времена они строились из брёвен, но применялась и каменная кладка первого этажа. Дикий валунный камень обмазывался с наружи известковым раствором. Внутри оставался без скрепляющего раствора. В стене иногда проделывали 3 или 4 маленьких четырёхугольных окна, а в конюшне обычно ограничивались одним. Внутри не было специального оборудования для животных. Корм клали на землю и чистили помещение от навоза не чаще двух раз в году.

Приусадебные постройки располагали вокруг дома таким образом, что они образовывали почти каре, закрытый двор. Сюда относились также специальные постройки для одежды и другие кладовые. В таких местах летом ночевала молодёжь. Много романтических историй и приключений происходило здесь. Молодые пары также начинали свою семейную жизнь в одной из кладовых. Невдалеке от главного комплекса ставили хлевный амбар, ригу и сауну.

Перед началом XX века в строительных приёмах появляются изменения. Жилой дом стали строить с другой планировкой: в центре изба и по бокам две горницы. Высота потолков увеличилась до 4 метров, оконные проёмы стали делать под стать им. На одной стене размещали столько окон, сколько было возможно. Расстекловка оставалась иногда прежней, по-

деленной на 6 частей, а иногда по-новому, Т-образной. Наружные стены начали красить, а внутренние оклеивать обоями. Постройки стали выглядеть веселей. При строительстве скотных дворов стены выкладывались из необработанных камней, доставленных с каменоломни. Вскоре отказались и от этого приёма, используя обработанный, с гладкими поверхностями привозной камень. Тогда коровник получался ещё красивей. Вот только с внутренним пространством не всё пока выглядело так гладко. Начали практиковать возведение очень больших скотных дворов, где под одной крышей размещали и хлев, и конюшню и свинарник. Часто в таких сооружениях присутствовал въезд на чердак, удобный для телеги. Оригинальным отличием скотных дворов Ряйсяля было наличие либо закрытого крышей проезда, либо большого навеса. Хозяева даже соревновались, у кого такой проезд шире. В начале осени он служил ночным убежищем для коров.

Обычно, берясь за строительство нового здания, крестьянин не пользовался никакими проектами или планировками. Главная цель, которую он себе ставил, это достаточно просторное и удобное помещение. Конечно, все оглядывались на соседей. Появление в сельскохозяйственном обществе должности советника по строительству внесло много положительных изменений в методы возведения как жилых построек, так и скотных дворов. Вошло в правило запрашивать архитектурные планы для каждой новой постройки. Это позволило приблизиться к «золотой середине» между удобством, красивым внешним видом и затратами. В волости работал строительный мастер Ю. Хаантие, который создавал проекты построек. Так хозяева получали современный внешний вид дома, лишённого серьёзных конструктивных ошибок. Вейяния моды также определяли стиль. Одно, довольно непродолжительное время все стали увлекаться т.н. «ломаной» крышей, и настроили много домов сомнительной эстетической ценности и чужеродных по виду. Однако поветрие вскоре прошло. Зимняя война прервала процесс формирования нового архитектурного облика Ряйсяля. Силикатно-кирпичный, бездушный облик послевоенного Мельниково не внёс ничего привлекательного. Только малая часть сохранившихся финских построек способна дать представление о Ряйсяля 70-летней давности. Начатое недавно

новое дачное строительство также не выдерживает никакой критики. Только в немногих случаях чувствуется грамотная архитектурная проработка проектов.

### *Эвреймейсет и Савакот*

Карельский перешеек в XIII—XIV веках был уже сравнительно хорошо обжит. В поисках «земли обетованной», или занимаясь пушной торговлей, часть населения отправлялась дальше на север и запад по системе речных маршрутов. Так со временем появился погост Савилаhti, нынешний район Миккели в Финляндии. Карелы стали основой для возникновения нового племени саваков, жителей провинции Саво. После проведения Ореховецкой границы 1323 года, Савилаhti развивался под властью католической шведской церкви, а новгородская Корельская земля воспитывалась в православии. Религия много веков являлась определяющим принадлежность понятием и вошла в культуру. Прежний, некогда единый народ навсегда разделила невидимая граница, которая была выражена ярче любой демаркационной линии. Шведские и новгородские карелы от поколения к поколению всё больше разделялись традициями, хотя процесс этот происходил неравномерно, так как известно, что тяга к языческим богам была очень сильна среди новгородских карел ещё в XVI веке. Теперь католики и православные смотрели друг на друга как враги, ибо папы этого и добивались. На северо-западе в это время продолжала формироваться, уже при участии соседнего племени Хяме, народность Саво, савакот. Когда Швеция захватила земли Передней и Задней Корелы, православное население покинуло почти полностью свою родину. На их место пришли западные шведские карелы из Выборгской губернии — племя эвреймейсов (*äyrämoiset*), а из Южного Саво — савакот (*savakot*). Оба племени, хоть и были к тому времени лютеранами, сильно отличались своей культурой. Карелы как народность сложились раньше, и культуру имели богаче, чем савакот. Хотя они поселились и жили на землях Рийсяля вместе, но не смешивались ещё многие поколения. Одежда, в особенности женская, сохранялась у каждого племени своя, и только промышленная революция конца





Илл. 17. Жители Ряйсяля в XIX веке. Рисунок.

XIX века сгладила остатки различий, одев всех в фабричные изделия. В XX веке они полностью потеряли свою самобытность, слившись в единую этническую общность *karjalaiset* или карелы. Именно так они себя по сей день идентифицируют, поэтому, говоря о прежнем населении Карельского перешейка, и я буду придерживаться этого понятия.

Женский костюм эвремейсов состоял из нижней полотняной рубахи, имевшей спереди вырез, застёгивающийся серебряной фибулой и украшенный вышивкой, спускающейся на грудь. Сверху надевался сарафан, сделанный из домотканой шерстяной ткани. Спереди его украшал вышитый узорами передник. Голову замужней женщины покрывал платок, «сорокка», тоже имеющий вышивку. Зимой сверху надевалась белая шерстяная куртка «саркавиита», расшитая по переднему вырезу красной нитью. Костюм савакот впервые был описан Теодором Швиндтом в конце XIX века и зарегистрирован как костюм Ряйсяля с 1884 года. Белая рубаха имеет прямой вырез по центру, который скрепляется большой фибулой «солкки». Чёрная плиссированная юбка с красной оторочкой, спереди



Илл. 18. Костюм волости Ряйсяля.



Илл. 19. Виита, шерстяная верхняя женская куртка.

закрывается белым передником с простым орнаментом. Сверху надевается чёрная шерстяная безрукавка, обшитая красной выпушкой, застёгивающаяся фигурным замысловатым крючком. Голову замужней женщины покрывает чепец. У девушек голова повязана красной лентой сшитыми в ткань по окружности оловянными украшениями. Это единственный народный костюм в Карелии с преобладающим чёрным цветом. В заключение хочется сказать, что народный костюм в Суоми чрезвычайно популярен как среди карел, так и жителей других исторических

провинций. Его можно надевать во время праздников, торжеств и на танцы. По старым архивным материалам создаются и регистрируются всё новые костюмы для каждой местности, почти для каждого прихода. На этом фоне ряйсяльский женский костюм остаётся одним из самых популярных в Финляндии.

## События гражданской войны 1918 года

Спустя две недели после Февральской революции, 14 марта по новому стилю, в Раясяля стали проникать первые слухи о событиях в Петрограде. Все слои финского общества приветствовали начавшуюся революцию. Открылись тюрьмы и на свободе оказались, в том числе, и финские политические заключённые. Дурман свободы быстро охватил всю маленькую страну. Все, в том числе и представители буржуазии, гордо вышагивали по улицам, надев красную повязку или бант. Повсюду устраивались митинги, шествия, собрания. Не верилось, сон это или явь, настолько ново и непривычно казалось всё вокруг. Для всех финнов это означало шаг к независимости и, безусловно, объединяло. В разных деревнях Раясяля устраивались многолюдные собрания. Члены рабочих союзов шествовали под красными флагами и пели революционные песни.

С разрешения пробста К. Олссона народ собрался в церкви решать, что делать дальше. Полицейский участок, который всем надоед как воплощение царизма, был тут же упразднён. Большим числом голосов заставили подать в отставку также ленсман О. Берга. Его обязанности передали полицейскому констеблю А. Лавонену. После собрания трудящиеся продолжили праздник в доме рабочего союза на развилке дорог, у церкви. Старик Матти Тонтти взял слово, и, обращаясь к собравшейся молодёжи, сказал предостерегающе: *«Мои глаза видят хорошо. Сегодня я видел нечто особенное, я видел, как заколебался фундамент церкви...»*

События в России дали новое дыхание общественным организациям и молодёжным обществам. Пробудилась к жизни АК (активная организация центра) готовившая патриотов, борцов за независимость. Организована она была в своё время за неимением спортивного союза и пожарной команды и занималась поддержкой егерского движения<sup>1</sup>. На её основе возникли охранные отряды — шюцкор в Раясяля. Лесничий Вейнё Стренг, доктор наук Юрьё Лингон и каменщик Пекка Ройнинен провели

<sup>1</sup> Члены движения помогали в годы войны переправлять финских юношей в Германию, где из них был сформирован 27-й прусский егерский батальон. Молодые люди мечтали с его помощью завоевать свободу Родины.

осенью в молодёжном клубе первое тайное собрание, на котором было принято решение о создании шюцкора в Ряйсяля. Выбрали начальника. На первое время на нужды отряда собрали в заем от частных лиц сумму денег в 24 000 марок. Уже во время боевых действий зимой 1918 года получили 68 винтовок.

В начале ноября начала готовиться и рабочая гвардия. Сразу сюда записалось 30 человек местного населения. В ходе всеобщей стачки количество красногвардейцев увеличилось до 70.

Под влиянием Октябрьского переворота (революции) 14 ноября в Финляндии была объявлена всеобщая стачка. На следующий день парламент решил взять на себя верховную власть в стране. Принят закон о самоуправлении и объявлен 8-часовой рабочий день. Во время всеобщей стачки в соседнем приходе Пюхьярви произошла первая вооруженная стычка между местным шюцкором и приехавшим на поезде красным отрядом Кальюнена. В самой волости Ряйсяля всё прошло спокойно. Местные красногвардейцы сидели по домам и не предпринимали попыток кого-то арестовать или произвести обыск, хотя и догадывались, что в главном здании усадьбы Иваскан-хови находится оружейный склад шюцкора. Из Германии вернулся егерь Вейкко Ляхениemi, уроженец этих мест, который в своё время тайно переправился через линию фронта вместе с другими молодыми патриотами и прошел курс военной подготовки в 27 Королевском прусском егерском батальоне. Теперь егеря возвращались на родину для защиты независимости. Их сразу направляли в сельскую местность для обучения крестьянских вооруженных формирований шюцкора и последующего принятия командования.

6 декабря 1917 года парламент провозгласил Финляндию независимой республикой. Советское правительство признало этот юридический акт 31 декабря, и лишь после этого другие страны стали постепенно присоединяться к протоколу. Однако это не принесло стране желанного мира. Свобода требовала жертв. Классовая вражда только обострилась в обществе. Все хотели независимой Суоми, только социал-демократы ду-

---

*Шюцкор, охранные отряды, созданные из крестьян для защиты от произвола Красной гвардии. После войны стали народным ополчением мирного времени. В 1944 году деятельность военной организации запрещена.*

мали о свержении буржуазии с помощью остававшихся в стране русских гарнизонов, а капиталисты надеялись на прибытие финских егерей и прусских регулярных войск для наведения порядка. Ещё осенью из Германии для шюцкоровских формирований было тайно переправлено оружие. Часть оружия удалось доставить в русские воинских частях, которые продолжали оставаться в Финляндии, несмотря на провозглашение независимости. Красная гвардия видела в них свою опору для планируемого вооруженного мятежа (восстания). Центральный комитет социал-демократической партии 25 января 1918 года создал свой исполнительный комитет, который начал подготовку к перевороту. На следующий день Красная гвардия захватила власть в Хельсинки. Всё было сделано по сценарию большевистского переворота в России лишь с той разницей, что сенат успел выпустить обращение к народу, датированное 28 января, в котором назвал мятеж незаконным, призвал граждан к защите страны и независимости. Генерал барон Карл Густав Маннергейм объявлен главнокомандующим белым движением, а организация шюцкор — законной армией правительства. Как вспоминал сам барон в своих мемуарах: *«я был уверен, что наша страна обладает более широкими возможностями для спасения культуры и общественного строя, чем Россия. Там я наблюдал только отсутствие веры и пассивность, на родине же я ощутил неизбывное стремление людей сражаться за свободу»*.

Страна была вмиг разорвана на два лагеря, разделённых фронтами гражданской войны. Но в Ряйсяля было всё спокойно. С самого начала её территория оказалась в тылу белых. Здесь не происходило никаких сражений и жизнь, казалось, текла по-старому. Отряд белых Ряйсяля воевал южнее, где за Вуоксой установилась линия фронта. В приходской церкви был создан штаб тылового обеспечения под руководством кантора А. Лейнонена. Местный отдельный штаб находился на станции Мюллюпелто. В обязанности шюцкора входила зачистка территории. До конца февраля собственная Красная гвардия сидела по домам и не участвовала в каких-либо антиконституционных действиях. Затем белые начали проводить обыски в домах, обитатели которых подозревались в принадлежности к красным. Доказательств вины, таких, как оружие или списки

организации, не было найдено. Однако людей стали арестовывать и отправлять в Мюллюпелто на допросы. Всего было задержано 52 человека. Из них только четверо отпущено за невиновность. Прослышав об этом, остальные, избежавшие ареста подались в бега, часть пробралась к линии фронта и участвовала в сражениях на стороне Красной гвардии. После войны 35 человек были осуждены за измену и получили от 1 до 6 лет тюремного заключения. Из них 10 умерло от голода в мрачной тюрьме Таммисаари в том же 1918 году, 8 человек погибли на фронтах гражданской войны на стороне красных. Ещё двое, вероятно, ушли в Россию. По социальному статусу все они были рабочими или малоземельными крестьянами. Со стороны белых погибло 14 земляков. Из них один егерский лейтенант, 3 рабочих и остальные крестьяне-землевладельцы.

В начале мая 1918 года восстание красных было подавлено. Российский воинский контингент, доходивший по численности до 40 000, был выведен из страны или разоружен. Собственная Красная гвардия пленена и размещена по концлагерям. Война получила название Освободительной. Между советской Россией и Финляндской республикой 14 октября 1920 года состоялось подписание мирного договора в эстонском городе Тарту. Была подтверждена существующая в то время граница Княжества Финляндского как государственная граница суверенного государства.

### *Первая эвакуация*

Нападение на Финляндию, с которого началась советско-финляндская война, развязанная советским правительством под руководством «верного ленинца и гениального вождя всех народов тов. Сталина», совершилось 30 ноября 1939 года. Суровые бои шли всю зиму, поэтому в Финляндии войну называют Зимней.

Ещё до начала военных действий произошло развёртывание армий вдоль границы. В волостном центре Ряйсяля разместился штаб III армейского корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Эрик Хейнрикс (1890—1965). Основу корпуса составляли две дивизии, 8-я и 10-я, защищавшие восточное

крыло армии Карельский перешеек, по рубежу северного берега озера Суванто [ныне Суходольское].

Война, к которой готовились, но в которую не очень верили, началась и для мирного населения Финляндии. В тот же день через волость потянулись первые беженцы; ехали кто на грузовиках, кто на лошадях, некоторые не успели даже как следует одеться. Местные жители принимали их на отдых и на ночлег. Вскоре потянулось от границы нескончаемое стадо коров, которое тоже пытались вывести из-под удара. Война не застала местные власти врасплох. Планы эвакуации на случай войны с Советским Союзом разрабатывались, начиная с 1920-х годов. На четвёртый день войны из эвакуационного комитета пришло распоряжение о начале эвакуации самых южных деревень волости Ряйсяля. В список попали населённые пункты — Хумалайнен и часть приходского центра Ряйсяля. Приближающаяся артиллерийская канонада в сочетании с приказом не заставили долго ждать. Деревни опустели в течение нескольких часов. В Хумалайнен осталось лишь несколько человек для помощи в эвакуации скота. Всю собственность в соответствии с приказом надлежало бросить на месте, кроме той, что можно взять в руки или на телегу. Крупных животных, таких как коровы и лошади, попытались перегонять своим ходом. Жеребят, овец, свиней и прочих оставили, как есть, в скотных дворах. На следующий день специальная группа шюэ-кора занималась зачисткой брошенных деревень. Всех оставшихся в живых домашних животных резали на мясо, склад которого сделали у развилки дорог, в 4 км к северу от кирхи. Выловленных коров отправляли на станцию Мюллюпелто для дальнейшей перевозки по железной дороге на запад, в губернию Южная Похьянмаа. Одновременно приступили к вывозу зерна. Военные грузовики постоянно курсировали между деревнями и станцией, где складировали хлеб на мельницах для дальнейшей отправки вглубь страны. Не всё удалось вывезти, но 100 000 тонн зерна в волости было спасено. Хлеб фасовали в мешки, количество которых брали на учёт для приблизительной оценки и последующей выплаты компенсации хозяевам. Самые осторожные крестьяне успели ещё осенью распродать излишки сельхозпродукции, что облегчило впоследствии эва-

куацию. В начале войны поступило распоряжение о вывозе архива волости. Однако успели вывезти только часть. То, что осталось, перед уходом уничтожили сами, как, например, дворянский архив. Главным была эвакуация людей. В светлое время дня, опасное из-за воздушных налётов, собирали на сборных пунктах больных, детей, стариков. Ночью на военном автотранспорте доставляли на станцию и отправляли поездом. Многих из них пришлось силком сажать на транспорт, так сильна была тяга к родным местам. Люди среднего возраста грузили вещи на подводы и коляски, привязывали сзади домашнюю скотину и отправлялись пешком в 30-ти градусный мороз в долгий и изнурительный поход на новое место. Так как Красная армия была остановлена на рубеже Вуоксы, и простояла там всю войну, напрасно пытаясь прорвать линию обороны финнов, мирное население получило достаточно времени для последующей спокойной эвакуации в течение декабря. Из восьми тысяч райсальцев, осталось тысяча двести самых подготовленных мужчин и женщин для выполнения оставшихся работ по эвакуации: главным образом перевозки зерна. Лишь после завершения войны они ушли вслед за остальными. Недавно построенный дом престарелых на четвёртый день войны был передан под госпиталь. По просьбе военных в волости оставили 1000 дойных коров для снабжения фронта и госпиталей. В начале военных действий службы снабжения армии и местные жители не могли договориться о прямых поставках мяса и фуража в армию. Всё привозили издалека. Только к концу войны смогли наладить снабжение через местные магазины, раз всё равно оставалось рядом с фронтом много брошенных продуктов и сена. Однако с фуражом запыздали и успели вывезти лишь те ближние запасы, что находились рядом со станцией Мюллюпелто.

Суровая зима, обилие снега, невероятное напряжение транспортных потоков (шутка сказать, когда перемещают разом 420 тысяч человек кроме собственно военных перевозок), поэтому кроме скота и хлеба не многое удалось вывезти. Из одежды и съестных припасов смогли взять лишь самое необходимое. Все крупные вещи, как то: мебель, сельхозтехника, инструменты, и многое другое было брошено.





*Илл. 19-20. Карельские крестьяне эвакуируются вглубь территории Финляндии весной 1940 г. Дорога в неизвестность.*

Мирный договор подписали 12 марта и на следующий день, 13 марта, в 12.00 по хельсинскому времени, закончилась война. По условиям этого тяжёлого мира, граница переносилась на 60 км севернее волостного центра Ряйсяля. На эвакуацию из волости давалась лишь пара дней. Поэтому всё оставшееся на работах население покинуло родные избы на следующий день, т.е. 14 марта 1940 года, и отправилось в губернию, назначенную к переселению — Южная Похьянмаа, приход Илмайоки.

Этот приход славился на всю страну населением, главным пороком которого была скупость. Заранее переживали ряйсяльцы такое соседство, и уже на марше комиссия по эвакуации назначила для временного расселения эвакуированных соседние приходы Каухайоки (известен, среди прочих, изгото-

телями финских ножей и поножовщиной) и Карийоки. В ожидании назначения мест постоянного расселения людям приходилось временно ютиться в чужих домах, школах, пустых усадьбах. Все надеялись, что для земледельцев Ряйсяля выберут более подходящее место. Весной 1941 года последовал последний приговор: карел рассредоточить по волостям Каухайоки, Перясейняйоки и Карийоки. Приспособление к новым условиям шло на первых порах очень тяжело. И обычаи и места, где расселяли эвакуированных, сильно отличались от родных, привычных. Крестьяне из Похьянмаа (по-шведски Эстерботнии) не понимали карельского характера и образа жизни. Всегда очень активные и жизнерадостные карелы со своим бойким говором и компанейским характером очень контрастировали с надменными, жадными и углублёнными в свои проблемы жителями западного побережья Ботнического залива, к слову сказать, ещё и шведоязычными. К карелам отношение было негативным. Их считали наполовину русскими, отсталыми, в смысле цивилизованности, иждивенцами на шее у государства. Впечатление усиливалось ещё и оттого, что, уже на станции, при первом знакомстве, они видели потрёпанных стариков, детей и больных, у которых даже вещей с собой не было. Однако прошло время, и местные постепенно приняли переселенцев, поняв, что разница между ними не так уж и велика и, спустя лет 8—10, стали вступать с ними в более близкие дружеские отношения. Для эвакуированных было выбрано 16 волостей провинции Сатакунта. Распределили семьи по выкупленным для этого государством земельным участкам у крупных местных землевладельцев на добровольно-принудительных началах, — вот одна объективная причина негативного отношения местных жителей к переселенцам. В волости Кокемяки 47 семей, Наккила — 22, Раума — 20, Харьявалта — 20. Уже зимой—весной 1941 года люди стали расселяться по новым местам, сразу начиная строительные работы и обработку полей. Те, кто мог купить новый участок на свои деньги и по рыночной цене, переезжали в любое место страны. Создали первый комитет, занимавшийся оценкой материальных потерь с целью выплаты компенсаций. Однако наступил 1941 год, и возможность вернуться на родину, стала постепенно приобретать реальные черты.

## *Советизация Карельского перешейка*

Советские войска, вслед за отходившей по установленному графику финской армией, вышли к рубежам, оговоренным в Москве. После военных настала очередь на переезд в «новые районы» гражданских лиц — различных специалистов: геологов, озероведов, железнодорожников, энергетиков, строителей и проч. Они заселили в первую очередь города. А с колхозниками дело обстояло не так-то просто.

28 мая 1940 года появилось постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по восстановлению хозяйства в новых районах Карело-Финской ССР и Ленинградской области». К вновь образованной советской республике была отнесена и Ряйсяля. В частности, в постановлении предписывалось переселение в новые районы 40 тысяч семей колхозников из Белорусской и Украинской ССР, Молдавской, Татарской, Чувашской автономных республик, Вологодской, Калининской, Пензенской, Рязанской, Смоленской и Тульской областей РСФСР. Первые семьи колхозников-переселенцев появились в новых районах в начале июня. На бывшие финские земли прибыло 60 семей колхозников из Всеволожского и Батецкого районов Ленинградской области. Переселенческое управление планировало только в июне месяце переселить на Карельский перешеек 5 000 колхозных семей. Однако всё вышло не так гладко, как планировалось на бумаге. Крестьянин на призыв остался глух. Власти натолкнулись на упорное нежелание переезжать. Большинство предпочитало жить там, где веками жили и умирали их деды и прадеды, а не искать лучшей доли в неведомом краю. К концу июля на землях Карельского перешейка и Северного Приладожья удалось организовать всего-навсего четыре совхоза и семь колхозов. Колхозы Волосовского района получили сенокосные угодья на Карельском перешейке и направили туда 400 работников, поскольку вновь образованные хозяйства не справлялись даже с сенокосными работами. Создавшееся положение требовало решительных мер. В конце июля переселенческое управление и Наркомзем от уговоров и убеждений перешли к приказам. Отныне правле-

нию колхоза, намеченного на переселение, ставился жесткий срок переезда к новому месту жительства, и на этом все уговоры заканчивались. Однако, при этом, предусматривался целый ряд льгот в виде кредитов, семян и проч. — «Стали прибывать эшелоны переселенцев из центральных областей России. Жалко было на них смотреть — бедные, плохо одетые, много детей. Я не верил, что такое может быть у нас в 1940 году, тогда как колхозы, например в Кировской области и в пригородных районах были мало-мальски на подъёме, а тут — прибыли в товарных вагонах, грязные, в заплатках, часть имущества и скот просто на платформах, скот тощий».

«Среди переселенцев молодых мужчин, юношей и девушек не было, только пожилые за 50 лет и старше. Они жили сами по себе. В сенокос работали очень плохо...» вспоминал И. Куртеев, мл. ком. 260 ГАП. — «Приезжие сомневались, что новая граница будет навсегда, чувство неуверенности какое-то было», — Рычаго Ф., участник освоения.

Ряйсяльская волость Якисалмского (Кексгольмского) уезда вновь образованной Карело-Финской ССР была учреждена 28 мая 1940 года с центром в посёлке Ряйсяля. Для руководства деятельностью был назначен уполномоченный волости. 26 сентября 1940 года взамен упразднённой волости был образован Ряйсяльский сельсовет, первая сессия которого состоялась 26 декабря. На ней избрали исполком сельсовета и 3 постоянно действующих комитета. Ряйсяльский сельсовет действовал как местный орган государственной власти, руководил культурно-политической, хозяйственной и строительной деятельностью на своей территории, деятельностью подчинённых ему органов управления, устанавливал местный бюджет, обеспечивал охрану государственного порядка, соблюдение законов и прав граждан. В состав Ряйсяльского сельсовета вошел 21 населённый пункт: Виртеля, Каркола, Кивипелто, Кисанлахти, Киурумяки, Коскела, Куйсманмяки, Кунингинмяки, Ламмасмяки, Локинонпелто, Лохикаллио, Ляхениеми, Маккола, Миккола, Муонала, Мусаканмяки, Нейтсюткаллио, Петаксела, Пийсконмяки, Раутакопра, Ряйсяля. С каких карт брались представителями советской власти названия населённых пунктов — остаётся загадкой для

автора. Интересно, у них и военные карты были не лучше? За название деревни часто бралось имя отдельного хутора. При этом названия крупных населённых пунктов и школьных округов вообще игнорировались.

На территории сельсовета, за удалённостью места, до лета 1941 года успели образовать лишь 3 колхоза: «им. Ленина», «Красный посёлок», «им. Кирова». По данным Юрия Свинарёва, к территории бывшей финской волости можно также отнести новые колхозы «Дружба», «им. Горького», «им. Калинина», «Коммунар», «Новостроитель», «Октябрь», «Путь Социализма», «им. Чапаева». Всего же на отвоёванных территориях Карельского перешейка на 1 января 1941 года числилось 144 300 человек постоянного населения, из них колхозников 35 400 человек. Организовано 244 колхоза, 24 совхоза и 129 подсобных хозяйств.

В первую очередь следовало устранить с пути социалистических форм ведения сельского хозяйства такое препятствие, как существующая система финского хуторского поселения. Финские хутора сильно раздражали сельхозруководителей высшего звена, поскольку воплощали не только «вопиющий анахронизм», но и создавали огромные трудности для «управления колхозным производством и для всей вообще общественной и культурной жизни колхоза».

А посему с верхов последовала очень строгая команда — «немедленно сселить хутора в большие и культурные советские колхозы». Селение успело коснуться и Ряйсяля, когда из волости Пюхьярви было свезено 9 домов и собрано в Тиури. К сожалению, местные архивы того времени не сохранились. Но основные гигантские работы по перемещению сотен и тысяч домов ещё ждали своего воплощения в следующее послевоенное время, в 1950-х и 1960-х годах, в свете новых постановлений и силами уже других людей. Финская система межевания полей, т.н. «лоскутное земледелие» решили в корне перестроить и создать «крупные массивы освоенных земель». Но и это в большинстве хозяйств пришлось отложить на время, так как неожиданно «постучались» прежние хозяева.

## Война-продолжение

— Так называется в Финляндии наша Великая Отечественная война.

Мы не знаем, как бы начали развиваться события, не будь этого пресловутого «упреждающего удара советской авиации» по нейтральной Финляндии утром 25 июня 1941 года. Но он состоялся. В то время, когда немцы успешно рушили советскую военную мощь на западном фронте, в тот день, когда ставка приняла решение о создании оборонительной линии уже по Лужскому рубежу, армада ВВС Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, состоящая из почти 500 самолётов, обрушилась на Финляндию. Как и осенью 1939 г. Советский Союз без объявления войны наносит воздушный удар по городам, заводам, мостам, узловым станциям и аэродромам страны. Погибли мирные люди. Вечером того же дня парламент Финляндии объявил о состоянии войны с СССР.

Зачем потребовалось советскому руководству увеличивать и без того весьма протяжённую линию фронта ещё на 1000 километров и держать на северном направлении дополнительно 3 армии? В любом случае повод к войне был дан и развязал финнам руки, когда они начали свой освободительный поход, захватив земли своей, а заодно и русской Карелии. Финская Война-продолжение началась 26 июня. В первую очередь наступление было развёрнуто в сторону Лахденпохья и Суоярви в Приладожской Карелии.

Финская 10-я дивизия полковника Юсси Сихво, 26 июля получила приказ перейти в резерв главнокомандующего в район Руоколаhti и быть готовой к продвижению на восток. До этого момента дивизия служила резервом II армейского корпуса, дислоцируясь в районе Сайменского канала.

5 августа дивизия получила приказ следовать на стыке наступающих 15 и 18 дивизий и атаковать вначале станцию Оярви, а затем, сообразно обстановке, развивать наступление на

---

*Сихво, Йоханнес (Юсси) (1891—1949). Егерский офицер. Во время войны-продолжения полковник, командир 10 дивизии. С 1942 года генерал-майор. Был представлен к кресту Маннергейма, но не утверждён ставкой.*

Хийтола, Каукола или Инкиля. Второй пехотный полк (JR 2) был оставлен в резерве II корпуса. В наличии у десятой дивизии имелись: JR 1 и JR 43 пехотные полки, лёгкий егерский отряд (3 роты) KvOs 12, полк полевой артиллерии KTR 9, и тяжёлая батарея RsPsto 25. Авангард, состоящий из 1 полка и лёгкого отряда, захватил к вечеру первого дня наступления Оаярви, что принесло преимущества при дальнейшем продвижении. После этого силы разделили. JR 43 получил приказ выйти к ст. Хийтола с запада. В результате было поставлено под угрозу сообщение советского 19-го стрелкового корпуса с Кексгольмом. KvOs 12 попытался взять центр волости Хийтола, но встретил сильный отпор. В направлении церковной деревни Каукола отправили полк JR 1 и подчинённый ему отряд KvOs 16 из другой дивизии. В дальнейшем отряд KvOs 12 перебросили в район Каарлахти [ныне Кузнечное], с целью захвата этой станции. Два лёгких отряда и полк полковника Маскула JR 1, таким образом, отвечали за взятие центра Каукола и Каарлахти. Вначале упор был сделан на взятие Каукола. Деревня была хорошо укреплена, и продвижение финнов удалось приостановить. Тогда лёгкие отряды развернулись и пошли в наступление на Каарлахти, которую командир дивизии Сихво планировал взять во вторую очередь. Как только егерям удалось зацепиться за Каарлахти, сильный контрудар русских остановил дальнейшее продвижение. В это время JR 1 возобновил атаку на Каукола, и 8 августа приходский центр пал.

Финны пишут, что Красная армия пыталась организовать очаги сопротивления, защищая позиции на перекрёстках дорог и у железнодорожной полосы, но всякий раз выбивалась действиями артиллерии и атаками пехоты. Часть красноармейцев уходила в леса, где под руководством офицеров или политруков пыталась вести партизанскую войну, но такие отряды быстро обезвреживались. Обычно солдаты сдавались спустя пару дней голодного блуждания по лесам.

В Каукола в тылу советских войск был большой полевой госпиталь на 600 коек, который занимал здание школы, дома священника, — в общей сложности 8 зданий. По сведениям, полученным от пленного, в госпитале работало 20 врачей, 48 медсестёр и 150 санитаров.

Жаркие бои развернулись за овладение станцией Каарлахти. Советское командование не хотело отдавать так просто стратегически важный опорный пункт, предпочитая наращивать здесь свои силы. Дорога из Кексгольма в Хийтолу обеспечивала жизнь двух советских дивизий, 198-й и 142-й, сражавшихся у центра волости Хийтола. Полковник Маскула получил для усиления артиллерию, и вместе с отрядом егерей перешел в наступление на участке между Хийтола и Каарлахти. Было необходимо, не дожидаясь подхода русских подкреплений, перерезать шоссе. Одному из батальонов полка удалось вклиниться в советскую оборону и, перейдя шоссе, выйти к берегу Ладоги. Однако очень сложно было удержаться с такими силами от контрударов Красной армии, которой помогали корабли Ладожской флотилии и авиация, действовавшая с аэродрома в Кексгольме. Все же этим ударом была отрезана ещё одна дивизия, 115-я. Финны тогда усилили нажим на центр прихода деревню Хийтола. При поддержке резервов, 2 JR и сапёрного батальона, JR 43 полку удалось после тяжелого боя взять в свои руки деревню. Затем совместными усилиями перерезали шоссе и железную дорогу. Получился излюбленный финнами «котёл». Судьба двух советских дивизий решилась. Чтобы избежать разгрома дивизии (198-я и 142-я) ушли из Хийтола на остров Кильпола, откуда их переправляли на судах южнее г. Кексгольм. Для защиты Каарлахти был подтянут резерв: сборный отряд, состоявший из 2 рот пограничников и множества приданных разбитых частей под командованием полковника С.И. Донского, всего 600 человек. Пограничники составляли основной костяк отряда «Донской», как его называл противник. Три дня продолжался кровопролитный бой со штыковыми контратаками, забрасыванием противника ручными гранатами. С обеих сторон солдаты проявляли массовый героизм. Сражение закончилась 12 августа отводом советских частей к Кексгольму. Им так и не удалось пробиться к Хийтоле на соединение с двумя дивизиями. После недолгого преследования части 10-й пехотной дивизии финской армии передали эстафету 15-й дивизии, которая продолжила путь на Кексгольм.

Пока бои за Каарлахти были в самом разгаре, два вышеупомянутых лёгких отряда получили приказ прервать сраже-



ние и нацелиться на Раясяля. В данный момент эта задача стала очень важной для выхода во фланг советских войск с целью дальнейшего продвижения к Вуоксе и, возможно, новому окружению противника. Раясяля также была очень крупным узловым центром шоссейных дорог на Карельском перешейке. Полковник Сихво сформировал для этой операции отряд «Сярмя», руководимый начальником штаба 10. D майором Александром Сярмя. В него вошли 2 лёгких отряда егерей, один батальон пехоты и 2 батареи полевой артиллерии. Позднее отряд получил ещё одну батарею. При выдвижении вперёд финны вскоре наткнулись на сильное сопротивление 265-й дивизии НКВД, которая сама контратаковала. Спешно вновь сформированная из запасников дивизия, в которую входило до 40% служащих НКВД, и общий половинный состав от штатного числа, (5539 человек), имела задачу вернуть захваченные финскими войсками Каукола, Сайрала и Сийрлахти, с дальнейшим выходом к Хийтола. Ей придавалась рота танков, в которую входили и новейшие Т-34, полки и дивизионы тяжелой артиллерии и пограничники подошедшего позднее 5 погранотряда Энсо. При успешном выполнении задуманной операции ставилась под угрозу также судьба финской дивизии 18. D, которая ставилась под фланговый удар. 265-я дивизия, пройдя Раясяля, двумя дорогами стала выдвигаться на север, в сторону Каукола и Сайрала. 10 и 11 августа дивизия вела наступательные действия. Отряд «Сярмя» остановился. Продвигаться вперёд не было возможности, зато собственными силами отбивали все атаки. Для решения задачи требовалось привлечение дополнительных резервов. Только что высвободившийся из-под Каарлахти полк JR 43 срочно передислоцировали в район южнее Каукола, вдоль дороги на Раясяля. Упредив новую атаку финнов, два советских полка (946 сп и 941 сп) принудили их податься немного назад, и положение стало на миг даже критическим. Поднявшийся в контратаку JR 43 спас положение финнов в районе западного побережья Вуоксы и заставил части 265 сд отступать своей же дорогой, т.е. к деревне Тимоскала. Для развития прорыва была организована новая боевая группа. Сюда привлекли все резервы, и кроме JR 43

в новой атаке участвовали 1 батальон JR 2 и дивизионные егеря, при поддержке трёх батарей. Результатом было уничтожение этой группировки. В качестве трофея финнам досталась карта боевых действий и печать, принадлежавшие 946 сп. Этот полк предпринял атаку из района деревни Тимоскала в направлении Каукола. Из записей разведчика Олли Салми, рапорт для штаба JR 43. — «Русский полк окружили, и началась последняя фаза уничтожения. Рюсся храбро оборонялись, но уставшие упорные финны набросились на них, и дело было решено быстро. 946 СП полк можно снимать с довольствия в Красной армии. Спринтеры рванули и спрятались в лесу, откуда их постепенно выловят прочёсыванием или голод и холод добровольно вынудят их к сдаче. С горечью рассказывают пленные о политкомиссаре, который выкинул фокус очень типичный для породы этих господ. Вначале он держал крепкую речь за Сталина и советскую Родину, в конце пригрозив трусам и предателям трибуналом, означающим смерть. Но, когда понял, что запахло жареным, так сам и побежал. Шестерых доверенных бойцов, вооружённых автоматами, он взял с собой, да ещё прихватили два ручных пулемёта на плечи, и дал дёру. Совсем из другого теста сделан был командир полка майор Ляшенко. Он в последний свой час приказал окружавшим его бойцам застрелить себя»<sup>1</sup>.

Российская версия событий, подготовленная краеведом Свинарёвым Ю. П., выглядит примерно так: «Встретив упорный и неожиданный напор финнов, бойцы 265-й сд стали в спешке отступать, бросая раненых, убитых. Особенно тяжёлые потери понёс 946 сп. Об этом эпизоде в архиве дивизии сохранился следующий документ:

*«По донесению командира 265 сд, 946 сп в ночь на 16.08.41 покинул занимаемые позиции и начал группами отходить, оставив материальную часть». Другой документ — «Начальнику артиллерии армии. Лес, 1 км юго-зап. Ряйсяля. Противник 20:30 15.08.41 повёл наступление на фронте 946 сп (Мусакан-*

<sup>1</sup> Рюсся — презрительная кличка русских, аналог «чюхна» для финнов.

<sup>2</sup> Полк не был «снят с довольствия» и, сохранив знамя, не был расформирован, но принял участие в наступлении на Ряйсяля в 1944 году. Спасение знамени приписывают также упомянутому ранее комиссару.



Илл. 21. Полковник Ю. Сихво беседует с президентом Финляндии Р. Рюти.



Илл. 22. После боя в районе деревни Тиури.

мяжи выс. отм. 45,9) квадрат 6650, атаковав одновременно фланги и тыл боевого порядка.

Артиллерийское подразделение и отдельные орудия 946 сп и 3/798 ап и штабная батарея 798 ап вели бой и после отхода пехоты с переднего края... Артиллерия 946 сп почти полностью потеряна (люди, кони, матчасть). Точных сведений ввиду гибели командования и штаба 946 сп об артиллерии этого полка нет... Нач. арт. дивизии полковник (подпись неразборчива)».

Штаб полка был разбит в местечке, носящем название Каменный мост (Вякеля). Два захоронения красноармейцев, погибших в этом бою, показала жительница Финляндии в 2001 году. Поисковики из клуба «Карелия» вскрыли одну могилу и перезахоронили останки 24 воинов в центр посёлка Мельниково на мемориальное кладбище. На второй поставили памятный знак.

Теперь основные силы 10 D. дивизии сосредоточились на западе от Вуоксы. Боевая группа подполковника Вянттинена JR 43 атаковала два советских полка. К северу от Ряйсяля их ждал успех. Ударом были рассеяны батальоны противника, а также захвачены артиллерия и матчасть. С точки зрения полковника Сихво, дела шли неплохо. Штаб армии переподчинил направление Кексгольмского шоссе соседней дивизии (JR 15), и для овладения приходским центром Ряйсяля высвободился

*Так назывался один из хуторов близ Уннункоски — Горы.*



Илл. 23. Финны вошли в Ряйсяля и очень удивились. 18 августа 1941 года.

также JR 1 полковника Маскула. На фронте менее десяти километров шириной наступало мощное подразделение — два полка и лёгкий отряд при поддержке артиллерии. По данным разведки, русские решили защищать центр Ряйсяля во что бы то ни стало, строили круговую оборону. Решительное и количественно превосходящее наступление финнов привело их к победе. Деревня была окружена вначале с трёх сторон, а затем наступающие части вбили клин с юга. Защитники Ряйсяля, таким образом, были окружены и разгромлены 18 августа.

Финской дивизии в своё время была придана рота газовой защиты, которую использовали для других целей. Она внесла свой вклад в захват приходского центра, поставив дымовую завесу. Как вспоминает ветеран Антти Лутонен: «Отстрелянная нами из миномётов дымовая завеса распространилась по долине как густой туман в заморозок. Наши пехотинцы пошли в атаку. Послышался приглушенный крик, и возгласы «Ура!» раздались где-то в стороне. По выстрелам было ясно, что вражеский пулемёт остался на месте и стрелял, не переставая. Не будучи силен в оружейной технике, но, слыша про перегрев и отказ пулемётов от непрерывного боя, я удивлялся, что в

данном случае не прослушивалось даже редкой паузы между очередями. Когда мы, дымозаградители, закончили свою работу и переместились под защиту каменного забора, пули стали из него выбивать искры рядом с нами». Пришлось отряду химзащиты искать другое место для перекура. Йопи Руотсалайнен из роты разведки побывал в числе первых на центральной площади после освобождения Раясяля. — «Было что посмотреть на площади, образующейся при пересечении дорог. Там стояли два огромных, четырёхметровых памятника, которые представляли не кого-нибудь, а самих Сталина и Ленина. Отлитые из бетона колоссы стояли по обеим сторонам красной трибуны, которую украшала арка с электрическими лампочками и советской пятиконечной звездой наверху. На площадке находилась ещё одна скульптура: пограничный пес и его настороженный хозяин с наганом в руке». Также он обратил внимание на сельхозпосадки. «У хозяев усадьбы Раясяля будет, что снять с полей. Вся земля засеяна огурцами и томатами. Рядом с дорогой их засеяно немереное количество. Виднеется картофель и ещё какие-то злаковые посадки. И как в других местах, растёт где-то, что-то, но по большей части у колхозников зря простаивали сочные земли».

Бой у Тиверского городища также можно отнести к эпизоду общей Раясяльской операции. Перед началом штурма, в Уннункоски, один из финских батальонов I/JR 2 получил приказ продвинуться к югу вдоль восточного берега реки Вуокса и выйти на оперативную линию противника к шоссе и мосту в Тиури с целью замкнуть окружение Раясяля с юга. В авангард отряда был поставлен взвод из лучшей роты, которым командовал прапорщик (фенрик) Иисало. В обязанность взвода входила задача оседлать и перерезать шоссе в районе моста Тиури и держаться до подхода батальона. Взвод ночью прошел незамеченным сквозь спящий лагерь противника и 17 августа оказался в назначенном месте. На шоссе наблюдалось интенсивное движение. Под прикрытием местности они подошли ближе к мосту. Сапёры остались далеко позади, и некому было резать провололочные заграждения и ставить мины. Обошлись огнём обычного стрелкового оружия. Приёмами, известными с Зимней войны, обстреляли и захватили дорогу. Попытались

её удержать. При штурме попалась в качестве трофея русская 45-мм противотанковая пушка, которую сумели привести в рабочее состояние. Иисало передал командование огнём своему заместителю, а сам пошел осваивать новую технику под защитой бронешитка и камня. Огнём из орудия он смог подбить несколько грузовиков, после чего на дороге образовалась пробка. Три раза русские переходили в атаку с разных сторон, но всякий раз откатывались под убийственным огнём взвода. Бой длился в течение трёх часов, а подкрепление всё не подходило. Кончились патроны, и командир приказал отходить. В лесу вскоре встретилась первая рота, и все вернулись на позиции. Рота заняла более выгодное место ближе к мосту. А фенрик снова встал у орудия. К месту боя спешил весь батальон. С его прибытием взвод Иисало смог отойти на отдых. Напор советских соединений со стороны моста всё возрастал, и уже не хватало сил всего батальона сдерживать натиск. Когда кончились патроны, I/JR 2 вышел из боя. В ходе сражения было уничтожено 30 грузовиков и легковых машин, трактора с орудиями, специальные транспортные средства и оружие с боеприпасами. Уничтожено много живой силы. Во время боя за Ряйсяля русские не имели сообщения с резервами. Батальон Вяняненена потерял 9 человек убитыми и 27 ранеными. Фенрик Пентти Иисало за этот бой был удостоен высшей награды, ордена Маннергейма.

После взятия Ряйсяля 10. D дивизия продолжила наступление на юг, находясь в центре своего армейского корпуса, между 18. D и 15. D. Ей было поручено занять перешеек между оз. Киимаярви [ныне Комсомольское] и Нижней Вуоксой. JR 43 захватил 21 августа посёлок Кивиниеми [ныне Лосево], однако сразу форсировать Вуоксу в соответствии с приказом, не смог, так как мосты были уничтожены, а на южном берегу располагались соединения советских войск.

23 августа все оставшиеся подразделения советской 265 сд были сведены в один батальон численностью 450 человек. Это всё, что оставалось от 5539 солдат перед наступлением. Как пишет Ю.П. Свинарёв: *«При отступлении из Ряйсяля 265-й дивизии истинный героизм проявили воины-пограничники 5-го погранотряда из Энсо подполковника Андриенко, которые были приданы дивизии. Одна из застав этого отряда погибла, при-*

крывая пулёмётным огнём правый фланг дивизии. В архиве сохранился лишь номер заставы 16 из 2-й комендатуры. Бойцы этой заставы покоятся в неизвестной могиле где-то недалеко от Девичьей скалы, в местечке Рябинкин хутор... ..Именно благодаря пограничникам, 265-я дивизия избежала полного уничтожения». Части 941 сп и 951 сп, а также 200-й гаубичный полк, прорывались, ведя бои в полном окружении, поставив 152-мм орудия и противотанковые пушки на прямую наводку. «Кроме того, для спасения дивизии командование 23 армии предприняло высадку воздушного десанта, доставку продовольствия и боеприпасов. На одной из карт боевых действий отмечены бои возле несуществующей деревни Хумалайнен [ныне урочище Стрельцы]. Здесь очевидно, финны встретились с парашютистами. Дивизия так и не смогла удержать Ряйсяля, и с остатками живой силы переправилась на другой берег Вуоксы в Кивиниеми. Сюда прибыли и остатки 951 полка из Сайрала [ныне Бородинское]». В финских источниках парашютисты не упомянуты. Говорится лишь об очередном окружении советских войск в деревне.

### *Возвращение на родину*

Летом 1941 года из переселённых жителей Ряйсяля была собрана бригада восстановителей. Женщины составили 5 отрядов для уборки и дезинфекции домов, которые предполагалось перебросить в освобождённую волость прежде, чем жители вернуться домой на Карельский перешеек. Подготовили 200 пропусков в прифронтовую зону. «В субботу 24 августа, спустя неделю после освобождения волостного центра, из Главного штаба пришло сообщению руководству волости, уборочной группе и другим лицам, получившим заранее пропуска, а также аграрному начальству о суточной готовности к отправке на родину. На станции Сейняйоки для отправки первой группы собралось около 70 ряйсяльцев. До станции Париккала в южной Карелии добрались поездом. Отсюда начиналась территория боевых действий. Дальше продолжили свой путь уже по разбитым военным дорогам на трёх грузовиках. В Ряйсяля было очень оживлённо, так как много военных команд расположилось здесь на отдых, пользуясь ослаблением активности

фронта. Среди военных штабов и разных подразделений с трудом разыскивали комендатуру военного правления Каяисалмского округа, куда необходимо было явиться по приезду. В деревне повсюду ощущались следы войны. В самом центре церковной деревни, на площади, образованной пересечением дорог, на так называемом аптечном углу, возвышался в качестве набатного самый крупный колокол церкви, приподнятый на деревянных лесах. Меньший, как оказалось позднее, нашёлся в церкви Антреа (ныне Каменногорск), откуда его потом перевезли. В центре площадки стояли высоченные памятники советским вождям, водруженные на надгробные плиты, свезённые прямо с кладбища. Между ними находилась украшенная трибуна. Немного подалеже собака с пограничником. Сгорели дотла в ходе боёв: новое здание кооперативного магазина Раясья, хлебопекарня и кафе Мишманн, а также хозяйственные постройки магазина. Столетний сосновый лес в местечке Хонкала был вырублен и превращён в новые, ещё недостроенные, дома. Эта горестная картина навевала грустные мысли у возвратившихся спустя полтора года местных жителей. Однако величественная кирха, выполненная из красноватого гранита, оставалась на месте, хотя и не без разрушений. В восточную стену церкви попал снаряд. Кусок фронтона был разрушен, часть кровли загнута вверх. Орган, древние и дорогие люстры, кафедра и часть скамеек были вытащены из церкви и вывезены в неизвестном направлении. Большая часть окон разбита. Исчез также крест — навершие алтарной доски. Старое и когда-то красивое приходское кладбище было осквернено и разрушено. Его использовали под место стоянки военной техники».

Новые захоронения здесь также имели место. На кладбище срыли и выровняли могильные холмики. Сверху оно было засажено картошкой и другими овощами. На новом кладбище размещался военный топливный склад. Четыре больших танка-резервуара были врыты в землю. Насколько должна быть невероятной разница в отношении к жизни между соседними народами!» (Räisälän historia, Turku 1949). Гниющие остатки органики

\* Здесь во время боя размещался штаб советской 265 дивизии. Прим. автора

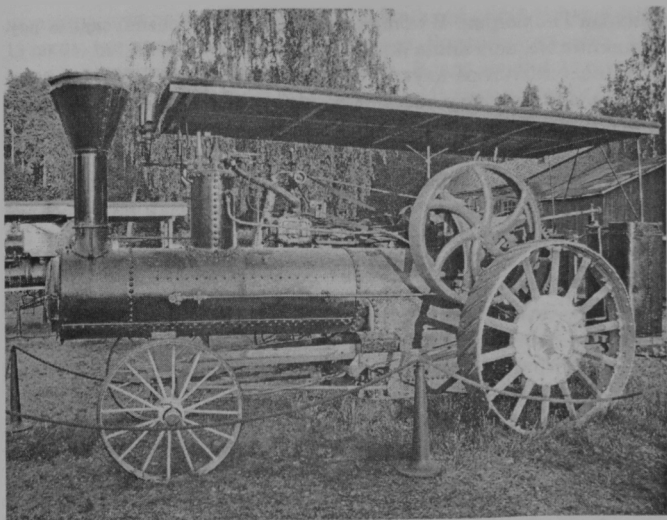
... Вероятно на этом месте уже во время войны, в целях маскировки лесом, держали технику. Прим. автора.



с соседних полей сражений распространяли зловоние на всю округу. По лесам волости лежало множество человеческих и конских трупов. Целый год община собирала и хоронила павших.

В конце первого памятного дня пребывания на родине волостная делегация разместилась в доме книготорговца Эйнари. Уборочные бригады начали заниматься уборкой домов. Начали с кирпичи, и затем перешли в деревню Хютинлахти у озера Юоксемаярви [ныне Б. Заветное], так как туда намечали эвакуировать гражданское население в первую очередь. Руководство, отвечающее за сельское хозяйство, отправилось на оценку оставшихся от русского хозяйствования посадок и жилья. Кузнецы и плотники занялись приведением в порядок оставшейся сельскохозяйственной техники. Уже в самом разгаре была страда уборки урожая. По оценкам специалистов, колхозники успели перед уходом засадить в волости зерновыми 1500 га и овощами 200—300 га. К уборочным работам приступили немедленно. Собственных сил не хватало, и обратились за помощью к военным властям. Сразу после окончания боевых действий на территории усадьбы Ряйсяля располагался лагерь военнопленных. Пленные помогали в уборке урожая, пригодились и трофейные лошади. Уборочная техника частично сохранилась в своих хозяйствах, частично использовалась трофейная. Потери недостающих агрегатов были с лихвой возмещены за счёт поставок через Центральный Сельскохозяйственный Союз. Проблема была с двигателями для сельхозтехники. За время войны почти все они исчезли, а те, что были, простаивали без топлива. В доме у Куосан Алпа нашли, однако, большой локомобиль. Это такая паровая машина на колёсах. Топится дровами, и у неё есть привод, чтобы крутить механизмы. В тех условиях эта техника была незаменимой. Хотя к осени 1941 года ещё не все вернулись в Ряйсяля, до наступления ранней в тот год зимы, с полей успели убрать большую часть урожая. Только малая толика картофельных полей ушла на зиму под снег, но картошка сохранилась в земле и следующей весной пошла в дело.

После окончания сельскохозяйственных работ приступили к ремонту и восстановлению жилья. По сравнению с другими волостями Карельского перешейка, жилой фонд Ряйсяля



*Илл 24. Локомотив – паровой двигатель на колёсах. Конец XIX века. Музей Порвоо, Финляндия. 2006 г.*

выглядел неплохо, потеряв лишь 10% в огне последней войны. Самые крупные потери пришлось на деревню Мюллюпелто, где выгорело более 100 домов, в том числе новая школа, ж/д станция и магазины. Не пострадал от огня только район застройки, расположенный вдоль Кексгольмского шоссе. В других местах потери были незначительны. По несколько домов сгорело в тех деревнях, где только что прошли бои. Зачастую причиной пожара становились действия собственной финской артиллерии. Кроме отмеченных выше разрушений, в приходском центре от огня погиб комплекс зданий, принадлежащих училищу. Кроме того, часть домов исчезла или возникла на новых местах, благодаря политике колхозов, которые начали укрупнение деревень за счёт отдалённых хуторов. Некоторые постройки так и не успели собрать на новом месте. Наоборот, рядом с мельницей в Тиури возник новый посёлок жилых домов, которые были перевезены на новое место из соседнего

прихода Пюхьярви. В общей сложности 137 семей ждало возвращение на пепелища (Räisälän historia, s. 565).

После полутора-двух лет отсутствия, народ с энтузиазмом принялся за ремонт и восстановление своих хозяйств. Они были и тем счастливы, что вернулись наконец «из гостей», где так долго засиделись.

Несмотря на дефицит строительных товаров, погорельцы очень скоро отстроили свои дома или перевезли на старое место «загулявшую» при колхозном строе родную избу. В помощь погорельцам военные власти командировали строительного мастера Вейкко Тиixonена из г. Куопио. С его помощью были сделаны проекты и заново отстроены все общественные постройки волости. Он также стал автором и руководителем работ по строительству нового магазина кооператива в Ряйсяля. Ремонт и восстановление церкви закончили в первую очередь, так что уже в сентябре провели первую службу.

Лагерь военнопленных весной 1942 года взял в аренду у общины 4—5 га земли для выращивания овощей и табака для собственных потребностей. Нужно отметить, что уход был хороший, и они сняли отличный урожай. В то время, когда мужчины чаще всего были на фронте, чувствовалась постоянная нехватка рабочих рук на фермах. В этом сильно выручали русские военнопленные, которые работали на совесть и всегда честно зарабатывали свой хлеб. Местные жители пользовались лагерем, как банком, куда всегда можно обратиться за помощью, в случае необходимости. Русские солдаты делали ту же работу, что и хозяева и ели, сидя с ними за одним столом. По-видимому, пленным это нравилось, во всяком случае, попыток бежать не было, хотя возможностей к этому предоставлялось сколько угодно. Они были тоже умелые крестьяне. Некоторые хозяева, например, доверяли им и лошадь с телегой, посылая в самостоятельные поездки за сеном. В каждом доме жили и работали русские, особенно в период страды. После окончания войны многие из них изъявляли желание остаться в Финляндии, но этой возможности им не предоставили. По прибытии в Советский Союз из плена им уготовили новую путёвку, в Сибирь.

Жизнь постепенно налаживалась. Весной 1942 года, когда всё население Ряйсяля уже вернулась на родину, заработали

магазины и учреждения. Для 950 учащихся осенью открылось 13 школ, где вновь работало 32 учителя. Возродилось даже училище в церковной деревне Ряйсяля. Возобновили свою деятельность 3 местных хоровых коллектива. Из промышленных предприятий в волости восстановили 7 мельниц и 8 лесопилен. К 1944 году уже мало что напоминало здесь о прошедшей войне.

## *Вторая эвакуация*

В начале июня 1944 года началось мощное наступление советской армии на Карельском перешейке. Ещё в начале марта в штабе округа шюцкора в Кякисалми [ныне Приозерск], обсуждался план на случай наступательных действий со стороны противника. 15 июня из штаба получили на места необходимые инструкции по проведению плана эвакуации в жизнь. Были выбраны ответственные лица и распределены обязанности. Уже на следующую ночь поступил приказ об оказании помощи в размещении и питании беженцев, идущих пешком со стороны Вуоксы. Их поместили в деревнях Хумалайнен и Ораванкютё в приходе Вуоксенранта [ныне Озёрское]. В ту же ночь в 2.30 из окружного штаба шюцкора поступило новое распоряжение. В течение следующего утра эвакуации подвергается второй округ Ряйсяля. В него вошли самые южные деревни Хумалайнен и Тиури. В штабе волостного центра срочно был размножен приказ и развезён по домам. На следующий день дороги опять заполнили толпы беженцев. Правда, в отношении деревни Тиури штаб дал отбой тревоги, но те, кто уже поднялся с насиженного места, продолжили путь. Однако 19 июня был получен приказ о полной эвакуации гражданского населения волости.

Для эвакуации жителей Ряйсяля сборным пунктом назначили станцию Мюллюпелто, но часть населения предпочла другие места погрузки: Инкиля, Оярви или Каарлахти. Места следования в этот раз отметили в пропусках заранее. Станциями разгрузки домашнего скарба назначили Курика и Сюдянмаа. Местами для проживания — волости Яласъярви, Кихниё, Перясейняйоки, всё в той же губернии Этеля Похьянмаа, что и в первый раз. Поначалу выбираться к станциям приходилось, рассчитывая лишь на свои силы. Весь военный транспорт был занят на пере-

возках населения в более южных волостях перешейка. Эвакуацию начали с помощью собственной конной тяги и довольно успешно. Кроме этого, в соответствии с планом эвакуации, ряйсяльцам предстояло помочь вывезти своим транспортом жителей Вуоксенранта и Вуоксела. Из деревни Кунинкаанристи [ныне Ромашки] и Ораванкютё десятком ходок вывезли часть зерна до станции Мюллюпелто. Эвакуированные из деревень Тиури и Хумалайнен, уже два дня ожидавшие на станции отправки поезда, наконец его получили. В первый эшелон сажали преимущественно детей, стариков, женщин. Всего в эвакопоезд поместилось 350 жителей Ряйсяля и 300 из других приходов. Помня первую эвакуацию, сзади к составу прицепили грузовые вагоны с самыми ценными вещами. В ночь на 19 июня поезд отправился со станции Мюллюпелто. У обречённого состава неприятности начались сразу же на выходной стрелке. Неправильно переведённые в ночной спешке стрелки вызвали опрокидывание паровоза. Вагоны уцелели в этот раз, но нового локомотива пришлось ждать ещё 8 часов. На следующее утро в 8 часов поезд благополучно добрался до станции Элисенваара, но попал в пробку. К этому времени добавился ещё один эвакопоезд и военный эшелон. В 10—11 часов утра над станцией внезапно появились советские бомбардировщики в сопровождении истребителей.

Сигнал тревоги дать не успели, и люди остались сидеть в вагонах. Когда эскадрилья самолётов прошла тремя волнами, бомбя поезд, станцию и ближний лес, расстреливая из пулемётов, картины ада померкли в глазах оставшихся в живых... По официальным данным, всего погибло 137 человек, из которых лишь 19 были военнослужащими.

Среди жителей Ряйсяля убито было 78 человек и ранено 72. Сгорели также грузовые вагоны с имуществом, где погиб, в частности, архив сберегательной кассы. Все опознанные погибшие пассажиры были похоронены на приходском кладбище в Куркийоки. Неопознанных доставили в г. Савонлинну вместе с ранеными. Позже их захоронили на приходских кладбищах Савонлинны и Сяяминки.

---

*Это были 44 Пе-2 58-го бомбардировочного полка и 3 звена по 16 истребителей Як-9.*

Эвакуация ряйсяльцев продолжалась. Вскоре военные выделили для перевозки эвакуирующихся 10 автобусов, которые стали свозить всех на станцию. Для чёткого руководства действиями штаб кякисалмского шюцкора прикомандировал в Ряйсяля капитана Яухо. На следующий день, 21 июня пришло только 2 автобуса и 4 грузовика. Как выяснилось впоследствии, после сообщения о бомбардировках узловых станций, автобусы с эвакуированными стали направлять вглубь Финляндии до станциям Париккала и Сяркисалми. В тот же день армия подбросила ещё 62 грузовика, на которых вывезли к дальним станции также некоторые материалы. На следующие сутки пришло 13 машин, для доставки зерна до станций Инкиля, Оаярви, Лайко и Каарлахти. Так каждый день вывозили, сколько можно и на чём можно. На станции Мюллюпелто загружались, главным образом, коробки с багажом и сельскохозяйственные машины. Ежедневно работало по 25—35 грузовиков. Интенсивнее всего вывозили различные грузы из соседней волости Вуоксела, так как фронт подходил уже к её границам. По пути машины забирали заодно и вещи жителей Ряйсяля. Наученные горьким опытом первой эвакуации, люди не торопились покидать родину наспех, а старались взять с собой как можно больше. Затишье на фронте в начале июля позволило подумать и о перевозке ценного оборудования промышленных предприятий. Также организовали вывоз школьной мебели. 2 июля пришел приказ о вторичном призыве уволенных в запас мужчин 1904—1926 годов рождения. Община лишилась сразу 60 человек самого трудоспособного населения, что сказалось на темпах дальнейшей эвакуации.

6 июля был совершен воздушный налёт на волостной центр. Бомбы рвались в районе кирхи, усадьбы священника и поместья Ряйсяля. На этот раз обошлось без жертв. 9 июля советские войска форсировали Вуоксу в районе Вуосалми [напротив нынешнего Барышево] и создали опасный плацдарм на северном берегу, в 25 км от центра прихода Ряйсяля. Однако на этом наступление выдохлось, и опасность внезапного прорыва миновала. Ещё целый месяц был подарен на уборку урожая и отpravку вещей. Катастрофически не хватало рабочих рук. В этой связи было принято решение о возвращении из эвакуа-

ции вначале 200, и затем ещё 1000 человек и 400 лошадей для уборки урожая. Также осталась часть необходимой сельскохозяйственной техники. Карелы вернулись на станцию Мюллюпелто, и уборка продолжилась новыми темпами. Общими усилиями собрали и вывезли 2500 тонн сена и 1609 тонн зерновых.

19 сентября в Ряйсяля поступила информация о начале перемирия на фронте. Финляндия, по условиям выхода из войны, возвращалась в границы Московского мирного договора 1940 года, предоставляла новую территорию для строительства военно-морской базы, взамен полуострова Ханко, уступала Печенгу и выплачивала СССР репарации. В Ряйсяля поступило распоряжение о приостановке уборочных работ и выезде из зоны передаваемой территории на следующий день. 21 сентября правление волости, последние гражданские лица, покидало родные места. Отправлялись рано утром. Машина забирала всех от кирхи. Последний взгляд, последнее прощание с церковью и могилами близких. Утреннее солнце осветило крест на колокольне, старые сосны кладбища, синеву Вуоксы, вершины холмов. Машина тронулась, и зазвучал гимн Карелии, полилась песня, кукушкой метнулась она к ближнему лесу, сёмгой нырнула в холодную воду, диким камнем осталась лежать у дороги. Народ ушел, но память о нём осталась, и будет пребывать с этой землёй, пока существует имя Карельский перешеек.

Переселенцев опять привезли в Этеля — Похьянмаа и распределили по волостям. В Перясейняйоки попали, как и в первый раз, 1500 человек из деревень Тиури и Хумалайнен, переживших бомбардировку. Здесь люди были знакомы, и не возникло никаких проблем с размещением. Остальных решили поселить в Яласъярви, где ранее не было эвакуированных. Хотя волость была по площади в два раза больше Ряйсяля, карелы встретились с очень большими трудностями. Хотя здесь было много земли, и народ жил в достатке в больших богатых домах, однако чувство сострадания не всегда проявлялось в сердцах крестьян Эстерботнии. В жилые дома эвакуированных не пустили, а вынудили жить осенью под открытым небом или выделили подсобные помещения.

С таким трудом спасенные и вывезенные вещи были кинуты в песок на одном из стадионов, и, не было возможности их пристроить на чердаках или в скотных дворах, хотя у местных вполне хватило бы для этого площади. Кроме того, в связи с тем, что перевозка осуществлялась централизованно, люди часто долго не знали когда и на какую станцию пришли вещи или техника. В результате спасти удалось не многое. Одежда, музыкальные инструменты и другие личные вещи пропали под осенними дождями. В создавшейся ненормальной обстановке народ стал, в обход постановления о переселении, уезжать к родственникам и знакомым в волости Илмайоки и Каухайоки, где жили после Зимней войны. С перевезённой скотиной также возникли большие проблемы. Пастбищ для прокорма не давали, на деньги, что переселенцы выручили от централизованной продажи своего урожая, местные крестьяне не соглашались продавать свой фураж, несмотря даже на распоряжения официальных лиц. В результате зимой многим пришлось продать по смехотворным ценам своих коров-кормилиц тем самым местным кулакам. Однако затем такие продажи удалось аннулировать с помощью властей. В последующие годы, пока государство не наладило механизм выкупа компенсирующих земельных участков, эвакуированным приходилось в полной мере вкусить долю непрошенных гостей на чужбине. До своего закрытия в 1948 году правление общины всячески старалось помочь своим землякам в решении спорных вопросов с местным населением, выплаты разных пособий и компенсаций, ходатайства и подписание договоров. В общей сложности карелами волости было востребовано 1416 земельных участков для продолжения сельскохозяйственной деятельности. В 1945 году окончательно обозначили для расселения жителей Ряйсяля волости Кокемяки, Кёюлиё, Киукайнен, Эура, Эурайоки, Сякюля, Хонкилахти, Лаппи, Харьявалта, Раума (город и волость). Таким образом, людей разместили не так тесно, как год назад. Но и этого оказалось мало, и позднее территории переселения ещё увеличились. Ещё в 1947 и 1948 годах не все бывшие эвакуированные получили свои наделы, где смогли бы обустроиться окончательно.





Илл. 25. Бывшие жители Ряйсяля на ежегодном карельском празднике. Город Миккели, 2001 г.



Илл 26. В эвакуацию. Жители Хумалайнен 1944 г.

## *И вновь советский строй...*

19 сентября 1944 года Финляндия вышла из войны, подписав перемирие на условиях, во многом повторяющих Московский мирный договор 1940 года. В новый состав Ленинградской области включены 6 районов Карельского перешейка и города Выборг и Кексгольм, с общей территорией 1 109 600 га, в том числе пахотной земли 154 300 га, сенокосов 21 500 га, лесов 833 800 га. Народ, начиная с 1944 года, потянулся на «освобожденные от финских оккупантов» земли. По данным заселения районов Карельского перешейка на 1 января 1945 года численность населения составляла уже 50 000 человек. Из них 26 500 поселились в деревнях. Уже на 1 декабря того же года переселено 2021 хозяйство. Первыми, следом за военными, здесь появились семьи демобилизованных; за год из тысячи отобранных переселили 137. Резвакуированные также вспомнили о месте своего недолгого проживания. Хотя после войны их оставалось и немного, но 246 хозяйств возвратились обратно. Главной движущей силой стали подсобные хозяйства предприятий Ленинграда, которые сразу направили сюда часть своих сотрудников для выращивания продуктов питания. Организовано 225 подсобных хозяйств, колхозов — 131, совхозов — 25. И это было только начало. Во второй раз людей не пришлось загонять силой в новые районы. План переселения по Кексгольмскому району включал на июль 1945 года 400 хозяйств. Всего в 1945 году в район въехало 3500 человек. Первая серьёзная волна переселения началась в 1946 и 47 годах. В Кексгольмском районе было образовано 17 колхозов и совхоз. Послевоенному освоению новых земель следовало бы посвятить целую книгу...

В 1945 году Ряйсяльский сельсовет возобновил свою деятельность. В его состав вошли вновь образованные колхозы «им. Тельмана», «им. Калинина», «Дружба», «Путь к Социализму», «Ярославец», «9-е Мая». За первые два года образовано 14 колхозов и совхоз «Ряйсяля». 1 октября 1948 г. Ряйсяльский сельсовет переименовали в Мельниковский с центральной усадьбой в посёлке Мельниково. 22 июня 1954 г. Мельниковский, Васильевский и Джатиевский сельсоветы объединили в Мельниковский с центром в посёлке Мельниково.

В 1947 году между Советским Союзом и Финляндией был подписан в Париже мирный договор, в результате чего финское правительство лишилось права поднимать вопрос о возврате утраченных территорий. Вслед за этим, последовали новые меры, призванные закрепить достигнутый результат. За несколько месяцев необходимо было придумать тысячи новых названий для населённых пунктов, железнодорожных станций, рек и озёр, заливов и островов. Навязанному сверху процессу пытались придать видимость демократического волеизъявления граждан. С этой целью в начале 1948 года на места выехали спецуполномоченные для организации собраний в колхозах, на которых и были сочинены первые варианты переименований. Отчёты собраний неоднократно рассматривала созданная при Леноблисполкоме комиссия по переименованию. Дальнейшая их судьба решалась уже в обкомовских и исполкомовских кабинетах. Новые названия, придуманные переселенцами, не имели ничего общего с героикой и политикой. Это обстоятельство обеспокоило исполнительные комитеты, и народное творчество было изрядно исправлено. Таким образом, «крёстными отцами» большинства современных названий, являются советские партаппаратчики. *«В результате значительная часть современной топонимики Карельского перешейка представляет собой позорный продукт убогого мышления советской партократии, зафиксированный в нарочито измышлённых наименованиях»* (Балашов Е.А., Метаморфозы топонимики Карельского перешейка).

Новое испытание выпало на голову переселенцев в 1950 году, когда было принято решение об укрупнении центральных усадеб колхозов за счёт сселения хуторов и возведении их на новом месте. Для многих это стало бедствием, от которого старались избавиться всеми силами. Поэтому приказ «О мероприятиях по сселению с хуторов Карельского перешейка» от 14.06.1950 пришлось повторить в 1960 году. Люди уже привыкли жить малыми колхозами в своих домах с хозяйством, скотными дворами, огородами. «Колхозы были небольшими, состояли из десятка колхозных дворов (...) и размещались на месте более компактного расположения бывших финских крестьянских хозяйств», вспоминает Свинарёв. То есть, по сути,

они равнялись одному крупному финскому хозяйству. И вот в один миг всё взять и бросить! И, чтобы колхозники не сомневались, в помощь по переселению направили студентов. — *«Направить в Приозерский район для помощи в работе... 500 человек студентов, в т.ч. из Корабельного института — 220, Библиотечного — 89, Планового — 100, Иняз. — 100 человек»,* — из документа «О мероприятиях по сселению с хуторов на Карельском перешейке». Власти не шутили. Из протокола заседания Исполкома Леноблсовета 20 января 1951 года: — *«т. Петров: Нужно колхозников заставить, чтобы они разрушали свои дома, по крайней мере, в июне, тогда в сентябре они поедут, с самого начала нужно показать колхозникам целесообразность переезда на центральную усадьбу, тогда они найдут средства, силы и возможности».*

Конечно, никто не думал тогда, что вскоре эти места зарастут лесом, и народное хозяйство, в конечном итоге, лишится по крайней мере двух третей из 1200 деревень, отошедших к Советскому Союзу. Никто также не вспомнил предостережений председателя колхоза «Пионер», И.В. Хахунова, который ещё в 1940 году предупреждал: *«сселение хуторов в колхозные посёлки не может быть осуществлено так же, как это мероприятие осуществляется в других районах Союза. Необходимо посчитаться с тем, что, доставшиеся нам от финских кулаков-фермеров отличные дома со сложной конструкцией фундаментов, печей, внутренней отделкой...не могут быть безболезненно (да ещё силами самих колхозников) перенесены на новые места. Это в ещё большей степени относится к ...капитально оборудованным кирпичным и каменным скотным дворам и прочим хозяйственным строениям».* Иными словами, решили всё порушить, что у белофиннов отняли с такой кровью; — ни своим, ни чужим! С той поры стал привычной картиной Карельского перешейка вид заросшего в поле фундамента дома и уцелевшие первые этажи каменных коровников. Вокруг густо цветёт сирень, да сиротливо стоят одичавшие яблони. Так всё и было: дома свозили, из трёх затем собирали два или один на новом месте — вдоль большой дороги в Васильево, Горах, Коверино и других деревнях Мельниковского района. Многие просто шли на дрова. Дома собирались прямо на земле, без

фундамента, плохонькие печи клали заново, пользуясь старым кирпичом. Про подсобные помещения и не думали. Настроили потом дощатых сараев на скорую руку, и ладно. Своя сауна, — это вообще считалось пижонством. Ломали, и строили потом общественную. А финские водопроводы? Вообще ко всему привычному, красивому, отношение было как к вражескому. Всё старались уничтожить, сломать, сжечь. Народ понимал: всё чужое, взять нельзя, зато можно испортить и никто не осудит. — Так им, финнам! Каким-то ветром занесло сюда и уголовный элемент. Безднаказанность, отсутствие понятия собственности, ощущение временщика на чужой земле и жажда разрушения развратили людей до такой степени, что, как вспоминает жительница деревни Васильево, считалось зазорным топить печку некрашеными досками, (т.е. не от дома). Постепенно всё стало приходить в негодность и исчезать. Со скрипом отрываемых досок, пожарами, звоном битых стёкол и залихватской пьяной песней стала поворачиваться жизнь в новых районах на новый лад.

*«С разрушением принятого способа ведения сельского хозяйства разрушилась и вся инфраструктура, которая столетиями создавалась нашими предшественниками — финскими крестьянами»* — пишет в своей рукописи бывший председатель Мельниковского сельсовета, Юрий Петрович Свинарёв. И с ним нельзя не согласиться. Это было основной причиной гибели деревень и разрушения материальных ценностей. Но главная разруха была в головах переселенцев, которую создала за 20 лет советская идеология, основанная на отрицании собственности, с фарисейской моралью, держащаяся на рабском страхе, подавлявшая во многих здоровые человеческие чувства, калечившая людей.

В послевоенные годы население колхозов составляли преимущественно многодетные женщины, старики и калек-инвалиды войны. Самая активная часть общества — молодые мужчины — устлали своими костями поля сражений от Ленинграда до Берлина. Как отмечает Свинарёв, сейчас, по прошествии многих десятилетий, вызывает восхищение то терпение и выдержка женщин, большинство из которых уже навсегда ушли в мир иной, с какой безропотностью работали первые колхозницы — создатели социалистического хозяйства в «непривычных условиях».

Как уже отмечалось, в 1945 году было создано 14 мелких колхозов и совхоз Ряйсяля. В 1950 году произошла ломка только что налаженной жизни. 11 колхозов перестали существовать и слились в большие малоуправляемые колхозы-объединения. При этом насильно переселяли бывших колхозников на новые места, на центральные усадьбы вновь созданных колхозов. При этом погибла значительная часть добротных финских домов, был вновь разделен сельхозинвентарь, скот и пахотные земли. Вскоре дальние участки полей превратились в неухоженные естественные луга и отхожие пастбища. Спустя годы они заросли лесом. Местами ещё сохранялись полуразрушенные дома финских крестьян, окруженные яблоневыми садами и смородиной. Кто не помнит белой финской смородины! Постройки приспособляли под временное летнее жильё для пастухов и доярок. Но и эта форма хозяйствования на земле не принесла желаемых успехов. В 1960 году, при Генсеке Никите Хрущёве, колхозы сменились совхозами. *«Этим мероприятием закончилась эпоха колхозного строя и наступила эпоха совхоза «Мельниково», которая продолжалась с небольшими изменениями около 40 лет, пока не сменилась эпохой АОЗТ»,* — констатирует Юрий Петрович. *«Во многих колхозах дела шли так плохо, что, когда от колхозников отобрали их кооперативную собственность и передали государству, они «вздохнули», перейдя в совхоз «Мельниково», где зарплату выдавали регулярно, а не по остаточному принципу — после выполнения первой заповеди — отдачи продукции государству»* — как сказала бывшая труженица колхоза «Переселенец», Витюшкина Валентина Николаевна.

В лучшие годы численность рабочих совхоза доходила до 1000 человек. Совхоз «Мельниково» был основным работодателем и хозяином территории волости. С созданием в последние годы АОЗТ количество тружеников уменьшилось до 200 человек, выпуск продукции сократился. Зато растёт торговля. Как грибы поднимаются новые дачи и различные базы отдыха жителей Петербурга. Волость в очередной раз меняет своё лицо. Появились даже православные церкви и часовни, что не может ни радовать. Как будет развиваться Мельниковское административное поселение в наступившем XXI веке? Время покажет...

## ДЕРЕВНИ ВОЛОСТИ РЯЙСЯЛЯ

**Волостной и приходской центр Ряйсяля (Räisälä),  
Иваска (Ivaska), Пудория (Pudoria) –  
посёлок Мельниково**

Старинная деревня Ряйсяля расположена в живописном месте Карельского перешейка. Река Вуокса, извиваясь среди лесистых берегов, придаёт неповторимое очарование ландшафту. Пять или шесть дорог расходятся отсюда в разных направлениях. На левом, коренном берегу Вуоксы, там, где находится развилка шоссе, расположен центр посёлка Ряйсяля, теперь Мельниково. Площадь на перекрёстке дорог, каменная финская кирха, магазины, кладбища. Есть ещё застроенный многоэтажными домами из силикатного кирпича новый жилой район, совхозные сельскохозяйственные строения и поля. Ещё на удивление много сохранилось с финского времени домов. Вот, вкратце, современный облик посёлка Мельниково, центральной усадьбы крупнейшего в Приозерском районе животноводческого комплекса, АОЗТ.

Как отмечалось ранее, археологические раскопки свидетельствуют, что люди поселились в этих местах уже во время железного века, 1,5 тысячи лет назад.

Первое упоминание Ряйсяля — Ряжель относится к переписной книге 1500 года. Тогда здесь насчитывалось пять одноимённых поселений.

Старое название деревни Ряйсяля теперь уже не поддаётся однозначному толкованию. Однако основная версия его возникновения сводится к тому, что слово это древне-карельского происхождения, является производной от личного имени Ряйся, или в более поздней форме, фамилии Ряйсянен, которая имела распространение на территории нынешней Восточной Финляндии, включая Карелию. Формант (-ла/-ля) в финском языке указывает на место нахождения, деревню. Однако топоним может быть и более древнего происхождения. В языке Кольских саамов встречаются слова, имеющие корень «ряй, ряж» — значит «до чего» и «ряйжже» «через что». Отсюда

можно вывести и происхождение новгородского названия реки Ряжель. Но это только предположение автора. В финской Лапландии есть поселение с названием Ряйсяля. Является ли имя местного саамского происхождения или служит доказательством «пушных» экспедиций древних карел? И то и другое пока остаётся загадкой.

Поселение Ряйсяля возникало постепенно при слиянии многих отдельных деревень-дворов или небольших образующих, в основе которых заложено несколько исторических хозяйств, расположенных на одном холме, по-фински «мякикуннат». В дальнейшем они распадались на много более мелких наделов. Вдоль дорог и течения реки, на север, запад, восток, деревня вытянулась в длину на 4—5 километров. На юге она включила в себя отдельные местечки с названиями Путорила, Тууласаари, Каявакиви, Пеллонмяки, Портинмяки. На востоке находились Пусаланмяки, Ламмасмяки. С севера прилегали Паппила, Тиеристинмяки, Нейтсюткаллио и несколько жилых островков. На востоке, за протокой Вуоксы стояла отдельная деревня Иваска, после деления усадьбы распавшаяся на много мелких образований: Лиикасиинмяки, Риполанмяки, Ивасканмяки, Хакамаяки и других. В налоговых книгах Ряйсяля за 1591 год отмечены жители Суни Яконен, Туомас Лейнонен и Антти Кукконен. Следующая перепись 1613 года отметила уже проживание здесь 27 налогооблагаемых лиц.

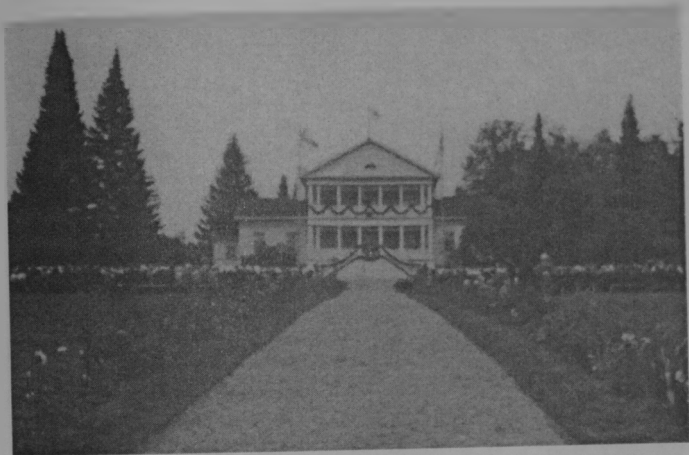
На протяжении многих столетий, (см. главу о возникновении волости), основой Ряйсяля являлась усадьба, на землях которой строилась почти вся деревня, включая кирху. Размер этого огромного поместья оценивался более чем в 4 000 га, из которых 1000 га занимали только поля. На землях поместья Ряйсяля было 68 торпарских (крестьян-арендаторов) наделов, 7 более крупных имений. Владельцем всего этого богатства, с начала XIX века, становится надворный советник Иван (Йоган) Летинский. После этого несколько десятилетий усадьбой владели аптекарь Двора Блом и пастор Лёвстрём (Lofström). Вторую половину века, (1856—1906) поместье принадлежало графу Николаю Карлу Сиверсу. В соответствии с версией автора книги, этим потомком датского рода, и позднее лифляндских помещиков, был статский советник Николай Евгеньевич



Сиверс, который известен тем, что в 1866 году стал одним из учредителей товарищества «Работник», занимавшегося продажей сельскохозяйственных машин, семян, удобрений. Однако он не жил подолгу в Ряйсяля, а появлялся наездами. Когда, в 1906 году имение было поставлено на продажу, крестьяне-арендаторы попытались сами его выкупить, но, поскольку банк отказал им в кредите, усадьбу выкупили два частных предпринимателя родом из Ряйсяля, Юхо Халленберг и Юхо Лаллука. Продажная цена составила 300 000 марок.

Когда Выборгский торговый советник Лаллука умер, вдова продала долю мужа общине в 1931 году. Сама усадьба с постройками досталась после продажи компаньону и торговому советнику Халленбергу. Перед финской войной его долю успели выкупить братья Реунанен.

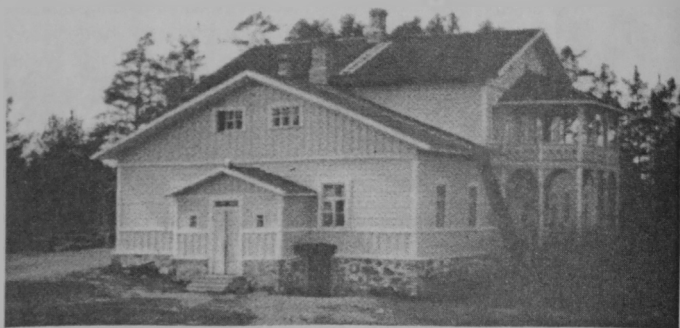
С дороги к усадьбе вела ухоженная берёзовая аллея, а со стороны Вуоксы, на высоком берегу, в отдалении открывалось главное здание усадьбы. Дорожка, шедшая от самой воды, упиралась в парадную лестницу, над которой нависал двухэтажный классический портик усадьбы с колоннами. От него по сторонам расходились одноэтажные крылья. Всё здание было выполнено из дерева. От главного входа вниз, по сторонам парадного луга, раскинулся парк. С другой стороны от дома был посажен большой сад. Здесь росли преимущественно яблони, окружённые живой изгородью из ягодных кустов. В следующем здании проживал управляющий усадьбой Менлёфф (Menlöff) и главный механик Юхо Янтунен с семейством. Ближе к берегу стояли две сауны, большой коровник, свинарник и маслобойня. От дома управляющего прямая дорога вела к конюшне и ещё одной жилой постройке. За ними тянулась обширная территория лесопилни. Главная двухэтажная постройка лесопилни вмещала в себя также мельницу и электростанцию на основе локомобиля, которая снабжала всю предвоенную деревню электричеством. По соседству находились сённые сараи. Со стороны берёзовой аллеи было выстроено зернохранилище. До наших дней сохранилась часть построек усадьбы, в том числе и отреставрированное, вернее сказать, построенное заново главное здание классического стиля. Напротив деревни, через протоку, располагался большой остров Хуссаа-



Илл. 27. Усадьба Ряйсялян хови. 1930-е гг.



Илл 28. Ряйсялян хови. 1990 г.

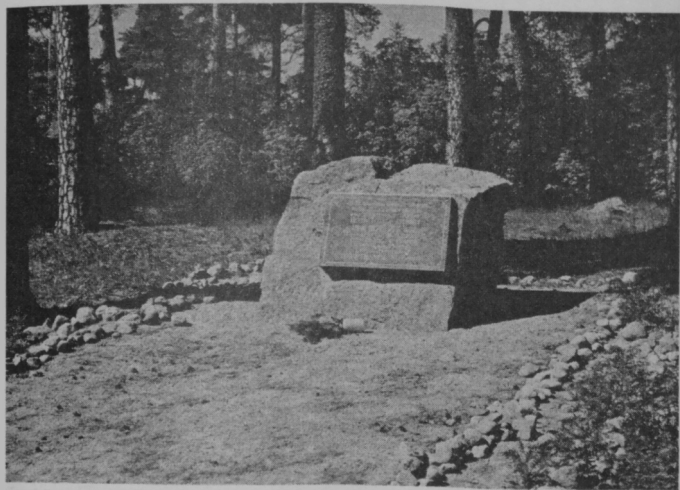


Илл. 29. Имение Путьория, ставшее позднее сельскохозяйственной школой.



Илл. 30. Имение Тойволан хови. 1989 г.

ри. Там на скале, напротив усадьбы, была выстроена беседка, откуда открывался роскошный вид на главное здание имения. Остров использовали как место летнего пастбища для коров. Хуссаари перегородили забором на две части, а узкий проход на берег также защитили от коров. На одной половине остро-



Илл. 31. Новый памятник открыт на месте дома Швиндтов. 2001 г.

ва паслось всё лето стадо усадьбы, 60 голов, а другая принадлежала общине Ряйсяля.

Неподалёку располагалась другая усадьба, Тойволан-хови. В главном деревянном здании коричневого цвета с белыми окнами, с 1872 года размещалась первая народная школа Ряйсяля. После 12 лет работы, школа получила собственное здание, а в усадьбе разместился уездный суд и затем архив кексгольмского судебного округа. Молодёжное общество Ряйсяля также использовало здание для проведения вечеров, свадеб и репетиций представлений. В самом конце своей истории финского периода, Тойвола служила общежитием для работников усадьбы Ряйсяля. Здание сгорело только в 1990 году.

На южной стороне деревни, на самом берегу Вуоксы, в местечке Пудория или Путория, было ещё две маленькие усадьбы.

Одна из них принадлежала чиновнику-канцеляристу по фамилии Хоппендорф (Hoppendorff). После него усадьбу покупает Йохан Фредрик Швиндт, в 1840 годах. Сам дом был

<sup>1</sup> Топоним произошёл от русского слова «подворье».

ничем не примечателен — длинное одноэтажное здание похоже на барак. Пять труб, по фасаду стены 4 окна, ровно по количеству комнат, и крыльцо.

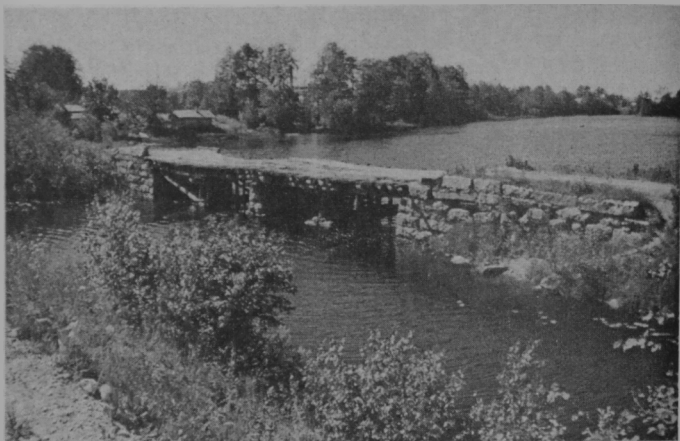
Фамилия Швиндтов была известна в Ряйсяля ещё с середины XVIII века, когда настоятель местной церкви Петер Урсиниус сочетался вторым браком с Катариной Швиндт, дочерью тогдашнего настоятеля церкви в Антреа. Как гласит семейное предание, род Швиндтов идёт от датского лейтенанта по имени Кристиан, поступившего на службу шведскому королевству в начале XVI века. Вскоре род стал известен среди выборгского дворянства.

Йохан Фредерик Швиндт занимался сельским хозяйством и врачеванием в родном крае. Женился на дочери капеллана и хозяина усадьбы Иваскан-хови, Блондине Марии Ловизе Старк. Из десяти детей, родившихся от этого брака, выжило только двое: четвёртый по счёту, Петтер Теодор и десятый, Людвиг Андреас. Последний умер в 25 лет в Бразилии, будучи моряком торгового флота. Из всех детей судьба избрала Петтера Теодора, или Пекку Швиндта, и сделала его знаменитым. Будущий «король карельской археологии» родился в усадьбе Путориа 13 октября 1851 года. По отцу и матери у него были ряйсяльские корни дворянского семейства. В 18 лет молодой человек оканчивает выборгскую гимназию, и летом 1869 становится студентом в Гельсингфорсе. Выбор дальнейшей карьеры стал трудной задачей для молодого Швиндта. Сначала он три года проучился в политехнической школе и затем перешел в университет, который официально закончил только в 1885 году, получив степень кандидата философии. Все эти годы он сам много преподавал в разных школах и любил жить в Гельсингфорсе. Летом он часто отправлялся в археологические экспедиции в родную Карелию. После работал на многих должностях: в сенате, в чине государственного археолога, куратора Выборгского землячества, председателем студенческого союза. Доктором наук стал в 1892. В последние годы жизни успел поработать интендантом в комиссии по древностям Финляндии и в Национальном музее. Политическая деятельность Теодора Швиндта также была значительна. Он избирался в 1890 году в государственный сейм кандидатом от Кексгольма. Во



Илл. 32 Главное здание усадьбы Иваскан хови постройки 1920-х годов. 1989 г.

времена разгула царской реакции он был одним из когорты противников русификации Финляндии. Завоевал на этом поприще репутацию «некоронованного короля Карелии». Умер в Гельсингфорсе 27 октября 1917 года. К научным трудам учёного относятся «Эпизод из истории Кякисалми 1580—1597», «Народные предания жителей Северо-западного Приладожья», «О железном веке в Карелии», «Финские украшения», «Орнаменты вышивки», «Из истории строительства крепости Кексгольм», «Памятники предков», «Народный костюм в Финляндии» и др. Деятельность и работоспособность этого одарённого человека была фантастической. Ведь полевые археологические работы проводились им ежегодно. Даже собственная усадьба была перекопана вдоль и поперёк. До наших дней ни один человек не занимался так плотно историей Карелии, и не сделал так много в деле её изучения и просвещения как великий сын Рийсяля Теодор Швиндт — (Пекка Винтти), как его называли крестьяне, не выговаривавшие «господских» букв. Дважды он женился на дочерях второго капелланского пастора Каяндера, Каролине и Эмили. От второго брака родился сын Пааво, ко-



*Илл. 33. Старый мост через Вуоксу 1909 года постройки. Фото 1989 г.*

торого знали как хозяина дома в Маккола, в Ламмасмяки. Некоторые из потомков изменили свою фамилию на финский лад, и стали Туулиайнены.

Дворянская семья Старк из города Турку была известна с 1675 года. Представитель рода после Северной войны остался в российской части Финляндии. Густав Старк, будущий картограф и землемер, родился в 1733 году в Петербурге. По работе, со временем, ему суждено было перебраться в Раясяля. Здесь он купил себе для поместья землю одного крестьянина, которого звали Иван. Это и была часть будущей Иваска. Сделка состоялась в 1759 году. В 1776 он присоединил к своему имению земли усадьбы, принадлежавшие майорской вдове Парасковии Гуревиной: Иваска и Малый Двор. У Густава Старка и Марии Кристины Хорнворг было 3 сына. Младший из сыновей, Карл Август, пошел по стопам родителя и тоже стал землемером в 1825 году. Получив в 1842 году должность комиссара землемеров Выборгской губернии, он проживал в усадьбе Малый Двор. Здесь в 1845 году строится новое главное здание имения, которое получает новое имя — Пикку-Иваска (Малое

Иваново). Не оставив после себя наследников, он умирает. Средний брат на русской службе стал военным врачом и затем дослужился до чина коллежского асессора. Он, однако, продал свою долю, третью часть имения старшему брату и сам жил в Антреа. От Йогана Вильгельма пошел известный в Финляндии род врачей с фамилией Старк. Старший из братьев Петер Давид стал священником, местным вторым пастором и унаследовал две трети имения, которые прозвали Исо — Иваска (Большое Иваново). Его потомки стали продолжателями рода Старк в Ряйсяля. После смерти Карла Августа, в Пикку — Иваска поселились племянница Ольга Паулина с мужем, лейтенантом Фредериком Валберг. После смерти жены, Валберг женится вторично на воспитательнице своих детей, польке Катарине Першински. От этого брака родились сын и дочь. Сын Йозеф стал жить в усадьбе постоянно и поддерживать хозяйство. В начале XIX века он завёл в Иваска пилораму, увлекался разведением лошадей. Йозеф умер бездетным в 1910 году.

После смерти второго пастора, (1867), в Исо — Иваска стала управляться с хозяйством его вдова. При ней расширили земли имения, обновили постройки, поставили первую в Ряйсяля маслобойню. Также, после смерти соседа Валберга, в 1878, имение Пикку-Иваска было объединено Исо-Иваска путём покупки земли. В 1859 году овдовевшая дочь хозяйки, молодая пасторша Стренг, (фамилия мужа) переехала к матери с кучей маленьких детей. Дети росли, ходили в шведскую школу. Старший из сыновей, Адольф Стренг, родившийся в 1852 году, впоследствии стал доктором наук, профессором. Преподавал в Гельсингфорсе классические языки. Сестра Аина Мария Стренг в 1872 — 1890 годы работала учительницей в первой школе Ряйсяля. Вместе со своей сестрой, Илмой Каролиной, они прожили в Иваскан-хови до 1936 и 1940 гг. соответственно. Упокоились они на старом кладбище у кирхи в семейном склепе. У профессора Стренга родилось два сына, старший из которых Вайно Волмари, выучился на лесничего, и до самой своей смерти в 1919, вёл хозяйство усадьбы. Его стараниями вся деревня во времена первой мировой войны получила электричество. Он также много учился живописи и даже ездил для этого в Голландию. К сожалению, вскоре после его кончины, сгорело зда-



ние усадьбы и вместе с ним большая часть его работ (1920). Младший сын профессора Вильё Йоханнес закончил медицинский факультет университета. Подавал большие надежды, но внезапно в 1909 г. ушел из жизни. Лесничий Стренг дважды был женат. От его второго брака с Салли Никландер родилась девочка Мери, ставшая последней хозяйкой имения. Таким образом, семейство Стренг сохранило до середины XX века традиции хозяев усадьбы Иваска, заложенные их предшественниками, семейством Старк начиная с 1750 годов. В усадьбе Пикку-Иваска после смерти Варнберга, поселился с женой ленсман Адольф Вестберг. В этой должности он находился с 1862 — 1888. Семейство ленсмана отличалось глубоким чувством сострадания к обездоленным. Дом престарелых на землях усадьбы стал их детищем. Умерли супруги Вестберг бездетными в один день, 10 января 1911 г., и покоятся на старом кладбище Ряйсяля. После них, с Пикку-Иваска жила семья губернского агронома Хенрика Ивара Бернера. Также долгое время здесь проживала (1902—1944) учительница Тони Салберг, вместе с пасторшей Лидией Райнио.

В старое время моста на восточный берег не было вовсе. С конца 1800 годов через пролив ходил паром. Мост построили только в 1909 году. Сразу за ним начиналась территория усадьбы Иваскан-хови. Слева от шоссе стояла главная постройка имения, двухэтажный деревянный дом, возведённый в 1922 году на месте сгоревшего. Это был третий по счёту, усадебный комплекс в Иваска. Сад разрастался по склону холма. В 1921 году община Ряйсяля купила часть земель и построек имения. Позднее некоторое их количество вернулось обратно. Последними хозяевами здесь были, как выше упоминалось, Салли Стренг и её дочь Мери. Рядом с главным зданием находилось ещё четыре жилых дома, принадлежавшие работникам усадьбы. Это место, как и имение, называлось Исо-Иваска. Немного далее по дороге начинались наделы и комплекс домов Пикку-Иваска. Справа от дороги, сразу за мостом, стояла первая построенная в волости маслобойня (1880). Здесь начинали работу с первыми круглыми финскими сырами приглашенные на службу швейцарские сыровары Кристиан Оеш (Oesch), и затем старик Стауффер с сыном Фритцем. В позднейшие годы масло-

бойню-сыроварню переделали под многоквартирное жильё. Несколько далее, у дороги, стояла лекарская изба и дом волостного врача. В тех же краях работала и лесопильня Иваскан-хови. Слева от дороги в местечке Ивасканмяки стоял детский дом.

За ним виднелся, построенный в 1932 году дом престарелых. Вокруг, там и сям, вдоль просёлочных дорог располагались частные дома деревни. Всё поля вокруг когда-то принадлежали усадьбе. На территории деревни Иваска, к 1939 году было, в общей сложности, около 80 домов. Сельское хозяйство, лесозаготовки, животноводство и рыболовство были основными промыслами жителей Иваска. Самыми крупными работодателями в волостном центре были община Ряйсяля и Иваскан-хови. В зимнее время занимались также извозом на лошадях. Был здесь и свой каменщик, сапожник, плотник, и кузнец. Жили вместе дружно, и дворяне не отгораживались от деревни заборами, вместе с крестьянами выполняли многие необходимые для села работы.

Представители ещё одного семейства, фон Ассендельф, ведут родословную из Голландии. При Петре I один из предков поселяется в России, а в середине XVIII века в Ряйсяля в усадьбе Суткела. Вторая усадьба Путорила принадлежала с 1770 годов надворному советнику фон Блида. В начале следующего века семья Ассендельф приобретает её и переезжает в Путорию. Спустя сто лет, потомок по имени Бруно фон Ассендельф, будучи хозяином наследственного имения, продаёт его в 1898 году хозяину Ряйсялян-хови, Николаю Сиверсу. Герб рода фон Ассендельф был представлен в виде белой кобылицы на красном щите, знака очень примечательного для Ряйсяля, где разводили лошадей.

Проходит некоторое время, и торговый советник Лаллукка, как было уже сказано выше, покупает усадьбу Ряйсяля на паях с компаньоном. В конце XIX века многие просвещённые люди в Кексгольме стали задумываться о создании народного училища, где выпускники народных школ смогли бы продолжить обучение и получить сельскохозяйственную профессию. Торговый советник Лаллукка для нужд этого заведения пере-

*Ивасканмяки — большой крестьянский надел площадью 239 га. Первый хозяин с 1724 года Юхо Мартинпойка Марила.*

даёт недавно доставшееся при покупке усадьбы Ряйсяля, маленькое имение Путуриа. Здесь сохранилось старое деревянное, классического стиля, главное здание, очень напоминавшее усадебный дом Ряйсяля-хиви. Теперь его перестроили для нужд училища, достали учебную мебель и принадлежности, наняли учителей и оплатили все расходы вперёд, сроком на пять лет. Всё это смогли сделать быстро, естественно, за личный счёт Лаллукка, Выборгского торгового советника, уроженца Ряйсяля. Училище начало свою деятельность 9 ноября 1908 года. Тогда приступило к занятиям 50 учащихся. В 1913 году Юхо Лаллукка передаёт попечение фонду поддержки. В тот же год торгового советника не стало. Когда впоследствии Мария Лаллукка, вдова покойного, оставила свою долю усадебных земель общине Ряйсяля, в соглашении были учтены интересы училища. В его пользование постоянно передавались пахотные земли 9 га, 26 га лесных угодий для обучения и участок под само училище, равный 2 га. Гражданская война и годы депрессии прервала на время работу учебного заведения, но с 1926 года оно снова оказалось востребованным. Количество студентов выросло, и на территории училища появились новые постройки.

Перед зимней Финской войной, ещё во время внеочередных сборов армии, территорию училища занял штаб Второго армейского корпуса, где простоял всю войну. Во временной эвакуации училище продолжило работу один год, и затем студенты вернулись на пепелище. Во время боёв 1941 года почти всё сгорело. Однако, в течение двух последних лет войны, здесь снова читались лекции под шум канонады близкого фронта. Окончательно сельскохозяйственное училище переехало во время второй эвакуации в Западную Финляндию, где в местечке Пейпохъя продолжает свою деятельность и по сей день. Советские переселенцы 1945 года также, на базе училища, продолжили образовательный процесс. Справочник «Карельский перешеек» Б. Иппо за 1962 год повествует нам о том, что: *«Мельниково крупный центр подготовки совхозных кадров. Ежегодно местное училище механизации № 9 и сельскохозяйственная школа выпускают сотни специалистов различных профилей»*<sup>\*</sup>. Теперь здесь располагается ПТУ.

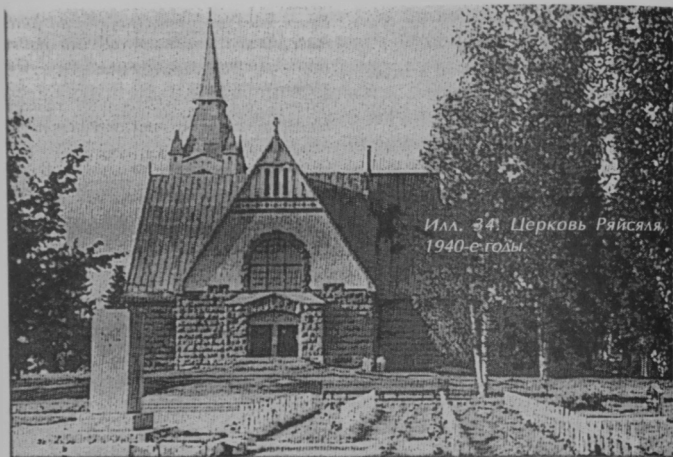
---

*Хотя всё, что связано в этом справочнике с историей посёлка Ряйсяля, по мнению автора не соответствует действительности.*

Но вернёмся к нашей деревне. В самой северной её части, справа за мостом через протоку, в трёхстах метрах от шоссе в сторону Каукола [ныне Севастьяново] располагалось имение настоятеля церкви, Исо-Паппила. В прежней Старой Финляндии усадьбы священников появлялись на бывших государственных землях в виде оплаты за службу. Участки, принадлежащие к усадьбе священника в Ряйсяля, относились к одним из самых старых обрабатываемых земель в округе. Бывший новгородский наволок (мыс) стал поповской усадьбой. В метриках Неовиуса за 1889 год дана такая оценка имения: В Исо-Паппила территория занимает 1,33 мантала. Из них полей — 30 га, лугов 49,3 га, лесов 888,5 га, арендуемых участков торпарей 14, арендаторов с домами 3. Дата основания имения точно неизвестна, но в 1751 году, когда сгорел церковный архив, главное здание уже стояло. В середине следующего века дом находился в очень ветхом состоянии и был заменён в 1855 году новым зданием, а заодно, и всеми надворными постройками. Подрядчиком стал Иван Канин. Все расходы составили 5 800 тогдашних рублей. К лету 1858 года работы были закончены и новосёлы переехали в новую усадьбу. В последующее время она расширялась и перестраивалась не единожды, но чудом сохранилась до наших дней.

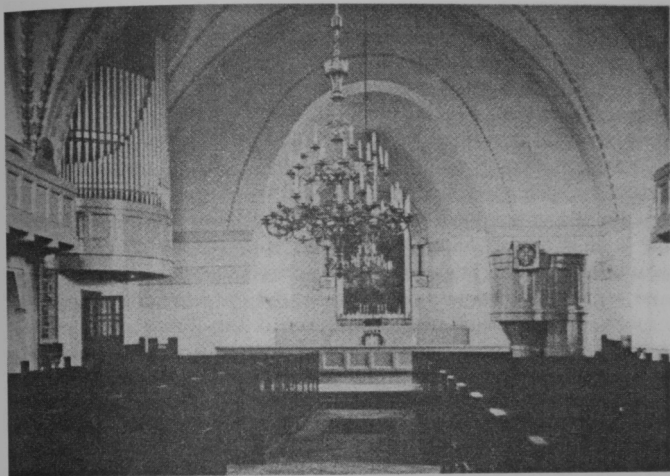
Малая усадьба пробста, или Пикку-Паппила находилась неподалёку, в полукилометре вдоль по дороге, отходящей от шоссе слева. Тяхтиенлинна (Звёздная крепость), как её называли, составляла 0,66 мантала. Поля — 25,6 га, луга — 80,9 га, леса — 369,2 га, арендуемых участков — 5, домов арендаторов — 2. Новая постройка также возникла в 1858 году. После 1872 года она обшивается доской и красится. Однако, во времена хозяйствования пастора Реландера, усадьба отстраивается почти заново.

Из воспоминаний Элсы Матикка — «Кирха была той доминантой, отправной точкой, вокруг которой развивалась вся жизнь церковной деревни. Здесь находились магазины, банки, аптека, ресторан, кафе, пекарня, волостное правление. Ещё в 1934–1935 годах в усадьбе Исо-Паппила проживал старый пробст Олссон к которому мы, маленькие девочки, ходили петь. Он расплачивался с нами чем-нибудь вкусным, и приговаривал, угощая: — «бери хотя бы три штучки!». Он был забавный ста-



рик. В Пикку-Паппила жила семья Райнио. Молодые священники приезжали к пробсту как помощники. Йорма Леласвуо обладал хорошим голосом и отзывчивым характером. Замечательно было слушать его голос в церковном хоре, ни кто не мог с ним сравниться. Кантором служил Армас Лейнонен, очень разносторонний человек. В училище у мальчиков он преподавал труд и был заслуженным руководителем хора. Возможности получения образования для многих в 1920 годах сводились лишь к окончанию народной школы. Повысить своё образование можно было только на различных курсах для взрослых. Потом к нам домой провели телефон. Дети, конечно, были в восторге и стали отвечать за него в семье. С этого увлечения началась моя судьба телефонистки, когда я стала служить лоттой».

Когда Финляндия отделилась, встал вопрос о строительстве приличествующего здания правления общиной. В 1919 году возведение нового дома поручили, от фундамента до конька крыши, профессиональным мастерам Туомасу Ракколайне-ну и Антти Таммисто. Проект включал в себя модную в то время «ломаную» крышу, что позволило увеличить внутреннюю площадь, добавив целый третий этаж. Заливку свода



Ил. 35. Внутреннее убранство храма.



Ил. 36. Усадьба священника Исо-Паппила. 1992 г.

погребя осуществили специальным цементом, привезённым из далёкой Эстонии. Здание правления стоит до сих пор, уже в перестроенном виде.

Народную школу основали, как было сказано выше, в 1872 году. Первые 12 лет она существовала в арендованных для этого помещениях старой усадьбы Тойвола. Современное школьное здание смогли построить неподалёку от старой кирхи, напротив, через дорогу и чуть дальше по склону. Спланирована она была для жизни и работы двух учителей и 60—70 учащихся. К 1920 годам залов и учителей стало не хватать. Тогда община арендовала ещё помещения под классы и наняла учителей в двух других частях деревни. В 1939 году планировалось строительство новой кирпичной школы для Ряйсяля, но переговоры со строителями зашли в тупик, а дальше началась война. В период с 1942 по 1944 годы школа в Раухала продолжила работу.

В волостном центре проводилась и большая общественная деятельность. С 1935 года выпускалась даже местная газета «Ряйсялян саномайн» («Вести Ряйсяля»). В то время у людей в домах не было ни телевизоров, ни, тем более, персональных компьютеров. Тогда даже электричества не было. Книг, и тех было мало. Вот люди и собирались вместе чем-либо заняться. Молодёжное общество просуществовало с 1895 года до 1980 годов, продолжив свою деятельность в эвакуации. Ставили спектакли, проводили культурные вечера и танцы. Самой старой общественной организацией можно считать в Ряйсяля Дамское объединение, работавшее в 1860—70 годах. В него входили, по всей вероятности, дамы усадеб волости. Они занимались шитьём и продавали свои изделия. Полученные деньги шли на благотворительность. В 1873 году объединение подарило церкви алтарную доску «Иисус благословляет детей», стоимостью 1200 марок, которая после пожара была помещена в новый храм.

Песенная традиция в этих местах жила раньше, чем стали записывать исторические события на бумагу. Когда, в конце XIX века стали появляться школы, то первые учителя становились и первыми руководителями хоров. Постепенно хоровые коллективы появились во всех деревнях Ряйсяля. В одной только церковной деревне было несколько смешанных хоров, в том числе хор Ряйсяля, хор церковной деревни, школы, училища.

Выступали в церкви, на праздниках и народных гуляниях, на хоровых фестивалях и в столице. На острове Хуссаари в 1901 и 1912 году устраивались песенные фестивали. В начале века, из лучших хористов разных деревень Ряйсяля был образован хор в Хельсинки под руководством Й. Вайнио. Ряйсяльским объединенным хором руководил кантор А. Лейнонен. В 1931 и 1935 годах коллектив удостоивался премий на ежегодных фестивалях, проводившихся тогда в гг. Сортавала и Миккели. В 1939 году хор пригласили для участия в таллиннском фестивале, который, к сожалению, не состоялся.

Рабочий союз существовал с начала XX века. Во время гражданской войны он выступил на стороне красных, и его деятельность свернулась. Но после 1920 года вновь стал набирать силу. В Ряйсяля на площади стоял дом рабочего союза. Активисты устраивали спектакли и вечера с танцами.

В конце XIX века среди молодёжи появляется интерес к спорту. Вскоре различные клубы и организации охватывают половину населения волости. В Ряйсяля пользовались особым успехом лыжные гонки. Начало следующего века дало новый толчок развитию спорта и гимнастики. Так был основан спортивный и гимнастический союз «Ряйсяля Памаус» («Удар Ряйсяля»). Первые соревнования на уровне мастеров спорта организовали в 1908 году на Ламмассаари. В 1911 году лыжные соревнования Выборгского округа выиграла Анна Паавилайнен из Ряйсяля. Устраивали соревнования гимнастов, конькобежцев, велосипедистов. В 1920—1930 годах руководство спортивным союзом переходит к военизированной организации шюцкор (охранные отряды в переводе со шведского). Как отмечалось в общей главе, шюцкоровская организация появилась в Ряйсяля, как по всей стране в 1917 году. Но заново отряды получили официальную организацию после гражданской войны, в 1919 году. У каждого члена военизированной организации дома хранилась форма и оружие. Раз в месяц он обязан был проходить занятия по стрельбе, строевой подготовке, топографии и т.д. Собственное здание в деревне под названием «Вартиосуоя» поставили помочью в 1933 году. В Ряйсяля шюцкор был пехотным подразделением; немногочисленное кавалерийское соединение упразднили в 1936. К осени 1939 года от-



ряд шюцкора насчитывал 450 добровольцев. Волость делилась на 10 округов по деревням: Ряйсяля, Маккола, Сиирлахти, Уннункоски, Кивипелто, Сяркисало, Мюл्लюпелто, Тиури, Хумалайнен и Алхотоя. В женской организации Лотта Свард, состояло 300 членов в 9 округах. Женщины не брали в руки оружия, а занимались приготовлением пищи, обслуживанием, обеспечением связи и медицинской службой, оказывая помощь раненым.

Библиотека появилась в 1861 году. Так как собственного здания у неё не было, то она занимала помещения в школе и волостном правлении. Читателей было мало, но постепенно она расширилась до 11 деревенских отделений. Интересно отметить, что в начале XX века для нужд библиотеки община выделяла деньги из винного налога.

Женщин с 1914 года объединял союз «Марта». В деятельность этого крупного союза входило домашнее рукоделие, садоводство, пение и домоводство. По всем выше перечисленным дисциплинам также читались лекции и устраивались курсы. Отдельно хочется отметить отделение «Союза Маннергейма» открытое в Ряйсяля в 1925 году. В задачи союза входило, в первую очередь, уход за детьми и попечительство малоимущих многодетных семей.

К 1939 году в деревне Ряйсяля насчитывалось 256 жилых домов.

Затем начался советский период освоения «новых территорий». 24 февраля 1948 года по решению исполкома Ряйсяльского сельсовета деревне Ряйсяля было выбрано наименование «Отрадное». Под влиянием идеологических мотивов чиновники комиссии по переименованию придумали новое название «Мельниково», обосновав решение типичным образом: *«в память героически погибшего война Мельникова С.А.»*. Переименование закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 1 октября 1948 года. В ходе укрупнения, к деревне также присоединили отдельные населённые пункты Иваска, Тимоскала, Ламмасмяки. Правда, первое время Иваска называлась «деревня Школьная».

В 1960 годы пытались выращивать кукурузу. В наши дни Мельниково является крупнейшим сельскохозяйственным предприятием Приозерского района.

## Няпинлахти (Näpinlahti), Каркола (Karkola). Луотсанлахти (Luotsanlahti) – Мельниково

Эти деревни, прежде входившие в школьный округ Маккола, выделялись своим расположением. Почти все дома находились за протокой озера Тизтавяярви [ныне оз. Синее]. На современной карте место значится как «развалины».

В писцовой книге 1568 года находим упоминание о деревне Кургала и Гаврала Кургала на реке на Ряжеле — предположительно, финская Каркола. В то время в Кургале проживали землевладельцы: *«Якуш да Иванко Олисовы. Пашни пол-обжи, земля середняя»*. В Гаврала Кургала крестьяне-арендаторы: *«Русанко Васильев да Данилко Малентьев. Пашни четверть обжи, земля середняя»*. Последняя была записана *«За Богданом за Фоминым сыном Рокульского да за Иваном за Нечаевым»*. Это были крупные землевладельцы. Рокульские — известный древний карельский род.

Прошло несколько веков. В 1939 году дома деревень располагались следующим образом: ближе всех к церковной деревне, на дороге находилось 7 хозяйств ЛУОТСАНЛАХТИ. На самой северной оконечности озера [между нынешними озерами Синим и Рудаковским] располагалось 9 дворов КАРКОЛА, вдоль северного берега протоки и вдоль дороги на Сийранлахти [ныне Заветное] стояли 28 домов НЯПИНЛАХТИ, а также мельница и лесопилка на пороге Киллатсункоски.

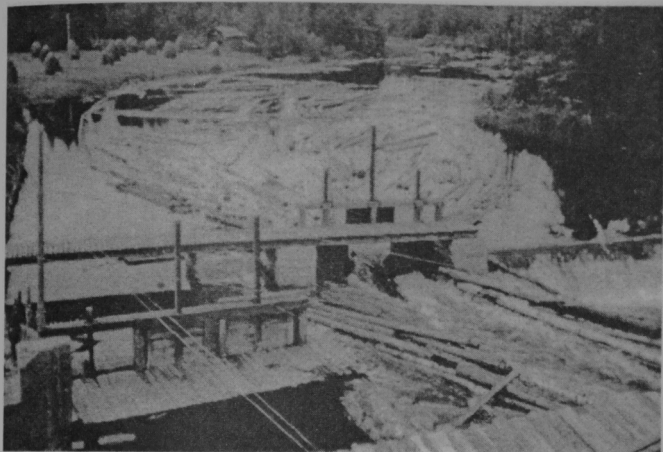
Все хозяйства трёх деревень слились постепенно в один большой жилой массив и не разделялись видимыми границами. Почти все земли этой местности с XVII века принадлежали двум усадьбам местных священников: Суур-Папила (Большой двор) настоятеля церкви, владевшего 1300 га земли в Няпинлахти, и Пиени-Папила (Малый двор) капеллана, за которым числилось 550 га. Размер возделываемых полей оценивался в 300 и 150 га соответственно. Для обработки такого количества земли требовалось много крестьян-арендаторов, или (торпай по-фински). Тогда земля делилась на арендные участки, где крестьянин строил свой дом-торппу, обрабатывал землю и платил арендную плату землевладельцу, в данном случае, пас-



Илл. 37. Рыбные ловли на пороге. Старинная гравюра.

тору. Община, впоследствии, выкупила львиную долю земель в Няпинлахти. На 755 га пашни уместилось 28 участков. В среднем, на одно новое хозяйство, приходилось 27 га, однако они не были ровными, а составляли на практике кусочки от 40 до 0,5 га поля. Работы землемеров на этом сложном участке закончились только в 1930 годах. В собственности крестьян всегда оставались только маленькие деревни Луотсанлахти и Каркола. Если эти земли не достались в своё время лютеранским священникам, это означало, что они были заселены ещё раньше. Каркола, как было отмечено выше, встречается в писцовой книге Водской пятины.

Дорога, вдоль которой стояла большая часть дворов деревни, связывала центр прихода с волостью Кирву и Выборгом. Её называли «дорогой на Сиирлахти». В свое время она была единственной связующей нитью Ряйсяльского киркшпиля с городами. Во время Северной войны её расчистили и расширили для удобства передвижения войск. В деревне Сиيرانлахти [ныне Заветное] она соединялась со старейшим в этих местах трактом Выборг — Кексгольм — Сортавала, который ещё строили войска Понтуса Делагарди во время войны с Россией в 1580 г. Дорога на



Илл. 38. Плотина на пороге Киллатсункоски. 1930-е годы.

Сиирлахти утратила своё значение после того, как прорубили в 1898 году прямую новую дорогу на ст. Сайрала. В 1930-х гг. путь на Сиирлахти оставался ухабистым и холмистым, хотя дорогу время от времени выравнивали, подсыпая песок в ямы.

Самая старая часть деревни возникла у порога Киллатсункоски, что на реке Киллатсунвирта у оз. Тиэтявяярви [ныне оз Синее]. Вообще там был не один, а целая серия порогов, и у каждого своё название. Но об этом позже. Место «рыбных ловль» обычно в древности принадлежало монастырю. Теперь уже не удаётся установить, к какому из многих Корельских монастырей относилось рыбное место и деревня, однако до 1930 годов, местными жителями сохранялось название одного топонима (Луостаринпеллот — Монастырские поля), хотя тогда никто не мог уже сказать, откуда взялось это название. Примечательно и то, что во время расчистки порога, был найден сланцевый топор: как привет из каменного века.

Третий по счёту верхний порог назывался Ванха Мюллюкоски (Старый Мельничный порог). В его русле находился каменистый островок, деливший протоку надвое. До спуска вод



Илл. 39. Дом мельника на плотине.

в системе Вуоксы в 1857 г. его течение было намного мощнее. Воды в русле хватало на то, чтобы вращать мельничное колесо, но и для прохода лосося оставалось ещё много места. На противоположной от мельницы стороне порога была запруда для ловли сёмги, которая приносила хороший улов. После обмеления русла деревенскую мельницу перенесли на порог Киллатсункоски. Старый Мельничный порог утратил своё значение и был расчищен от камней и старых конструкций. Расчисткой занимались для того, чтобы избавиться от весенних паводков, которые нередко досаждали, затапливая ближний лес, увеличить силу потока на нижнем пороге, но главное, для облегчения молевого сплава брёвен. Работы охватили тогда весь бассейн озера Хелисевя.

Тропинка, ведущая к Мельничному порогу, постепенно заросла лесом, а на берегу реки остался лежать только старый мельничный камень. Расчисткой русла от камней занимались в 1937 — 1938 годах. Для осуществления этого проекта привлекали тогда рабочих со всей округи. Государство оплачивало большую часть расходов. В некоторых местах пришлось взрывать скалы. Перед расчисткой каждого нового участка запру-

живали реку. Ночью воду снова пускали, чтобы мельница, находившаяся ниже по течению, не прекращала работу. Новая мельница на нижнем пороге Киллатсункоски появилась между 1885 и 1895 годами. Принадлежала она на паях группе крестьянских хозяйств деревни Маккола. Владельцы мельницы мололи своё зерно, а также предоставляли за возмещение деньгами или натурой в пользование всем остальным жителям деревни. На мельнице жил мельник, который сам был пайщиком своего предприятия, и выплачивал деньги, в свою очередь, хозяину участка Юлятало, которому принадлежал берег у порога. Долгое время мельником работал Ээту Вазтёя. Он женился на дочери хозяина Юлятало и постепенно стал хозяином. Он сам, а позднее, его сын, начали модернизировать мельницу. Рядом появилась лесопильня и строгальная. Постепенно производство росло и лесопильня стала работать на экспорт. Однако мельница осталась основным движущим механизмом, центром, вокруг которого вырастали новые помещения. Сын Вьяйнё сумел расширить производство на старом пороге. В 1930 годы перегородили целиком русло реки плотиной. Лесопильня работала исправно и стала самым крупным работодателем в округе. На внутреннем дворе были проложены рельсы для специальных вагонов. Пило-вочник переправляли на станцию Сайрала и далее железной дорогой в порт Уурас [ныне Высоцк]. Оттуда открывались ворота в «большой мир». Строгальная мастерская изготавливала рамы и двери. После эвакуации Вьяйнё приобрёл мастерскую в другом месте Финляндии. На северном берегу порога находилась также мельница относившаяся к усадьбе священника.

До наших дней здесь сохранились лишь остатки плотины и фундаменты. Похоже, что советским людям не нужно было строгать доски, строить дома, и вообще хорошо жить...

В деревне Каркола, у дороги стоял некогда дом с названием Ханскиньяки. Возникло хозяйство в 1841 году, во время межевания земель. После 1853 года его разделили на два участка. Так возникли крестьянские хозяйства Ханскиньяки (37,5 га) и Кивимьяки (25,4 га). На них крестьянствовали два брата, Хейкки и Юрьё Вякипарта. Поскольку семьи росли, то общий жилой дом выстроили большой (12 x 14 м), . Хейкки был очень активным хозяином. Кроме земледелия он занимался раз-



Илл. 40. Хутор в Няпинлахти. Рисунок.

ными работами по дереву. Строил лодки, мастерил лыжи, сани, а также мог выполнять кузнечные и сапожные работы. Он состоял в правлении Кооперативной кассы Ряйсяля и руководстве школьного округа. В хорошие руки попало и домоводство. Хозяйка Катри сама шила одежду для большого семейства. Она также работала много лет учителем в воскресной школе. Собственное производство было самодостаточным, как и на других фермах такого размера. Здесь держали 6 коров, овец, свиней и кур, две лошади и несколько жеребят на вырост.

По земельному регистру в деревне Каркола перед войной было 20 земельных участков. В среднем каждый по 24 га. Ханскиньяки занимал по площади пятое место в деревне.

Один из хуторов Няпинлахти назывался Пеккала. Вся деревня раньше состояла из торп крестьян арендаторов, вплоть до их упразднения. Официально, первые из них стали свободными хозяйствами только с 1928 года. Всего пять участков: Ниemiля, Хиетакангас, Пеккала, Ляхеринта и Анттила. Пеккала был из них самый крупный, 40 га, но по количеству полей, только второй. За наделом оставались также права на часть

водной акватории порога. Кроме того, ему принадлежал кусок торфяного болота и гравийного карьера.

Все перечисленные права использовали с выгодой. Многие из этих торп находились во владении одного семейства десятилетиями. От отцов постройки с участком переходили к сыновьям. Дом получил своё имя от первого владельца, которого звали Пекка Сеппя. Он поселился здесь в 1875 году, однако, только внук стал свободным хлеборобом. Юухо Юухонпойка Сеппя (тогда их называли ещё по отчеству), и хозяйка Ханна — Татьяна проживали в Пеккала перед войной. В семье родилось шестеро детей. В 1930 году Юухо построил новый дом, и стал жить отдельно от родителей. Годом ранее он поставили новый большой коровник, рассчитанный на 12 голов. В хозяйстве имелась также отдельная большая конюшня, так как занимались разведением лошадей. Собственная механическая молотилка очень помогала в работе. Хотя детей было много, а рабочих рук мало, всё же справлялись с делами без наемных работников. В эвакуации семья переехала в Сатакунта.

Осенью 1939 года финские сапёры соединили две дороги вместе, построив через протоку мост. Из Няпинлахти теперь можно было проехать в Маккола и далее, с выездом на шоссе.

Как вспоминает Свинарёв, на этих землях 20 сентября 1945 года советскими переселенцами был образован колхоз «им. Калинина», который просуществовал всего несколько лет. Председателем был Гусаров И.П. Сюда переехали, в том числе семьи Бабина, Борисова, Ветёлкина, Волкова, Демидова, Забавина и других. Всего 62 человека. В 1947 году со следующей волной поселенцев, в колхозе значилось уже 124 человека. По численности это был один из крупнейших колхозов, исчезнувших без следа. Память о нем сохранилась лишь в форме топонима «Калининские выпаса» и в местном названии Рудаковского озера — «Калининское». Колхоз «им. Калинина» сразу начал затухать и к концу 1949 года в нём осталось 16 колхозных дворов, в которых обитало 73 человека, из них 37 трудоспособных. Под зерновые культуры использовалось в общей сложности 57 га и 10 га под картофель. Также плохо обстояли

---

<sup>\*</sup> Вот таких «бедных» крестьян отправилась освобождать в 1939 году Красная Армия. Прим автора.



дела с овощными культурами. Земли отошли колхозу «им. Кирова». На месте, где когда-то стояла деревня, сейчас уже с трудом угадываются фундаменты, где находились дома и скотные дворы трудолюбивых финских крестьян. Послевоенный колхоз просуществовал всего несколько лет. Бывшая пашня, ставшая не нужной, постепенно возвращается к своему первоначальному виду — зарастает кустарником и дикой травой, выше человеческого роста.

**Маккола (Makkola) – Студёное,  
Ламмасмяки (Lammasmäki),  
Кёккёля (Kökkölä) – Снегирёво**

Название деревни происходит, скорее всего, от личного имени, которое позднее трансформировалось в фамилию Макконен. Другими словами, деревня, где первым жителем был некто Макко.

Дома деревни Маккола располагались на перешейке между двух русел озера Хелисевянъярви [ныне Любимовского, заливом Студёный и оз. Синее]. Когда самая молодая в волости дорога связала церковную деревню Ряйсяля со станцией Сайрала [ныне Бородинское], в 1890, то она прошла через центр деревни Маккола, разделив её как бы на две части: одна ближе к нижнему, а другая ближе к верхнему озеру. От Маккола в сторону церкви, на берег Хелисевянъярви выходили дома деревни ЛАММАСМЯКИ [ныне по карте урочище Студеное], занимая восточную часть залива Куоккасенлахти [ныне зал. Студёный]. Далее, вдоль дороги, к церкви была деревня КЁК-КЕЛЯ [ныне Снегирёво]. Деревни, как бы сливались вместе, и только по земельным книгам можно было разобраться в хитросплетениях землепользования. В старые времена, когда наделы были крупные, но редкие, деление между родственниками приводило к раздроблению на много мелких хозяйств и в результате к возникновению новых деревень с ужасно запутанными границами. На протяжении нескольких километров в западном направлении вдоль дороги и вдоль берегов озера встречались дома, принадлежавшие Маккола.



Илл. 41. План деревни Маккола из книги *Makkolan kunnailta*.

Первые сведения о деревне с названием Маккола относятся к писцовым книгам Водской пятины. В летописях 1500 и 1568 годов указывается поселения Мервагала и Мервагала Жаброво над Ряжелою. Также к этому пункту можно отнести и две деревни Мерговала над Ряжелою. Однако, в таком случае, нужно согласится, что озеро Хелисевянъярви также в древности называли Ряжелою, как и Вуоксу (*Raisalan historia*, s. 21). Либуева Лахта (у братьев Ивановых), Лубуево в Копсоле — это Леппялахти (на нынешнем оз. Любимовском). Через это озеро в древности пролегал один из водных, пушных торговых путей на север, так называемый «Маршрут озера Хелисевя». Лодки поднимались вверх по системе речек и малых озёр: р. Кухайоки, Юоксемаярви, Кирву, Хелисевянтьйоки, Раутъярви, оз. Саймаа и далее. Другой путь проходил вдоль первого: Куунъярви, Куунъйоки, Раутъярви, Саймаа.

Церковные книги сохранились в Ряйсяля с очень позднего времени, начиная с 1751 года. Тогда в Маккола проживали семьи Инкинен, Хямяляйнен, Ваэтоя. Со старого шведского времени королевские крестьяне владели здесь большими наделами земли и леса. Самые крупные участки держали семьи Хямяляйнен, где было 380 га, из которых пашня занимала 60 га, Хуттумяки имели 200 га, и из них пашни 42 га, у Инкиненов 200 и 30 га соответственно. Остальные наделы были значительно меньше. Карельская традиция делить участок земли пополам, при разделе имущества, привела к уменьшению размеров наделов до опасных величин, когда их уже не стало хватать для прокормления семьи. С этой целью в XIX веке установили размеры минимальных полей в 10 га. В 1916 г. эти правила забылись, и с того времени опять было совершено много мелких дроблений участков, что приводило семьи порой к голоду или уходу мужчин на отхожие промыслы.

До спуска Вуоксы крестьяне интенсивно занимались рыболовством. Бабушки рассказывали, что особенно много вылавливали налима, которого зимой в бочках везли на рынки Петербурга. Налим живуч, и при смене воды в бочке, в свежем виде попадал на стол петербуржцев. Также туда везли на продажу много берёзовых дров, т.к. леса возле деревни росли преимущественно лиственные. Когда вода ушла из Вуоксы,

озеро Хелисевянъярви также обмелело, и стало на 3 километра короче. Появились новые поля, и сельское хозяйство заняло первоочередное место у жителей деревни.

Самыми старыми, кондовыми наделами в деревне Кёккёля были: Сепянниеми, Суиниеми, Пуса. В Маккола: Роухиайнен, Сеппя, Пуса. В Ламмасмяки: Юлёнмаа, Пусала. Хозяйство Роухиайнен образовалось в 1839 году в ходе Большого межевания. В том же году его поделили на семь частей. В 1939 получили уже 29 наделов. Имение Сеппя возникло в одно время с первым. После 1843 года стало уже 11 хозяйств, а в 1943 году 64 участка.

Одним из старых, кондовых хозяйств в Ламмасмяки считалось имение Юлёнмаа (546,7 га). После Большого земельного передела, проходившего в Ряйсяля в 1840-х годах, в 1852 году соответственно, образовались крестьянские участки Юлёнмаа (138,3 га), Мюккяля (216 га), Хиеккавяри (181,5 га). В 1856 году Хиеккавяри разделили на две части. Матти Юрьёнопойка Паавилайнен получил 97 га, и 78 отошли к Марии Хенттинен. Позднее первый участок немного подрос, и когда в него добавился после 1916 года, 3,5 га Расинкорвунийттю, то общая площадь составила уже 107 га. В начале 1930 годов участок разделили между братьями на две части. Так родился Хиеккавяри (55,8 га), где хозяином стал Туомас Паавилайнен и Хейккяля (55,5 га), оставшийся со старым владельцем Хейкки Паавилайненом, и после его смерти, за сыном. Однако осталось ещё два брата, Пекка и Матти. Отец, понимая, что дробить участок на четверых не умно, отправил младших учиться в город. Так род пополнился двумя торговцами из Хельсинки. Братья Хейкки и Туомас остались в Ламмасмяки и занимались сельским хозяйством. У обоих братьев были и собственные семьи, и у каждого по 5 детей. Туомас стал управлять самостоятельно частью хозяйства в начале 1930-х годов. Построил отдельный дом для семьи (10 x 11 м). Его 11 га пашни всегда были хорошо обработаны и ухожены. К участку он смог присовокупить ещё один расчищенный от леса надел, и стал одним из последних в волости целинников. Собственных посевных, однако, хватало лишь для прокорма семьи, но основные заработки приходилось искать на стороне. Зимой была хорошая работа по вывозу берё-



Илл. 42. Школа Маккола 1930-е годы.

зовых брёвен до станции Сайрала. Что-то брали из своего леса, а большей частью подряжались на извоз. В то время люди многие вещи старались делать сами. Сани Туомас мастерил своими руками. Рыбалка также являлась хорошим подспорьем для домашнего стола. По весне ходил за щукой и лещом. На Иванов день ставил в Хелисевянъярви перемёт на судака. Разносторонне одарённый человек, Туомасон стал членом Сельскохозяйственного союза. После войны, на новом месте Туомас возделывал вместе с сыном 61 га полей в Харьявалта.

Другой брат Хейкки успел послужить в драгунах, и затем обзавестись своей семьёй. Он также много мастерил своими руками. Преподавал в воскресной школе. Рыбачил и собирал в лесу ягоду. Умер он рано, в 1933 году. Осталось 4 сына. Они продолжили работу на ферме. К своим 11 га пашни они также прибавили ещё кусок леса. Жилой дом остался им по наследству, постройки 1924 года. Остальные приусадебные постройки были построены ещё в прошлом веке. В семье Хейкки держали 6—7 коров, телят, овец и свиней для собственных потребностей, 1—2 лошади, по потребности. Наследники Хейкки

в 1934 году возвели каменный коровник. После войны семья также получила новый надел и продолжила работать в сельском хозяйстве.

Народную школу в Маккола основали в 1913 году, и она работала в арендованном крестьянском доме. Местные строители под руководством Юрьё Нянеммайнена возвели школьное здание в 1918 году. По обычаю того времени сложена она была из тесаных брёвен. В здании имелось два помещения для класса и квартира учителя. Школа стояла в красивейшем месте на холме Пихлаямяки, недалеко от озера Тьетявяярви [ныне оз. Синее]. Школьный округ деревни Маккола охватывал все соседние селения: Ламмасмяки, Кёккёля, Няпинлахти, Луотсанлахти и Каркола. Когда в 1938 году открыли школу Хелисевянькоулу, округ поделили на две части. Первый учитель, Юлиус Путус, разводил сад и пчёл, и делился материалом со всеми желающими. По всей деревне зацвели его саженцы. В приходе он проводил очень активную деятельность как правозащитник и мировой судья. Количество учеников в школе всё время росло, и в 1922 году понадобился уже второй учитель. Школа давала в то время образование 6 классов. Во время войны она продолжила свою работу. На 1944 год здесь было более 50 учащихся.

Ещё раньше, чем появилась школа, возникло в деревне молодёжное общество «Пюринтё» («Стремление»). Деятельность ребят началась очень активно в 1911 году и продолжалась до эвакуации. Молодёжь устраивала праздники на Рождество или День матери, в которых участвовала вся деревня. Им помогал свой струнный оркестр, также возникший в эти годы.

Отделение Сельскохозяйственного союза открылось в Маккола в 1914 году. Сюда вошли почти все землевладельцы округа. На участке земли, подаренным Хейкки Весалайненом, которого в деревне прозвали «губернатором Маккола», крестьяне поставили здание отделения. Каждый помогал, чем мог и тащил из своего леса остроганные брёвна для строительства. Так в 1921 году, на субботниках (помочью) и возник современный общественный дом, где нашли приют и Молодёжное общество и оркестр. Постепенно этот дом превратился в деревенский клуб, центр досуга. Рядом построили стадион. Чуть в стороне, между холмов, было стрельбище.

В деревне Кёккёля, в заливе Риталаhti рыйсяльский археолог Теодор Швиндт приобрёл участок земли. Это был небольшой кусок хорошего поля, размером 3500 м<sup>2</sup>, расположенный на красивом мысу Тююнелянниemi. Вся собственность заняла около 3 га. Там он построил себе дом. В те годы, когда приходилось чаще жить и работать в столице, в национальном музее, Швиндт или, как прозвали местные «Винтти», приезжал сюда на отдых как на дачу. Его потомки проживали в этом месте постоянно, вплоть до эвакуации. В предвоенные годы здесь жили его сын Пааво Швиндт с женой Аино и детьми. Ребят звали Кертту, Вейкко и Онни.

Кооперативный магазин Рыйсяля открыл в деревне Маккола свой филиал в 1931 году. Здесь продавались различные товары: подковы, керосин, сахар, спички, сухофрукты.

В деревне Ламмасяки, в доме Рантала, находилось две «будки», камеры для временного заключения, где полицейские временно содержали преступников или арестованных.

На период 1939 года в трёх деревнях существовало 96 хозяйств, из которых в Ламмасяки — 17, Маккола — 64, Кёккёля — 15 дворов соответственно. Вместе, с соседней группой деревень Няпинлахти, общее количество жителей составляло 750 человек (Makkolan kunnailta).

Из воспоминаний Мартты Инкинен: «Дом моего детства находился в Койвиккола\*. Это красивое место на берегу Хелисевяньярви. Из окна избы открывался превосходный вид на озеро. Отсюда было здорово любоваться пейзажем и заодно изучать погоду на улице. Прямо со двора начиналась тропинка до берега озера, где дожидалась лодка. Обычно она не заставалась на берегу. Отец был заядлым рыбаком, и рыба никогда не переводилась в нашем доме. Хелисева давало рыбы столько, сколько можно было съесть. На перемёт ловили жирных налимов, летом шел лещ, судак, окунь и щука. Большой улов засаливали и вялили, поскольку морозильников тогда не было. В особенности солёный лещ был прекрасным завтраком в дорогу. А перекус требовалось брать часто, так как дальние наши поля находились от дома приличном на расстоянии. Отдельные лес-

---

*Так назывался хутор. В переводе Березняк. Прим автора.*

ные поляны с романтическими названиями: Салокорпи — (Лесная глушь), Катаякорпи — (Можжевельниковая глушь), Сомерус и другие находились далеко от дома. После уборки сена скотину выгоняли пастись на дальние поляны, и мои босые ноги помнят каменистые тропки, ведущие через лес. Ближние поля, те, что находились вокруг дома, я знала лучше, чем луга, где бабушка по брусниверам канав, собирала первые весенние строчки. Взрослые знали, что полей у нас было 28 га, хотя мне тогда это ни о чём не говорило. Но не было вкуснее лесной земляники, что росла по краю поля, и рот всегда был заполнен ей до отказа. Лес тоже давал свой урожай. Мы часто ходили за ягодой, а брусники собирали так много, что складывали потом в больших кадках в сарае. Земляной погреб использовали для хранения соков и варений. Места для хранения продуктов требовалось много, ведь и семья была большая, а зима глинная. И собирали и заготавливали всё сами, требовался лишь сахар, кофе и соль, что, разумеется, доставали в магазине. Засаливали также и грибы на зиму. Груздей была полна, по крайней мере, большая кадушка. Мужчины также охотой дополняли наш рацион. Во всяком случае, зайцев и птицу били. Бабушка Катри умела бесподобно готовить дикую птицу в домашней печи. У меня до сих пор, при воспоминании об этом, слюнки текут. Мой папа занимался также пчеловодством и держал ульи с пчёлами. Учитель народной школы Путус преподавал первые уроки по разведению и поделился пчёлами с нами. Так в доме появилось и сладкое. Он также делился своими знаниями по уходу за садом и вскоре у нас тоже появился свой собственный».

Но скоро мирная жизнь в деревне подошла к концу. Из воспоминаний мальчика Мартти Сеппя: «Мне той первой военной осенью исполнилось 9 лет. Стоял солнечный погожий день, когда из соседнего дома, что стоял на мысу, отправилась на военные сборы вся мужская половина хозяйства. Четыре человека, у каждого за плечом рюкзак. Они проходили молча через наш двор на большую дорогу. Что-то мрачное было в этой картине, не знакомое раньше чувство тревоги, заскребло на сердце. Движение по шоссе быстро оживлялось, всё новые и новые солдаты шли и ехали в сторону границы. Двигались машины с пушками, с закрытыми наглухо кузовами, о со-



держании которых можно было только догадываться, и снова пушки, запряжённые лошадьми. Проходили маршевые роты с винтовками за плечами. Мы на них смотрели со школьного двора, и как учителю было нас сдержать, когда все ребята толпились на переменах возле дороги, провожая взглядом поток людей и машин. Все они двигались тихими рядами, куда то туда, в сторону границы, в неизвестность. У многих наших парней отец или старший брат также ушли по этой дороге.

Настало уже 29 ноября. К нам во двор вошли двое военных с просьбой остановиться роте здесь, так как у них было предписание, выйдя со станции Сайрала, остановиться на ночлег, не доходя церковной деревни. Конечно, дело разрешилось, и солдаты остались у нас вместе с десятком лошадей. Рота комплектовалась на западе, в губернии Похьянмаа. В связи с этим возникли даже языковые проблемы, так как некоторые предметы у нас называются по-разному. На следующий день наступило 30 ноября, и началась война. С самого рассвета от границы доносилась приглушенная канонада. Вслушиваясь в эти звуки, притихли солдаты из Похьянмаа...

Вскоре наступил тот день, когда нужно было покидать свой дом, пришла повестка об эвакуации. С собой разрешалось брать лишь те вещи, что уместятся в руках. У меня был маленький школьный рюкзак за плечами и фанерный чемоданчик в руках. Туда поместился наш запас еды на 3 дня. На пару с мамой мы тащили корзину с одеждой. Лошадью доехали до станции Сайрала. Мы прибыли вовремя, но состав пришел спустя 4 часа. Нас, эвакуировавшихся, скопился на станции полный двор. К счастью мороза тогда не было, и люди стояли на улице. Здание вокзала было переполнено маленькими детьми с мамами и стариками. Оттуда часто раздавался, то детский плач, то кашель. Вокруг стояла кромешная темнота, ведь правила светомаскировки тогда соблюдались неукоснительно. Это добавляло чувства тревоги и усиливало ощущение войны.

Поезд всё же пришел, и мы, спустя двое суток тесноты вагонной жизни, оказались на станции Илмайоки, откуда нас повезли размещать в дом местного шюэтора. Маму и меня привезли последними, и свободным оставался только дверной проход. Другого места не было. Но и это показалось тогда для нас

с мамой счастьем. Затем, эвакуированных, стали разбирать по домам на постой местные жители. Нас было всего двое, и такую маленькую семью взяли с большим удовольствием. Так мы оказались квартиростъёмщиками у пекаря по фамилии Саволайнен. Мать, вдобавок, смогла устроиться к нему на работу, так что нам ещё повезло».

В послевоенные годы советского освоения, с 1945 года в Маккола был образован колхоз «9-е Мая». 11 января 1948 года на заседании исполкома Тиурийского сельсовета 15 дворам деревни Кёккёля было присвоено наименование Снигирева», которое позднее приняло форму «Снегирёво». В документе между прочим был и представлен абсурдный перевод финского названия на русский — «Кокетливая». Деревня Маккола тогда же получила новое имя «Сосново», но позднее за ней закрепилось наименование «Студёная».

Одно время, до создания совхоза, в Студёном находилась МТС и затем ЛМС — лугомелиоративная станция.

### **Мюллюпелто (Myllypelto) – ст. Мюллюпельто, посёлок Коммунары**

История этой большой деревни и станционного посёлка, начинается с вполне отчётливого упоминания в писцовых книгах 1500 и 1568 годов. В записях Инши Васильева Булгакова от 1568 года мы находим целый список однодворных деревень, образовавшихся по берегам речки Мельницы. — «Деревня Есинская за Мельницею (Ефимко Иванов), деревня Савинская за Мельницею (Васька Иванов), Звягино над рекой над Мельницею (земец Терентьев), г. Горка на речке Мельнице (Михалко Семёнов), г. Ронковская над рекою над Мельницею (Якуш латыш да Филипко новокрещён, пашни обжа, земля середня), г. Вьюшеново над речкою Мельницею (Степанко Иванов Вьюшин)». Из них числятся за помещиком: «за Терентьем за Мурзановым сыном Рокульского в Воскресенском погосте 4 деревни, а в них двор земецкий (свободный пахарь), а крестьянских 3 двора, людей 4 человеки, пашни 3 обжи без четверти, земля середняя. Доходу с них от хлеба треть, а с одной обжи доходу нет, пашет земец на себя».

Из вышесказанного следует, что Мюллюпелто того времени состояло из 6 хозяйств, каждое из которых считалось за деревню. Образующим местом являлась маленькая речка Мельница, которая действительно протекает через центр современного посёлка и впадает в залив озера Вуокса. Название речки, видимо, дала мельница или несколько мельниц, расположенных на ней. До самого последнего времени здесь действительно стояли водяные мельницы. Род Рокульских, известный старый карельский род, второй по значимости среди землевладельцев в Передней Кореле, имел здесь свои земли. Ещё интересная особенность; писцу удалось зафиксировать момент образования нового имени деревни, при жизни носителя фамилии (деревня Вьюшенково, Степанко Вьюшин). «Филипко новокрещён» — значит, только получил это имя, до этого, видимо пользуясь карельским языческим. Сам топоним Мюллюпелто переводится как «Мельничное поле». В финское время, вплоть до эвакуации, местные называли деревню «Мелнитсанпелто», используя в названии также старую русскую основу. Слово «поле» прибавилось уже позднее. Географически, деревня действительно стоит в одном большом поле, образованном на низком берегу залива Лумилаhti (Снежный залив в переводе). Ещё одно местное название — Меллитсанкюля (Мельничная деревня) также было очень распространено.

Разорения, последовавшие в XVI веке от царской власти, и войны на сто лет прерывают жизнь деревни. Лишь в конце XVII века шведские налоговые книги повествуют о том, что пустоши снова обживаются. Первые жители новой деревни упомянуты под фамилиями: Пупутти, Хяниккяйнен, Хоман. Северная война также оставила свой след в жизни поселения. Лишь в 1750 годах число сельских жителей начинает резко увеличиваться. Известно, что тогда деревню населяли семейства с фамилиями Патракка, Хайконен, встречавшийся уже выше, Пупутти. На участке Хайконена, (рядом с современным шоссе), были найдены остатки курной избы 1500 годов. По переписи 1818 года в Мюллюпелто проживают семьи Юхо Таскинена (14 человек), Ристо Патракка (29), Юхо Сеппяля (15), Симо Пупутти (50), Юхо Мюккянен (25), Туомас Похьялайнен (35 душ).

Спуск вод в Вуоксе 1857 года сказался и здесь, в заливе Лумилаhti. Вода упала более чем на 1,2 метра, освободив под новые пашни дно озера. Это сразу же привело к увеличению урожаев и прибавлению поголовья скота. По приказу русского царя, в 1872 году, построили первую дорогу, прошедшую через Мюллюпелто. Она связала город Кексгольм с центром прихода Раяйсяля.

Летописная речка Мельница, наверное, обмелела, и спустя века стала называться Мельничным ручьём — Мюллюоя. Проходя через центр деревни, ручей впадает в пруд. Здесь был детский пляж. На выходе из него берега сближаются, образуя сужение. Здесь когда-то стояла старая мельница. По поверию местных жителей, от этой мельницы и пошло название ручья и всему посёлку. Когда пруд обмелел от наносимого водой ила, высота водосброса упала, и мельницу перенесли в другое место, на 0,5 км ниже. Там поставили новую плотину, или, на языке местных жителей, «панкки». Подпор воды вырос на 4–5 метров, и водосброса хватало для работы новой мельницы. По дамбе прошла деревенская дорога. Вначале жернова приводились в движение водяным колесом. Затем мельник Юхо Суутари приспособил мощный двигатель, а в 1930 годы на мельницу уже поставили водяную турбину. В 1942 году к турбине приспособили циркулярную пилу.

Первый магазин в Мюллюпелто открыл Туомас Хейкинпойка Пупутти в 1877 году, однако его деятельность скоро прекратилась. Вторая попытка Микко Хайкконена была успешнее предыдущей, и с 1905 года в деревне постоянно существует торговая точка. Хозяин даже построил второй магазин в соседней деревне Сяркисало [ныне Кротово]. В 1917 году жители посёлка основали собственную кооперативную торговлю.

Новую жизнь в эти края вдохнула железная дорога, которая прошла через деревню. Мюллюпелто стал единственным станционным посёлком волости. После многолетних переговоров и уточнений маршрута прохождения новой железной дороги, летом 1913 года приступили к работам. Направление ветки называлось Хийтола — Раасули [ныне ст. Орехово, находившееся тогда уже на русской стороне границы]. Генеральным направлением строительства было, конечно же, петроградское.



Илл. 43. Здание вокзала 4 класса, 1919 г.

В течение 1914 года успели завершить отсыпку насыпи на участке Хийтола – Кякисалми [ныне Приозерск]. По мнению сената, работы велись слишком медленно. Поступило указание ускорить строительство. Если в 1913 году на сооружении железной дороги работало 283 человека, то в 1914 уже 964. В следующем 1915 – 1007, 1916 – 2015, 1917 – 1403, 1918 – 544, 1919 – 726 работника соответственно. Укладку рельсов начали со стороны Хийтолы. В октябре 1917 года пути были проложены между ст. Рауту [ныне Сосново] и ст. Раасули. Предстояла отсыпка гравием, но помешала гражданская война. Целиком её смогли закончить лишь в 1919 году, уже после окончания войны, при этом пограничный участок пути был разобран. Общие затраты на строительство составили 38 100 889 марок, или 295 168 за погонный километр полотна. При пересчёте в царских рублях, получается в три раза меньше (Myllypelto, Tampere 2000). При этом царский, государственный километр дороги обходился в два, три раза дороже. Во время строительных работ население деревни сильно прибавилось за счёт приезжих рабочих. Все местные жители сдавали жильё, но всё равно его не хватало. В лесу развернули дополнительное строительство. Сельскохозяйствен-



Илл. 44. Дом у станции.

ная продукция также полностью раскупалась на месте. Здание вокзала поставили в 1919 году. Станция Мюллюпелто стала одной из самых оживлённых по погрузке древесины. Подъездные пути и большое поле вокруг было заставлено штабелями брёвен. Здесь шла непрерывная погрузка вагонов и отправка составов в порты и на деревообрабатывающие предприятия страны. Пассажирское движение было организовано в следующем порядке: Две пары почтово-пассажирских поездов в сутки курсировало между Хийтолой и Рауту [ныне Сосново], и один смешанный состав в одну сторону.

В 1918 году известный предприниматель Карл Фазер покупает поместье Таубила в Пюхьяярви. Кроме прочего, ему досталось 2770 га леса, который граничил с территорией волости Раясяля у станции Мюллюпелто. Начиная с 1924 года, Фазер ведёт вырубку своих лесов и для вывоза древесины получает разрешение на постройку частной узкоколейной железной дороги. Она начиналась прямо от станции и шла на восток, в сторону лесоразработок Таубила в местечке Хепохарью. Через два километра узкоколейка раздваивалась. Одна ветка продолжалась строго на север, другая поворачивала на юго-восток. Рабочие прозвали её «Мурманкой». Дорогу обслуживал один паровозик, финская «кукушка», и 12 вагонов, которые поделили на 3 состава. Паровоз таскал 4 вагона, а ещё два



*Yksi Korhosen taloista, myöhemmin  
Tanniisten. Kuvassa myös Eino,  
Vaino, Sulo ja Veikko.*

*Илл. 45. Дом Корхонена в Мюллюпелто.*

состава стояли под погрузкой и перегрузкой на станции в государственных вагонах VR. Оживлённой работы хватило на несколько лет. Особенно ценились в Европе цельные стволы корабельных сосен (до 23 м длины) которые вывозили из леса Карла Фазера. С них тут же снимали кору и в таком виде грузили в вагоны. Узкоколейка сильно облегчила вывоз таких крупногабаритных брёвен. В Германии и Голландии длинные стволы использовались для строительства высоковольтных линий.

После открытия железной дороги, Мюллюпелто — Мелницанкюля становится большой деревней с тремя магазинами, где насчитывалось более 100 хозяйств.

В XX веке здесь работало несколько лесопилен, пилы которых приводились в движение с помощью паровых локомотивов. Временное электричество в дома также проводили от паровых машин, которые крутили генератор.

Собственное отделение Молодёжного общества «Сяде» (Луч) организовали в 1911 году. Большой красивый клуб поставили в 1915 году, неподалёку от перекрёстка шоссе и дороги, ведущей на станцию. Здесь устраивали спектакли и вечера отдыха. Он закончил деятельность в эвакуации, в 1971 году. В



Илл. 46. Школа Мюллюпелто.

В 1912 году организовали песенный хор, в который вошло 30 деревенских жителей.

Когда был образован школьный округ, первую школу решили строить в соседней деревне Сяркисало, но на самой границе с Мюллюпелто, так что бы все местные дети могли посещать её пешком. Собственный школьный округ был основан в 1915 году, и тогда же взяли в аренду крестьянский дом. Со строительством железной дороги прибавилось в Меллнитсанкюля и учеников. В 1916 году в школе вводится должность второго преподавателя. Классы увеличиваются, и им становится тесно. Лишь в 1920 открывается большое здание новой школы Мюллюпелто. Там было уже 3 класса и две квартиры для учителей. На учителях в деревне держалась вся общественная нагрузка. Кроме школы Урхо Корхонен отвечал за отделение шюцкора и спортивную секцию. На плечах учительницы Элны Вяккяря лежало руководство молодёжным обществом и организацией «Лотта Свард».

Военная организация шюцкор появилась в Мюллюпелто осенью 1917 года, перед гражданской войной. Один из жителей деревни погиб в боях под Рауту. Зачастую боевые действия времён гражданской войны разворачивались вдоль железных дорог. Поэтому, Меллнитсанкюля была под особым





Илл. 47. Фотография класса.

контролем белых. На станции обосновался свой штаб шюцкора, устраивались допросы пленных. Боевых действий на этом участке не было. После войны отделение местного шюцкора существовало здесь два десятилетия.

Перед советско-финляндской войной 1939 года, в Мюллюпелто насчитывалось 115 жилых и общественных построек. Территория деревни делилась на несколько частей: АСЕМАКОЛКА (самый застроенный район возле станции), РАНТАКОЛКА — (район береговой части, между шоссе и заливом), МЕТСЯКОЛКА (Лесной район, бассейн речки Мустаоя в западной половине) и маленький МЯКРЯПЕСЯ (6 хозяйств в лесу, на юге).

О начале Зимней войны вспоминает продавщица Хилья Кокконен: «7 октября 1939 года все мужчины Мюллюпелто отправились на внеочередные военные сборы (УН). Будущее тревожило и пугало ежедневно. Муж остался руководить магазином в Кякисалми и, в его отсутствие, мне пришлось неотлучно находиться при станционном магазине. Наступило 9 декабря, когда начали эвакуировать гражданское население, детей и стариков. В середине ночи отправила своих мальчиков шести и восьми лет вместе с бабушкой на станцию, где



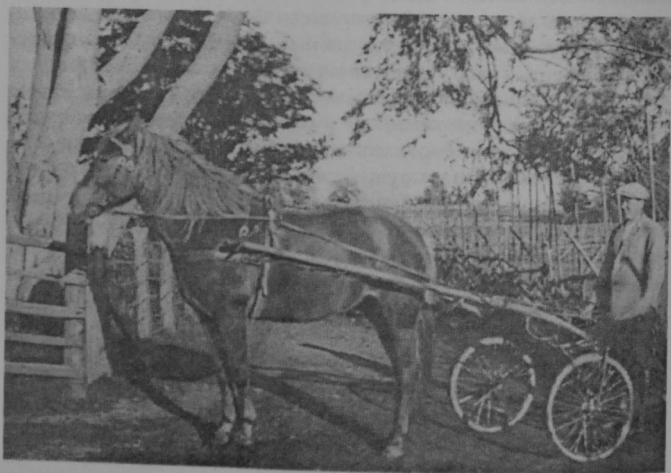
Илл. 48. Деревенская молодёжь. Илл 49. Ребята из молодёжного общества Мюллюпелто.

они погрузились в теплушку. Сама я не смогла отправиться вместе с ними, поскольку военный полицейский сказал, что пока в магазине люди могут купить, хоть какое-то продовольствие, то нужно остаться. Так я одна и осталась. Конечно, покупателей пока в магазине хватало, хотя бы тех, что берут сигареты. Поезда теперь не проходили в сторону Пюхьярви, а останавливались и разгружались на нашей станции. Как-то раз, мне и Анне нужно было попасть в Кякисалми. Мы долго напрасно стояли на платформе, поезда не было. Военный полицейский Ран-талайнен предложил подвести нас до города на машине.

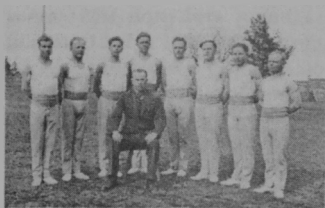
В Кякисалми в предыдущий день была бомбёжка, и в Тенкалахти дорога была разбита воронками. Площадь также подверглась бомбардировке. Сперва мы направились по делам в торговый дом Кайкконена. На стук ни кто не открыл, все окна были разбиты. Все уже уехали в сторону Каарлахти [ныне Кузнечное]. На станции и в районе Хакала у нас ещё были дела, и мы ходили по городу, удивляя мужчин своей смелостью. К счастью мы снова оказались в Мюллюпелто. В январе война подошла к станции так близко, что я сама позвонила торговцу Каикконену и сказала, что с удовольствием уеду отсюда. Получила распоряжение связаться с братьями Уосуйайнен, которые приедут забрать оставшиеся товары. Так мы закончили торговлю. Я отправилась в глубь Финляндии разыскивать



Илл. 50. На лесозаготовках.



Илл. 51. Ряйсяльский рысак.



Илл. 52. Члены спортивного союза.



Илл. 53. На байдарках построенных собственными руками.

своих детей. Они дожидались меня в Илмайоки, в Коскенкорва. Мой муж воевал в рядах 6 — го отдельного батальона на Тайпале и в Келья. — Сполна хлебнул Зимней войны...».

«Мюллюпельто, где мы жили, была станционной деревней Раясья. В начале Зимней войны нам пришлось наблюдать много драматических картин, когда беженцы стали стекаться со всех сторон на станцию. Дороги и дворы наполнились привезённым скарбом и скотиной. Поскольку поезда ожидали сутками, то на улицах скопились большие кучи навоза. Обжигающий мороз звёздными ночами, страх бомбардировок, приближающийся гул фронта...» — из воспоминаний Пенгги Эхониemi.

Советский период ознаменовался созданием 26 сентября 1940 г. Мюллюпельтовского сельсовета Кякисалмского (Кексгольмского) района Карело-Финской ССР с центром в посёлке Мюллюпельто. 25 декабря 1940 года состоялась первая сессия Мюллюпельтовского сельсовета, на которой были избраны исполком и 3 постоянно действующих комиссии. В состав сельсовета вошло 18 населённых пунктов, в том числе Мюллюпельто и Сяркисало. На его территории образовались колхозы: «Красная Волна», «Красный Герой», «Прожектор», «Красное Знамя», «Заря», «Путь Коммуны», «Красное Знамя», «им. Сталина» и «им. Андреева». Мюллюпельтовский сельсовет действовал до лета 1941 года.

Военная история не оставила нам свидетельств боевых действий, происходивших на станции в августе 1941 года. Однако здесь поработал специальный отряд по уничтожению деревни. Большая часть Мюллюпельто была сожжена. Уходя из



*Илл 54. Деревня в конце августа 1941 г.*

захлопывавшегося котла, группа красноармейцев из истребительного батальона не успела зажечь только те дома, что стояли у дороги. По воспоминаниям Лаури Инкинена, вернувшегося на родину одним из первых, приехали финские карелы, спустя 3—4 дня после ухода «гостей». Уборочная бригада, в которую он входил, состояла из 11 человек. Все сначала поселились в одном доме. Так было безопаснее. На ночь выставляли вооруженный караул. Было известно, что оставшиеся в окружении русские ночами прорывались к своим. Ещё на станции Сайрала бригаде выдали личное оружие. Пока ехали на лошадях до станции Мюллюпелто, через всю волость, видели много убитых людей и лошадей. Насмотрелись всяких ужасов войны. Когда попали на место, то слухи о том, что родная деревня сгорела, подтвердились. У дома Матти Пёккёнена обгорела одна, специально подожженная стена, но постройка уцелела. Но всё в округе сгорело. Из 110, лишь 7 домов стояли на своих местах. Уборку начали с них. Затем нужно было спешно собирать урожай картофеля, посаженного русскими. Затем наступила очередь уборки овса. Его убирали серпами. Вскоре с фронта приехал на побывку отец Лаури. Мать и сын к тому времени уже жили в доме. В сентябре вместе с отцом пошли на разведку в один глухой лес, где по слухам, прятались окруженцы. Ни кого не обнаружили, кроме брошенной собаки. В ноябре, когда пошёл снег, приехали и дедушка с бабушкой. В это время, по слухам, торговец Лаллуккан Вилхо уже продавал в Ряйсяля лошадей. Четырнадцатилетний Лаури первый раз

поехал сам покупать лошадь. Затем наступили очень напряжённые 1942 и 1943 годы, когда у всех было очень много работы. А у работника с лошадкой ещё больше. Помогали восстанавливать разрушенное войной хозяйство, особенно безлошадным семьям. Летом полевые работы, зимой заготовка брёвен в лесу. В семье сильно разболелся дедушка и Лаури остался за хозяина. Не было времени даже сесть снова за парту, как это делали сверстники. Во время войны дети снова ходили в школу деревни Сяркисало, что до сих пор ещё стоит у шоссе. Зимой 1944 года для возчиков появилась работа по вывозу брёвен из леса поместья Таубила. Военнопленные валили деревья, а перевозкой занимались местные ребята. Военнопленные также жили и работали в деревне. С их помощью восстанавливалось хозяйство, возделывались поля. Многие хозяйства в Мелнитсанкуля были отстроены заново. Потом началась весенняя посевная. Перед приходом русских летом 1944 года успели убрать урожай и вывезти мешки на станцию. Своим ходом, на телегах отправились в эвакуацию. Так небольшой группой и дошли до города Ювяскюля.

После окончания военных действий деревня начинает заселяться вторично советскими переселенцами. 24 ноября 1944 года вновь отвоёванный Кексгольмский район передали из Карело-Финской ССР в состав Ленинградской области. Мюллюпельтовский сельсовет возобновил свою деятельность не позднее апреля 1945 года. В его состав вошли заново сформированные колхозы: «Красный Герой», «Красная Волна», «им. Некрасова», «Красное Знамя», «Путь Сталина». Затем здесь возникает совхоз «Петровский». Зимой 1948 года деревня Мюллюпелто получила наименование «Заболотье», а вслед за этим, спустя полгода, название поменяли на «Коммунары», а Мюллюпельтовский сельсовет автоматически стал Коммунарским. Переименование закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 1 октября 1948 года. Вначале и станции власти намеревались присвоить наименование «Заболотье», затем попытались переименовать в Коммунары, но новое название закрепить не удалось из-за трений с МПС; в итоге станция сохранила своё прежнее имя. Только в слове «пелто» появился мягкий знак. А залив Лумилахти получил переводное название (т.н. топонимическая калька). Теперь это «Снежный залив».

16 июня 1954 г. центр Коммунарского сельсовета из пос. Коммунары перенесен в пос. Кротово и Коммунарский сельсовет переименован в Кротовский. В 1960 годы в посёлке размещалась центральная усадьба совхоза «Приозерский», бывшего в то время единственным картофеле-овощеводческим предприятием в районе. Начиналось также разведение ценных пород пушных зверей.

В 1970 году, при новом разделе территорий волостей, Кротовский, Приладожский и Ларионовский сельсоветы объединены в Ларионовский. В наши дни это Ларионовская волость.

**Сяркисало (Särkisalo) – Кротово,  
Сяркиниemi (Särkiniemi) – Беличье, Сикасаари  
(Sikasaari), Раммансаари (Rammansaari), Ховисаари  
(Hovisaari) – полуостров Большой**

Деревня с общим названием Сяркисало (в переводе Плотвичий лес), вытянулась вдоль шоссе Мюллюпелто — Ряйсяля на 8 километров. С востока к землям Сяркисало примыкала станция Мюллюпелто. Граница проходила по речке Мустайоки [ныне р. Веснинский]. С противоположной стороны она граничила с протокой Вуоксы под названием Тююскянвирта [ныне протока Беличья]. Несколько меньших деревень, перечисленных выше, соседствовали с ней, и вместе образовывали общий школьный округ, культурным и хозяйственным центром которого являлась Сяркисало.

В московских писцовых книгах за 1568 год мы находим деревню: *«Соеккала над Узервою, Сергисела над Узервою (в ней двор Жданов с братьею, пашни 3 обжи), починок Миляга, Сергисела (в ней Васюк Бесов да Гришка Овдокимов), деревня Кангасы над озером над Узервою (а в ней Павелко Багурик да брат Матвейко, пашни обжа, земля середня)».*

Всего получается 5 мелких деревень-хозяйств. Под вопросом остаются 3 двора, на т.н. Якимцеве острову. Есть ли это будущий Раммансаари [ныне п-ов Большой]? Деревня Кангасы стала позднее Салокюля, частью Сяркисало. Сергисела, понятно, и есть Сяркисало. Этот район в древности был чрез-

вычайно плотно заселён. Обилие археологических памятников — могильников железного века и раннего средневековья говорит само за себя. Деревни РАММАНСААРИ и ХОВИСААРИ [ныне п-ов Большой и п-ов Героев] являются музеем древностей под открытым небом. Первые могильники обнаружил и частично раскопал археолог Теодор Швиндт, более ста лет назад. Некоторые подверглись уничтожению при строительных работах уже в наши дни. Самые ранние находки датируются VII—VIII веками н.э. Ховисаари (в переводе Усадебный остров), Раммансаари (Искалеченный остров) и его западная оконечность СИКАСААРИ (Свиной остров), в древности были разделены проливами Вуоксы от материкового, южного берега. На Раммансаари, во времена Великого Новгорода, существовала самая старая, в этих местах, часовня и «венняйнкалмисто» — православное кладбище, явно бывшее продолжением карельского языческого «острова мёртвых». В финское время остров был заселён. Через заросший узкий перешеек суши сюда вела плохойинская лесная дорога. Крестьянские хозяйства располагались вдоль южного берега острова. Всего 12 домов на Раммансаари и 6 на Сикосаари. Здесь проживали семьи Пупутти, Луккаройнен, Поккинен, Тийра и Олхово. На самом мысу, в Сикосаари жили профессиональные рыбаки, которые занимались ловом круглый год. Самыми первыми из них были Вяйно и Туомас Улмонен. В советское время деревни эти быстро исчезли, оставив после себя развалины коровников, колодцы и каменистые поля, работать на которых, видимо было тяжким испытанием. В наши дни полуостров поражает своей сказочной дикостью, буйством природы и загадочностью.

Ховисаари, напротив, весь распахан и обжит. Повсюду сплошные поля, разделённые каменными возвышенностями, на которых до сих пор стоят старые финские дома. Всего, в предвоенные годы, здесь насчитывалось более 15 дворов. Уже в наши дни, на Ховисаари археолог Александр Сакса нашел, в частности, костяную печать, принадлежащую известному историческому лицу, выходцу из карел, крупному землевладельцу и новгородскому дипломату Григорию Рокульскому. Здесь на Ховисаари находилось его имение, боярская усадьба. Вероятно, отсюда берёт начало и название самой деревни.





*Илл. 55. Полуостров Раммансаари. 2001 г.*

СЯРКИНИЕМИ (в переводе Плотвичий мыс, ныне Беличье) была другой оконечностью огромной Сяркисало. Её многочисленные дома льнули к протоке Вуоксы Тююскявирта. В церковных книгах XIX века в Сяркиниеми значится одна фамилия жителя Куроин. В дальнейшем появилось её правильное написание — Куронен. Здесь также поселились семьи Лемметюйнен, Крузберг и Улмонен.

По переписи сделанной в 1728 году, в Сяркисало жили крестьяне: Хейкки Юрьевич Торккели, Юрьё Матинович Никки, а также семьи с фамилиями Соякка, Лаукканен, Поккинен, Саллинен, Пупутти. Всего 12 крестьянских родов. Вторая половина XVIII и XIX век ознаменовались значительным приростом населения. К 1939 году количество жителей превышало полторы тысячи человек, а число домов выросло до 223. Деревня начиналась после протоки через Вуоксу. Когда возникла большая дорога, появилась и паромная переправа. Первый каменный мост возник в 1907 году. Обработанные вручную гранитные глыбы легли в его основание. Из них были сделаны стенки и своды, ограждения и столбы. В каждый из



Илл. 56. Ямочный камень. 2001 г.

трёх пролётов свободно проходила гребная лодка. За строительство отвечал каменщик из деревни Хютинлахти, Лаури Кярккяинен. Рабочих набирали со всей волости Ряйсяля. Община помочами помогала в возведении этого инженерного сооружения. Отовсюду нагнали мужиков и подводы. Государство также учувствовало в осуществлении проекта. Место в районе моста было очень красивым.

Материковая часть Сяркисало делилась на три части: СЯРКИНИЕМИ, ТЮЮСКЯ и КОРПЕЛА. Меньшие части деревни разделялись по названию холмов. От моста первый из них назывался Реповуоренмяки, затем Корпеланмяки. У развилки дорог, одна из которых уходила в сторону Коннитса [ныне Торфяное], стоял дом Хелены Пёллёнен. Место называлось Сеппеляйнен. Группа домов, расположенных между дорогой на Коннитса и протокой Вуоксы, именовалась Марттиланколкка. Одним из первых, здесь поселился в 1805 году Филип Абрахамович. От него пошли семейства Маттилат, Сеппялят, Поккисенмяки, которые распространились в Марттиланколкка. После небольшого холма начиналось ровное и очень каменис-



Илл. 57. Старый колодезь на полуострове.

тое поле. Дальше места носили названия: Саллисеньяки, Копаньяки, Мюлльюмяки, — холм, на котором возвышалась изба мельника с мельницей и лесопильней. Дальше дорога приводила к ещё одной развилке дорог, где стояла маслобойня. Отсюда начиналось большое и ровное поле деревни. Миновав здание кооперативного магазина, шоссе опять поднималось вверх, откуда отходила дорога на Ховисаари. Место носило название Питкянмяки. Вскоре, справа по основной дороге, показывалась деревенская школа. От школы дорога вела прямо на холм Лауккасеньяки, откуда она расходилась на Коннитса и Ховисаари. Эти места в Сяркисало были наиболее других заселены. Дальше дорога шла прямо, имея с одной стороны болото Суотие. И так до моста Мустаооя [ныне р. Веснино], где деревня заканчивалась.

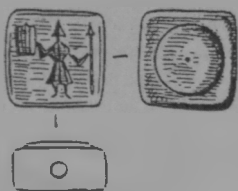
В Сяркисало жили представители разных профессий и ремёсел. Портные ходили шить на дом к заказчику. С собой брали незатейливый инструмент: тяжеленный чугунный утюг, русский аршин (1 метр 25 см), деревянную линейку, бумажную мерку. Шили, пользуясь деревянной болванкой. У специалистов заказывали только праздничные, присутственные и свадебные наряды. Одежду для каждого дня, старались шить сами.



Илл. 58. Дом Пупутти на Раммансаари.  
1920-е гг

Другой, не менее распространённой, была профессия строителя. Каменщики, печники, плотники и столяры имелись в избытке. Обычно хозяин строил сам, и нанимал в помощь одного или нескольких специалистов. Лето, как правило, стояло короткое и малоснежное. Нужно было успеть подвести дом под крышу и заняться уборкой урожая. Зимой коротали время за изготовлением трудоёмкой продукции: дверей, окон, саней, разных сельскохозяйственных орудий. Самыми уважа-

емыми и нужными мастерами на селе всегда считались кузнецы. Все металлические изделия, использовавшиеся в любом хозяйстве, будь то серп, топор, нож, подкова или более сложные вещи, такие, как детали машин и механизмов изготавливались на месте. На холме Саллисенмяки жил кузнец (сеппя) Саллинен-сеппя, в Соккала был Соккалан-сеппя. Поккинен-сеппя был родом из Салокюля, Хюннинен в Ховисаари и Луккаройнен на Раммансаари. Сапожники требовались большой деревне, где жило много заказчиков-клиентов. Старая поговорка про них была такая: «Сапожник сродни волку, мясо сам съедает, а кожу дерёт на обувь». Всего в Сяркисало было пять профессионалов. Кроме этого, в каждом доме делали рабочую обувь и чинили старую. Херрайс — Матти до 70-ти летнего возраста мастерил лодки и другие изделия из дерева. Деревянную посуду изготавливали братья Паукку. Тойво мог создать музыкальный инструмент кантеле, а Вярьян Нестори раскрашивал стенки шкафов и спинки деревянных кроватей. В наши дни, когда всё привыкли покупать в магазине, это выглядит довольно странно, однако человечество живёт так всего несколько десятков лет. Есть над чем задуматься. Теперь пропали и навы-



Илл. 59. Костяная печать XV века принадлежавшая Григорию Рокульскому. Академия Наук, С-Пб.

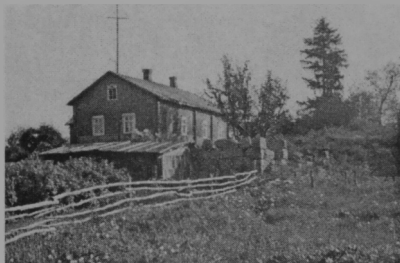
ки и инструменты. Случись чего, не сможем жить на уровне ушедших поколений.

Хоть деревня и была самодостаточной, торговля, хоть и с большим трудом, начала прокладывать себе дорогу. Первый магазин открылся недалеко от школы ещё в конце XIX века. Основателем стал один торговец из Мюллюпелто. В последние годы магазин выкупил кооператив Ряйсяля. Укон-Юсси с Раммансаари держал у себя небольшую торговлю. В последствии он основал свой магазин уже в цент-

ре деревни. Торговцы также занимались перепродажей мяса в города. В 1930 годы, в общей сложности, здесь работало уже 5 магазинов и кооперативная касса.

В 1920 годы в деревне появился Илмари Петяя, который поставил мельницу и лесопильню на холме Мюллюмяки. Механизмы приводились в движение дизельным мотором. Мельница молола любое зерно, кроме пшеницы. Вильё Хюннинен из Ховимяки выкупил предприятие и стал полноправным хозяином вплоть до начала войны.

Два предпринимателя, крестьянин и учитель, решили пополнить скромные ряды сельских буржуа, и в 1893 году основали маслобойню. Не все местные жители были довольны таким обстоятельством. Вскоре торговец Павилайнен, имевший уже одну маслобойню в Тиури, выкупает предприятие на корню. Один из бывших владельцев становится управляющим. Вокруг маслобойни не утихала борьба за её владение, пока, наконец, в 1906 году часть местных жителей не основала кооператив, который выкупил её уже навсегда. Она стала самой первой на Карельском перешейке кооперативной маслобойней. Здание находилось в удобном месте у шоссе, в самом центре большой деревни. Деревянная постройка постоянно расширялась, с приобретением нового оборудования. В 1927 году



*Илл. 60. Одно из хозяйств на Ховисаари. 1990 г.*

установили паровую машину и пастеризатор. Маслобойня стала единственным в волости предприятием, продолжавшим постоянную работу на протяжении 40 лет. С каждым годом количество сданного молока и производительность увеличивались. Уже в

1937 году было переработано 430 тонн молока. Для местных хозяев предприятие было очень удобно тем, что проблема со сбытом излишков была решена таким радикальным способом. За каждый бидон молока они получали живые деньги. В любой день у маслобойни собиралось много народу, привозящего свою продукцию. Здесь образовался деревенский центр общения, место, где обсуждались и передавались все новости. Крестьяне, не привыкшие ходить к соседям безо всякого повода, смогли встречаться у маслобойни. Она стала местом «социальных контактов» Сяркисало. В 1942—1944 году маслобойня продолжила свою деятельность, но, вследствие исчезновения сепаратора и некоторых деталей, молоко передавали сразу на завод Валио.

У некоторых жителей появилось в доме радио и телефон. Почту доставляли несколько раз в неделю. Вначале ближним местом отгрузки была станция Сайрала, затем Мюллюпелто. Почтовые отделения на местах с успехом заменяли магазины. Школу основали в 1890 году. Первые годы она размещалась в арендованных помещениях. С 1899 года, на холме Питкямяки, открылась та самая школа, которая стоит до сих пор. В 1920 году её расширили пристройкой второго этажа. В первое время школу посещали ученики не только Сяркисало, но и Мюллюпелто. В связи с этим она была построена на восточном краю деревни. С 1911 года здесь вели преподавание уже два учителя. Вначале работала лишь школа верхней ступени. Младшим школьникам отводились для обучения только две недели осенью, но и такое короткое время школу смогла посещать не вся



*Илл. 61. Здание маслобойни Сяркисало в день 30-летия предприятия.*

деревенская детвора. Уборочные работы в собственном хозяйстве считались важнее. Только после их окончания приступала к учёбе верхняя ступень. Лишь с 1925 года ввели 18-недельную программу для младшей ступени. На полную 36-недельную (4 четверти) программу обучения смогли перейти к 1936 году. Для обязательного посещения школы были введены особые меры. Те, кто проживал в радиусе не более 5 километров от школы, должны были её неукоснительно посещать. Это требование не распространялось на всех детей Сяркисало. Оконечность Сикасаари, например, находилась значительно дальше. Но некоторые ребята проделывали ежедневно и большие расстояния. Всё зависело от желания учиться. Среди многих учителей у Пааво и Санни Ахола был самый длинный период работы в местной школе, с 1916—18 по 1944 годы. Учитель Магнус Невалайнен организовал при школе первый смешанный хор. Молодёжное общество, возникшее в 1905 году, включило в себя состав хора и спортивное общество. Собственное здание построили в 1920 году. Там давали театрализованные представления для всех желающих, танцы, вечера. В клубе также разместились отделения местного шюцкора и лотт. В 1938 году



Илл. 62. Семейство Хайконен.

в деревне работала пере-  
ездная животноводческая  
школа. Три группы курси-  
стов учились правильно  
ухаживать за коровами.  
Между ними проводились  
даже соревнования за на-  
дой, чистоту и уход за  
животными. В качестве  
учебного класса использо-  
вался один из местных ко-  
ровников. Рабочий союз  
Сяркисало объединил  
часть местных жителей в  
1907 году. Обычно люди  
собирались для совмест-

ного чтения и обсуждения политических изданий. Иногда вы-  
ступали приезжие ораторы из Социал-демократической партии.  
В конце всегда устраивались танцы. У союза было собственное  
здание в центре деревни.

Один из сыновей Пупутти, что жили на Раммансаари, по-  
пал на службу в русскую армию. Парень отсутствовал в род-  
ных местах 30 лет. Когда он вернулся, всё-таки домой, его ник-  
то не признал. Ведь 30 лет, срок не малый! Но мужчина снял  
фуражку с головы и запел псалом. Тут его признали. Вместе с  
ним была русская жена, которая не слова не знала по-фински.  
За то, что она носила разукрашенный платок, местные жите-  
ли, прозвали её «пёстрой бабой».

Гражданская война 1918 года разделила людей на белых и  
красных. Некоторые ушли воевать в Красную гвардию. Один  
мужчина, по фамилии Вякипарта сидел в лагере для военноп-  
ленных в Таммисаари. Людей там морили голодом. Когда он  
вернулся домой, от голода так набросился на еду, что умер на  
следующий день. Ещё один мужик Укко-Матти угодил в лагерь  
военнопленных прямома из дома, хотя сидел тихо и не при-  
нимал участия в войне. Вина была в том, что он являлся одним из  
активистов рабочего движения. Шюцкор и Рабочий союз, ещё  
долгое время после войны, оставались непримиримыми орга-





Илл 63. Дом Рийхимяки в Сяркисало.

низациями. Лишь пришедшее на смену новое поколение, людей, и угроза перед лицом общего внешнего врага, поставили последнюю точку в братоубийственной войне.

Осенью 1939 года, из-за угрозы нападения Советского Союза, местное население частично уехало, но затем вернулось назад. Мужчины остались на внеочередных сборах в армии. В деревне расположилось много военных. Когда началась Зимняя финская война, 9 декабря пришел в Сяркисало приказ об эвакуации: «Быть в назначенный час сегодня на станции Мюллюпелто. С собой из вещей взять только то, что можно унести на руках». Ирья Кавениус вспоминает: «Мы собрали еду в дорогу и кое-что из вещей, что смогли взять в руки. Я хотела взять и любимую куклу, для которой шила одежду, но, **БЫЛО 9 ДЕКАБРЯ.**

На машине нас довезли до станции. Мы оставили тёплую безопасную избу, горницу, родные ступени и двор. Дом остал-



Илл. 64. Школа Сяркисало. Фото 2001 г.

ся посади, а впереди неизвестное будущее. Какое и где? ЭТО БЫЛО 9 ДЕКАБРЯ.

Мы ждали обещанного поезда на станции. Стоял сильный мороз. Градусника не было, но пальцы чувствовали сами, что холодно. Здание станции было переполнено людьми. Тёплая печь, конечно, дарила там тепло, но, сколько таких же озябших рук тянулось к ней! По этому мы ждали на улице. 9 ДЕКАБРЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

День сменился вечером и перешел в ночь. Притихшая замёрзшая толпа ждёт поезд. Усталость, страх за будущее стесняет дыхание. Для чего всё это? ВСЁ ЕЩЁ 9 ДЕКАБРЯ.

Встаёт вопрос, можем ли мы вернуться по домам? Отвечают — нет. Конечно, поезд придет и увезёт нас отсюда далеко в чужие дома. Наконец, он появляется на путях перед нами. Двери теплушек открываются. Мы лезем внутрь. На внутренних стенах деревянных вагонов проступила снежная наморозь. Маленькие дети плачут, взрослые тяжело вздыхают. Ещё не сменились сутки. БЫЛО 9 ДЕКАБРЯ».

Спустя полтора года, 17 августа 1941 года, полк JR 2 занял Сяркисало. Целью продвижения был заход с тыла и во фланг

советских частей, оборонявших Кексгольм. Местное население вернулось осенью. Жизнь налаживалась, заработала опять школа. В июне 1944 года пришлось отправляться во вторую эвакуацию. В двух войнах погибло 44 жителя Сяркисало.

26 сентября 1940 года был образован Мюллюпельтовский сельсовет. К нему отнесли 18 населённых пунктов, в том числе, и Сяркисало, где был образован колхоз «им. Сталина». Летом 1941 года сельсовет прекратил свою деятельность. Уже после Великой Отечественной войны, сюда хлынула новая волна переселенцев. Были образованы колхозы «Путь Сталина» и «Красное знамя». Они вошли в Сяркисальский сельсовет, уступивший затем свои права Мюллюпельтовскому. Сюда завезли в 1946 году первые 10 + 5 семей колхозников из Костромской и Калининской областей. Часть деревни Сяркисало именовали по-фински Тойвола, хотя, как мы видим, такого названия просто не существовало ни у одного её хутора. Зимой 1948 года, по постановлению колхозников, Тойвола получила наименование «Кротовое». В качестве обоснования указали — «перевод с финского». Впрочем, это полная чушь-чушенция. Тойвола происходит от личного имени Тойво, которое если и можно было бы перевести на русский, то не иначе как «Надежда». Кротовое затем само изменилось на Кротово. Сяркисало стало называться деревней «Знаменкой», по названию колхоза, далее Выборное. На полуострове разместился колхоз «Красный Герой», колхозники которого, на собрании, произошедшем в 1948 году, постановили наименовать деревню «Большим островом», а сам полуостров, соответственно, «Большим». Интересно, что в новгородское время, судя по писцовым книгам, одна из деревень будущей Ряйсяля носила имя Кротово. Находилась она правда, не здесь, а на реке Вуокса. К Сяркисальскому сельсовету относились все дома правого берега Вуоксы, вплоть до Тиверского городища. Деревня существует и в наше время. Сохранилось и некоторое количество старых финских построек. Со скотными дворами у нас всегда боролись, а вот жилые дома и школы берегли больше. Но всему приходит конец, и облик старых деревень всё время меняется. С 1970 года, после слияния трёх сельсоветов, деревня относится к Ларионовской волости.

## Хумалайнен (Humalainen) – урочище Стрельцы

Теперь уже и деревни с таким названием не осталось. Ни одного дома. На современных картах большое выровненное поле теперь носит название урочища «Стрельцы», бывшая деревня с таким именем перестала существовать вовсе. Большинство фундаментов после проведения мелиоративных работ также исчезли вслед за постройками. Место находится как раз на середине пути по шоссе, между современными посёлками Мельниково и Сапёрное. Это была самая южная деревня в Ряйсяля.

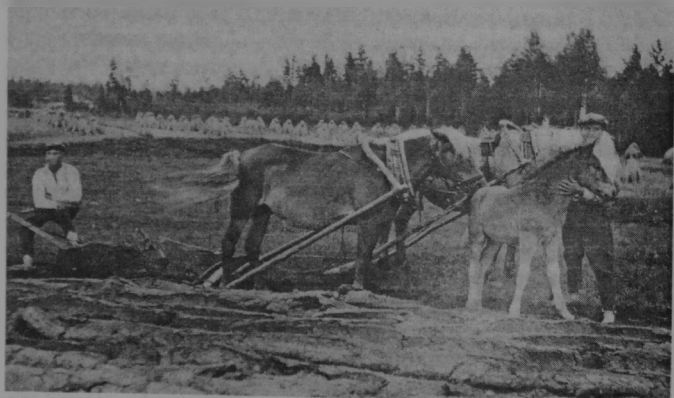
Конечно, и в новгородское время, поселение существовало под какими-то именами. Однако первое упоминание, которое удалось встретить автору, относится к шведским источникам 1591 года. Она упоминается в числе жилых деревень. Тогдашние крестьяне, поселившиеся в Хумалайнен, прозывались: Хейкки Кархунен и Хейкки Сайранен. В 1650 годах здесь проживают семейства Укконен и Валлитут. Уже в самом конце XVII века численность населения заметно увеличивается. Встречаются фамилии: Лаллукка, Кумяляйнен, Ниукканен, Каронен, Каллойнен, и Пуукка.

Деревня Хумалайнен (в переводе «Пьяная») получила своё название от ручья Хумаланоя, который протекал, да и сейчас протекает, через опустевшие поля селения [ныне Стрельцовка]. В ручье была чистая, проточная вода и сюда заходил лосось. Сам Хумаланоя заработал себе «звучное» имя от того, что, по его берегам каждое крестьянское хозяйство, когда-то имело участки, зерно с которых шло на приготовление «паловиина», проще говоря — самогона. Налог с таких посадок казна взымала особым образом.

В самой старой части деревни в одном месте располагалось 8 домов. Назывались они: Пуукка, Пуукан-Анттила, Маттила, Лаллукка, Ристола, Тухкалайнен, Матин тало и Каасалайнен. История некоторых названий связана с именами первых поселенцев (см. выше). Эту группу хозяйств прозвали «Старым холмом» или «Старой деревней». Как гласит народная молва, построены они были на скорую руку. Один стоял так,



*Илл. 65. На уборке картофеля.*



*Илл. 66. Осенью в поле.*

другой саяк. Углы подпирали один другой. Между ними и заборами было оставлено места ровно на одну телегу по ширине. Когда в Хумалайнен проводили Генеральное межевание, то разрешили эти наделы понемногу.

Деревня начала XX века была большой и оживлённой. Всего 79 хозяйств располагалось на этих пологих холмах. Хороший строевой лес с озёрами-ламбушками окружал её со всех сторон. Удобная дорога связывала жителей с соседними деревнями Кивиниеми, Валкъярви и Тиури. Из больших озёр, ближе всего подходило к селению Торхонярви [ныне Балахановское]. Оно входило в систему Вуоксы и, вследствие своей мелководности, при достаточных размерах, было очень рыбным. Там держали лодки, сети и мережи. Часто случались такие моменты, когда уже трудно было отличить свои снасти от чужих. Отец и сын отправились, как-то, проверять свои мережи. Сын кричит:

— Отец, вот мережа!

— Она с рыбой?

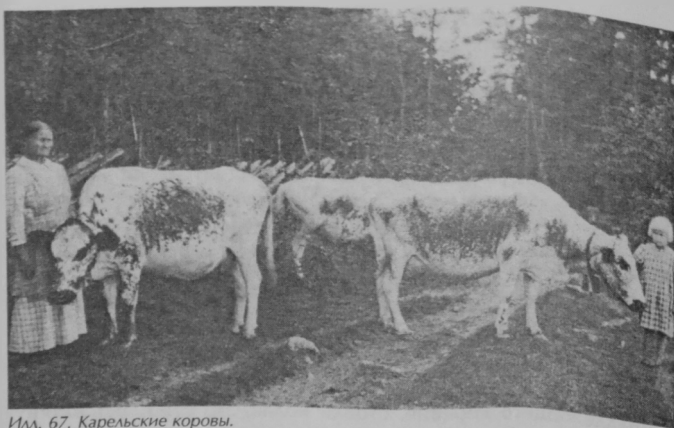
— Нее.

— Ну, тогда это не наша!, — отвечает отец. Вдоль берега принадлежащего деревне, стояли колья, где сушились натянутые сети. Особенно хорошо в Торхоне ловился судак. Чуть дальше от воды располагались сараи для сушки и хранения сена. У каждого дома свой сарай. Здесь были богатые сенокосы.

Народная школа возникла в Хумалайнен довольно поздно, в 1919 году, когда вышло специальное правительственное постановление об обязательном начальном образовании. До этого времени в деревне работала переездная школа. (Была такая система на заре эпохи всеобщего образования). Специальные учителя переезжали из деревни в деревню, останавливаясь в каждой по 4 недели. И так по кругу.

Своё отделение Молодёжного общества возникло в 1902. Оно сразу развило очень активную общественную работу на пользу всей деревне. Ребята ставили спектакли, проводили вечера и занимались спортом. Молодёжное общество Хумалайнен существует и по сегодняшний день в далёкой Западной Финляндии.

Почта в деревню доставлялась со станции Сайрала раз или два в неделю. Когда Вяйнё Йортikka купил себе автомобиль, то он стал развозить почту по деревням волости. Своего почтового отделения здесь не знали, а почту доставляли в дом Юллёля, что был на развилке дорог. Жители деревни сами стекались туда, особенно по субботам. Когда кооперативный мага-

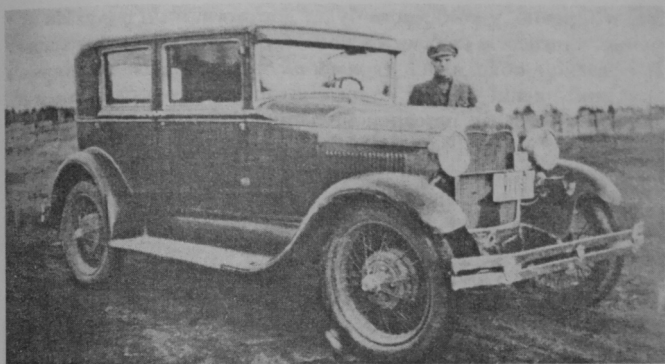


*Илл. 67. Карельские коровы.*



*Илл. 68. По дороге в Ряйсяля, 1920-е годы.*

зин открыл в Хумалайнен свои двери, почту стали привозить туда. Керосин, спички, соль и многое другое покупали уже на месте. Однако ещё долгое время существовали торговцы-коробейники, ходившие из дома в дом, из деревни в деревню.



Илл. 69. Автомобиль почтальона Вяйнё.



Илл. 70. Девушки деревни Хумалайнен.



Илл. 71. Выделка льна.

предлагая свой нехитрый товар сельским жителям. Торговцы побогаче, ездили на телеге. В сено были бережно завернуты товары, маленькие гостинцы для детей и женщин. В уплату иногда годилось разное тряпье, ненужное уже в доме. Ночевали они тут

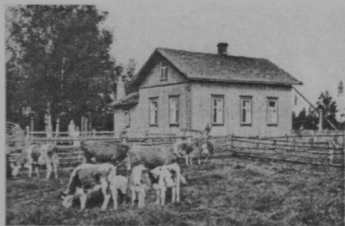


Илл. 72. Дом Поюла в Хаапаранта.



же, в деревне, у кого места будет достаточно на полу. Но значение торговли в начале XX века было ещё не значительным. В основном обходились своим полунатуральным хозяйством. Ломанные вещи чинили, старые штопали, перекраивали. Крупы и муку мололи на своей мельнице. Продукты питания выращивали сами или забирали у леса или озера. На зиму делали запасы из лесных ягод и грибов.

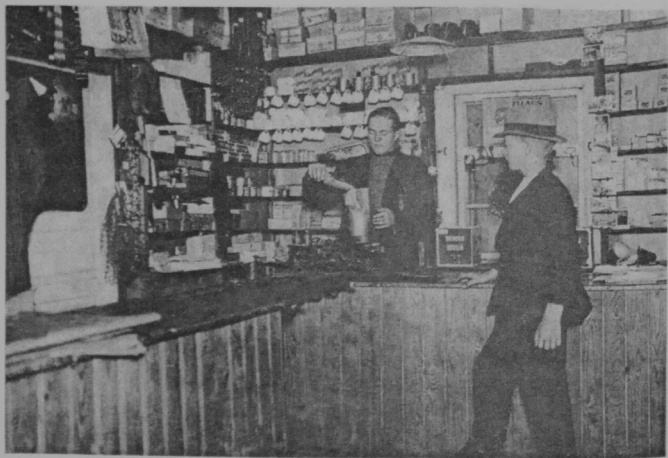
Одно время в Хумалайнен работал заводик-смолокурня. Смолу кипятили, сжигая просмоленные пни. В лесу старым



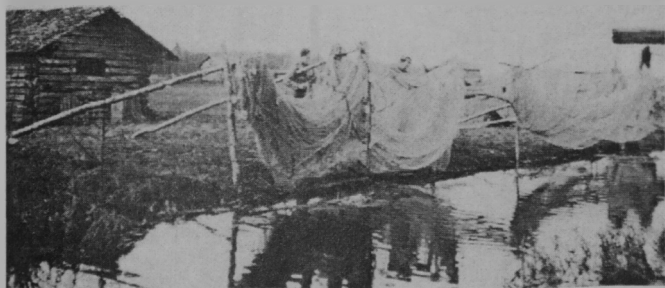
Илл. 73. Дом Вяйнё Йортикка в Оянсуу 1942 г.



Илл. 74. Хозяйство семьи Лаукканен в Пуукансопе 1936 г.



Илл. 75. Первый магазин в деревне.



Илл. 76. Сушка сетей на озере Торхон, 1943 г.



Илл. 77. Марш финнов через деревню в сторону Кивиниеми. Август 1941 г.

закрытым способом гнали смолу в смолокурнях. В XIX веке она пользовалась большим спросом. С её помощью осуществляли пропитку от гниения древесины; лодок, шпал, нижних венцов сруба и многое другое.

Важным приработком в Хумалайнен становились зимой работы в лесу. Достаток многих семей обеспечивался за счёт



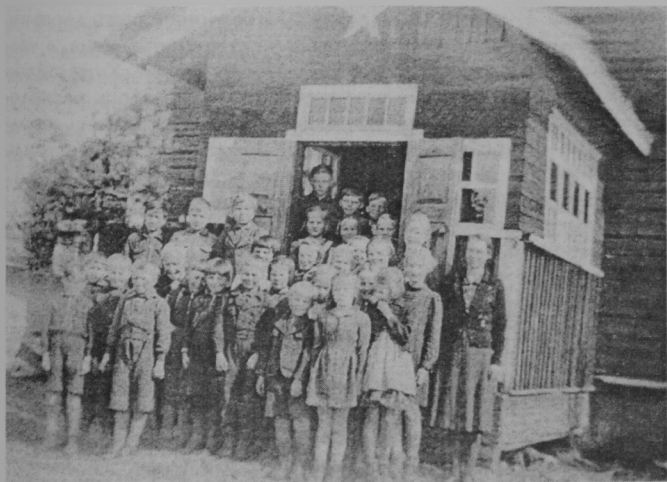
*Илл. 78. Четыре трофейных 45-мм пушки на хранении.*

лесозаготовок. В деревне жило много умельцев, которые для домашних целей занимались изготовлением одежды, обуви, мебели и инструментов, деревянных фигурок и детских игрушек. Самые лучшие из них становились профессионалами, работавшими на продажу. Альбин и Ида Уотинен были сапожником и швейей, Илмари Лаукканен кузнецом, Ханнес Линдберг мельником и кузнецом. Но самым известным человеком, родившимся в деревне, стал Юхо Лаллукка (1852—1913). С молодых лет он пошел по торговой части. Со временем стал советником по торговле и проживал в Выборге. Человек этот, с годами и ростом карьеры, не утратил тёплых чувств к родной Раясяля и сострадания к бедным. Он стал самым известным меценатом, заложившим экономические основы школьного образования и ухода за престарелыми людьми в волости.

Во время Зимней войны 1939 года Хумалайнен была далеко за линией фронта, который всю войну продержался в Кивиниеми. Финские войска использовали деревню для размещения тыловых подразделений. В доме Аатами Лаукканена располагался штаб 8 полка полевой артиллерии. Мирное насе-



Ил 79. Семья Коронен. Прощание с домом, 1944 г. Г.



Ил 80. Школа в 1942 году. Звезда над входом – сохранившееся свидетельство советского присутствия в 1940 году.

ление было вывезено отсюда на четвёртый день войны, раньше чем в других местах Ряйсяля.

Про советский период освоения деревни сказать особо нечего, так как ни очевидцев, ни архивов не осталось. Известно только, что один или несколько жилых домов перевезли в это время в Тиури, где уже тогда начинали создавать большую деревню. На здании школы, над входом, висела пятиконечная звезда.

В августе 1941 года здесь, на северных подступах к деревне, произошёл бой. 18 августа финские пехотные полки JR 1 и JR 43 без отдыха продвинулись в сторону Тиури, но не смогли пройти дальше. Советские войска окопались у развилки дороги ведущей к деревне Коннитса [ныне Торфяное]. На следующий день, с утра 19 августа, первый батальон JR 43 начал наступление. После двухчасового боя продвинулся вперёд, и вышел к северной оконечности Хумалайнен. Здесь они встретили мощное сопротивление. Первый батальон обошел деревню с востока и перерезал сообщение с подходившим с юга шоссе. Третий батальон в это время повёл лобовую атаку вдоль дороги с севера. К вечеру была захвачена северная часть деревни. Группировка обороняющихся была частью уничтожена, а частью рассеяна и ушла лесом на юг. После этого в Хумалайнен больше не было боёв. Только летом 1944 года здесь расположился штаб 15.D дивизии. Мирное население вернулось в родные «пенаты» и мирно прожило ещё 3 года, пока не наступило лето 1944 года, время заключительной эвакуации.

В советское время здесь образовали колхоз «им. Ворошилова». 10 июля 1947 г. на заседании исполкома Тиурийского сельсовета деревня Хумалайнен была переименована в «Зеленый Бор», но 11.01.1948 тот же исполком присвоил деревне «Весёлая» (очевидно по «вольному литературному переводу с финского»). В конце-концов деревню было решено переименовать в «Стрельцы».

2 октября 1950 года селение Стрельцы переведено из Мельниковского в Красноармейский сельсовет. Видимо тогда и состоялся перевоз всех домов деревни на новые места, в Красноармейское. Ю.П. Свинарёв пишет о том, что центральная усадьба колхоза «им. Ворошилова» находилась в современных Ромашках. В 1951 году его переименовали в «Октябрь». В это

время в колхозе насчитывалось 92 человека. Уже в то время в помощь колхозникам присылали рабочих предприятий Ленинграда. В качестве пайка выдавали вместо хлеба зерно.

А деревня с тех пор исчезла. *«Не удалось выяснить, — горестно вздыхает Свинарёв, — куда растворилось всё то богатство, которое наши предшественники накапливали веками».*

В 2002 году на месте деревни Хумалайнен собрались оставшиеся её жители, приехавшие из Финляндии. Повод был особый, 100-летие Молодёжного общества, которое, продолжает существовать, по сей день. На единственном уцелевшем фундаменте деревни поместили памятную табличку, где говорится об истории этой деревни в честь памяти ушедших поколений.

### Тиури (Tiuri) – Васильево

На юг от центра волости простирались бескрайние земли, принадлежавшие в своё время, крупнейшей деревне Ряйсяля, носившей имя Тиури. На востоке она граничила с соседним приходом Пюхьярви, на западе исторически совпадала с Ореховецкой границей древнего Новгородского государства 1323 года, и, позднее приходом Вуоксенранта. На юге Тиури соседствовала с деревней Хумалайнен. Её дома и земли разделялись течением реки Вуоксы на восточную и западную части, с соответствующими названиями, ЙОЭНПУОЛИ и СУУРКЮЛЯ, (Заречное и Большая деревня в переводе). В районе речки Коннитса [ныне Весёлая] находились дома ХОВИНКЮЛЯ. Кроме того, на самом западе, у пролива Насарлахти, раскинулись дома отдельной деревни, АЛХОТОЯ и её части ХЯРККОРПИ (урочища Новосёлки и Хлебное), также относившихся территориально к Тиури. Существовало и более мелкое деление на «мякикуннат» — (группы домов).

Начиная с каменного века, здесь появляется оседлое население. Две доисторические стоянки были выявлены в Алхотоя, в местечке Папинкангас, (4000 лет до н.э.) и Теперахо, на границе Тиури и Хумалайнен. Это было время, когда река Нева ещё не возникла, и уровень воды был выше современного, на 20 метров. Большие озёра, богатые рыбой и пыш-

ные леса давали возможность выжить племенам новокаменного века, неолита.

Вновь люди заселили эти места уже в конце первого тысячелетия н.э. Остров-крепость Тиуринлинна, об истории которого было много сказано во вводной главе нашей книги, стал поселением уже в 1000—1100 годах н.э., однако погиб в 1411—1412 годах. Писцовые книги XVI века фиксируют отдельные деревеньки, бывшие предместья или осколки погибшего города ремесленников и военных. *«Деревня Тивра десять крестьянских дворов, пашни 3 обжи, земля середняя»*. — *«Земец Дмитрок Захаров и дети его Лучка да Фетько»*. — *«Деревня на реке на Тиверской\* на Хмелевской стороне, под Грозным порогом за Федькой Есиповым двор земецкий да крестьянский»*. *«За монастырём Воскресенья Христова из Корельского городка в Тивре два крестьянских двора»*. — *«Тивра на реке на Тивре»*. *«Сакула над рекою над Тиверью (Исачко Васильев), деревня Подгорье в верхней Сакуле»*. Мельницы и толчеи отмечены отдельно. — *«В Тивре на реке Кромле мельница и толчея. Оброку положено пол-полтины в год. На реке на Таврале\*\* на Грозном пороге мельница да толчея. В волостке на Тивреле на речке на Кромле\*\*\* на Тиврельском пороге мельница да толчея. За Поздняком за Денисьевым, сыном Савина на Тиверской реке на Середнем пороге мельница да толчея»*.

Опричина Ивана Грозного и шведские завоевательные походы вконец извели жителей и этой карельской деревушки. В самом конце XVI века отмечено лишь два жилых двора. Новые крестьяне, переселенцы с запада, стали обживать заново заросшие лесом пустоши. В середине XVII века здесь появляются первые жители, потомки которых, вынуждены были уехать отсюда только в 1944 году. Им стало семейство Хенттинен, и в конце века добавились фамилии Торсти и Лаллукка. Людей в деревне было уже больше, но другие роды не прижились здесь надолго. Одно семейное придание так повествует о возникновении в Тиури рода Паавилайнен: Один воин по имени Пуса пришел сюда с войсками Понтуса Делагарди. Когда отряд сто-

<sup>\*</sup> Имеется в виду протока Вуоксы у Тиверского городища. Прим. автора.

<sup>\*\*</sup> Другое название протоки Вуоксы, искаженный карельский вариант.

<sup>\*\*\*</sup> Видимо имеется в виду река Коннитсанйоки [ныне Весёлая].

ял на квартирах в Кексгольме, некоторые солдаты стали подыскивать себе новое жильё. Так Пуса, родом из Хяме, обосновался на одной из пустошей в Тиури. Из родной губернии Хяме он взял себе жену. Оба они были католиками-протестантами, но, поселившись в православном крае, по вере их прозвали Паавилайсет (Папские). Со временем эта фамилия распространилась среди жителей Карельского перешейка. Так как сам хозяин Пуса был длинный малый, то к названию дома прикрепились на сотни лет название Питкяля (производная форма от Длинный).

Спустя столетия, уже после окончания Северной войны, край постепенно начинает обживаться более основательно. В это время возникает такой тип совместного проживания и хозяйствования, как патриархальные семьи. Большие крестьянские хозяйства не подлежали делению между наследниками, а наследовалось целиком. Поэтому люди жили единым родом. В роду Ристо Хенттинена был, например, 51 член семьи. У упомянутого выше рода Паавилайнен, число родственников превышало 40 человек. Уклад в таком сообществе также был строго регламентирован. Родом руководил один выбранный старейшина-хозяин. Он отвечал за всё хозяйство и за работы, производимые мужчинами. Все члены семейства чтили его и выполняли все его распоряжения беспрекословно. В его обязанности, в частности, входило за обеденным столом распределение порций масла и мяса между всеми представителями семьи. Жена Хозяина становилась также Хозяйкой. Она следила за тем, чтобы женские работы по дому выполнялись правильно и в срок. В доме было установлено точное распределение труда. Одна из женщин отвечала за выпечку хлеба, другая занималась только супами. Остальные женщины ухаживали за скотиной. Аналогично разделялись и мужские обязанности в доме. Когда умирал Хозяин, родственники на поминках решали вопрос о его приемнике. Выбранный таким образом новый Хозяин продолжал дело прежнего, и жизнь снова возвращалась в старое русло. В таких могучих семействах случалось, что молодые играли между собой свадьбы, что, в конечном счёте, привело к кровосмешению нации, болезни современного финского общества. Патриархальный уклад отдельных родов продер-





Илл. 81. Деревенская мельница.



Илл. 82. Современный вид мельницы на р. Весёлая.



Илл. 83. На ступенях школы.

жался до конца XIX века. За столетие в деревне было совершено всего несколько купель — продаж крестьянских имений (Tiuri — kyka kallis Karjalassa).

К началу XX века пахотные земли деревни составляли 1302,8 га, на 1000 человек местного населения. Количество крестьянских хозяйств равнялось 152, что в среднем составляло по 8,5 га на одного земледельца. К этому нужно добавить ещё по 2—3 га лугов и пастбищ для скота, которые располагались, главным образом, на высвободившихся после спуска воды берегах Вуоксы и озера Кюнсиярви [ныне Лопата]. Акватория этого озера принадлежала частично жителям Тиури и усадьбе Ряйсяля. Наряду с традиционными культурами, такими как овёс и ячмень, после гражданской войны начали культивировать яровую пшеницу. Корнеплоды стали выращивать



Илл. 84. Хозяйство в Кюнслярви.

только в 1930 годы, как, например, сахарную свёклу. Для собственных нужд также растили лён.

К этому времени деревня раскинулась в пространстве на добрый десяток километров. На юго-востоке 16 хозяйств примыкали к берегу живописного лесного озера Питкяярви — (Долгое), [ныне Рощинское, по местному Щучье], семь домов образовывали часть деревни ХААПАРАНТА — Осиновый берег [ныне гора Вышка] и ТИУРИНМЯКИ. Шесть домов в пространстве между ними ЛЕППЯСЕНКОРПИ и ЛАММАСАХО, теперь образуют район горы Орлиной. Выше этого места, на восточном берегу Вуоксы, возле Тиверского городища, насчитывалось около 30 хозяйств вместе с народной школой. Ещё 27 домов и мельницы находились в районе речки Коннитсанйоки [ныне Весёлая] — ХОВИНКЮЛЯ и ПУККИ, местность ниже по течению Вуоксы. На западном берегу, рядом с мостом, находился кооперативный магазин, погреб которого виднеется возле дороги, и 5 хозяйств. На острове Кохтсаари [ныне Люблинский], было 2 дома. Около 60 крестьянских дворов располагалось вдоль западного берега Вуоксы, до берегов озера Кюнслярви [ныне Лопата]. В районе МЁММЁНСАЛМИ [ныне район протоки в оз. Новосельское], находилось ещё 6 домов, и далее АЛХОТОЯ [ныне урочище Новосёлки], где в лучшие времена можно было насчитать более 20 домов, которые относи-

лись территориально к Тиури. На северном берегу озера Торхон [ныне Балахановское], находилось ещё 11 дворов части деревни с названием ХЯРККОРПИ [ныне урочище Хлебное]. Современный нам посёлок Васильево занимает лишь небольшую часть старой деревни, бывшую СУУРКЮЛЯ или КЕ-СОССОППИ.

Деревня делилась на три школьных округа: ТИУРИ (с 1890 года), КЮНСИЯРВИ (с 1927 года) и АЛХОТОЯ (с 1919 года). В каждом из них была своя народная школа нижней и верхней ступеней. Первый хор в Тиури появился с 1897 года, а Молодёжное общество, при котором в дальнейшем существуют народные хоровые коллективы, возникло в 1905 году при поддержке учителей. Уже в 1900 году 12 человек было отобрано для сборного хора Ряйсяля. Праздники обычно начинались по воскресеньям после службы в церкви. Местная молодёжь любила собираться в старом городище, где устраивались танцы, представления и выступления хоров. По вечерам перебирались в собственный дом Молодёжного общества, где программа продолжалась. Библиотека появилась в деревне в 1899 году.

Мельницы существовали в Тиури ещё со времён Великого Новгорода. В середине XIX века на пороге стояла общая деревенская мельница. Когда в 1857 году уровень воды упал здесь на 4 метра, а почва постоянно поднималась, осталась старая мельница без работы. Силами жителей деревни её поставили на новом месте, на реке Коннитсанйоки. В 1920 годы образовали новое акционерное общество. Мельницу расширили и обновили. Русло реки было расчищено, и уровень опущен. Так образовалось ещё 75 га пашни для ближних хуторов. Пять человек создали фирму «Лесопильный кооператив и мельница Тиури». В 1930 годы установили новое современное оборудование для помола пшеничной муки. Долгие годы мельником здесь работал Израель Копонен и его сын Матти.

Также в 1920 годы, от общего привода заработала лесопильня. Членами кооператива стали постепенно 35 крестьян. Заказы принимались не только со своей деревни, но и из соседних волостей. За время первой эвакуации машины и механизмы сохранились, и предприятие продолжило работу в 1941–1944 годах. В наши дни на месте мельницы осталась плотина и

большая площадка фундамента для оборудования лесопильни и поле — бывший складской двор у дороги.

6 декабря 1939 года началась первая эвакуация местных жителей. Почти в полном составе карелы из Тиури оказались в приходе Илмайоки, в губернии Южная Похьянмаа. Весной 1940 года их переместили в Перясейняйоки, с целью выравнивания нагрузки по приёму переселенцев в западных волостях. Осенью 1941 г. большинство жителей Тиури смогли вернуться на родину. В августе того же года, в котле у Тиверского городища, произошло сражение, описанное ранее. Дома в деревне пострадали не сильно.

Впервые Тиурский сельский совет Кякисалмского (Кексгольмского) района Карело-Финской ССР был образован 26 сентября 1940 года. Центр его находился в посёлке Тиури. 25 декабря того же года прошла первая сессия сельсовета, где был назначен исполком и 2 постоянных комиссии.

В сельсовет вошло 18 населённых пунктов. Были образованы колхозы «Дружба», «Коммунар», «Победа», «Путь Социализма» и «им. Буденного». В район мельницы на реке Коннитса, успели перевезти 9 домов из Пюхьярви. Их возвели вновь на поле Симо Карилайнена. Карело-Финская ССР просуществовала в этих местах всего 1,5 года.

Во время войны-продолжения 1941—1944 годов, в Тиури вновь работала школа, кооперативный магазин, мельница. Окончательно население простилось с родными местами в сентябре 1944 года. Во время двух последних войн погиб 31 житель деревни. Ещё 25 детей и женщин погибло во время бомбардировки эвакопоезда на станции Элисенваара 20.06.1944.

В апреле 1945 года возобновил свою работу Тиурийский сельсовет, которому принадлежали также колхозы «Трудовик», «Кировец», «1-е Мая», «Балтиец», «Переселенец». Деревня Коннитса [ныне Торфяное], стала для них основной базой. В послевоенное время на землях деревни образовали колхоз «им. Ломоносова». В 1946 году сюда переехали первые 4 семьи переселенцев. 01.10.1948 года Тиурийский сельсовет переименован в Васильевский. Дома правого берега Вуоксы вошли в новообразованный Сяркисальский сельсовет. Первые переселенцы прибыли из Костромской и Калининской областей. В 1947

году здесь работало уже 32 человека. В том числе: Жохова, Журавлёв, Захаров, Зайцев, Кузнецова, Маслова, Серовы, Смирновы, Смородиновы. Об оплате труда колхозников можно судить на примере Астапкова М. И., который, за неполный 1948 год заработал: пшеницы 5 кг, овса 113 кг, ячменя 4,5 кг, гороха 7,5 кг, свёклы 80 кг и деньгами 80 руб. Некоторым удавалось заработать и чуть больше. Надо признать, что положение колхозников мало чем отличалось от положения крепостных прошлых столетий. Бедный раб заменил свободного финского крестьянина на землях Перешейка. О каком возрождении и процветании могла идти речь?

В качестве натуральных выплат выдавалась крупа и мука, которую мололи на той самой финской мельнице, всё ещё стоявшей на речке Коннитсанйоки [ныне Весёлая]. Кроме собственно мельницы, здесь был установлен электрогенератор, от которого провели местную линию электропередач в колхоз «им. Ломоносова» в 1940—1950 годах. Таким образом, он стал первым в области электрифицированным хозяйством. Мощность генератора была, конечно, невелика, и электричества не хватало, но и это колхозное достижение было уже прогрессивным. С первых дней своего существования, колхоз был многоотраслевым хозяйством, т. е. полеводческим и животноводческим. За 1950 год получен надой от коров в среднем по 818 кг, при плане в 2400 кг. Лучшие показатели финского времени, полученные от породистых коров, составляли 2523 кг, при жирности 4,5%. В том же году колхоз держал 66 голов крупного рогатого скота, и 27 лошадей, а также свиней, кур, овец. Население составило 128 человек.

10 июля 1947 г. на заседании исполкома Тиуринского сельсовета деревне Тиури было присвоено название «Зеленая Нива», причем селения Тиуринкоски и Тиуринмяки получили соответственно наименования «дер. Скалистая» и «дер. Грибная». А 11 января 1948 года решением того же исполкома деревня Тиури переименовывается в «Новоселки», хотя в документе был представлен весьма странный «перевод с финского» — «Течь» или «Деревня течная». В ходе дальнейших согласований деревня получила наименование «Сосновка». Но летом 1948 года комиссия по переименованию изменила название насе-

лётного пункта на «Васильево», обосновав причину выбора формулировкой:

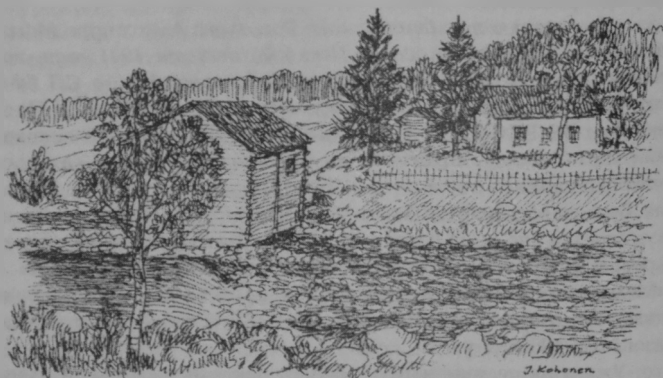
*«В память о погибшем войне, Васильеве Александре Макаровиче, 1915 года рождения. Погиб 26 августа 1941 года, командуя взводом разведчиков 81-го Краснознамённого СП 54-й сд». Окончательно новое имя деревни закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 1 октября 1948 г. Вероятно, на основании указа «О мероприятиях по сселению с хуторов Карельского перешейка» от 14 июня 1950 года, за основу новой деревни Васильево приняли часть Тиури с названием Кюнсиярви, куда свезли все дома из окрестностей. Васильевский сельсовет прекратил свою деятельность 22 июня 1954 года, слившись с «Мельниковским», с центральной усадьбой в посёлке Мельниково. По данным, полученным от Ю.П. Свинарёва, это произошло в 1960 году.*

Уже в наши дни напротив Васильево на маленькой скале поднимающейся из воды на одном из плёсов Вуоксы, возникло чудо — храм божий, «церковь Андрея Первозванного на Вуоксе». Она освящена осенью 2000 года. Церковь как бы парит над водной гладью. Низкий поклон тем, кто создал эту радость души!

## Уннункоски (Unnunkoski) – Горы

Деревня расположена в одном из красивейших мест северной части Карельского перешейка, при впадении реки Вуокса в озеро — разлив большой Вуоксы. Дома селения разбросаны по высоким холмам, которые круто спускаются к берегу. Пышная прибрежная растительность и смешанный лес обступают крутые косогоры полей со всех сторон. После каменистого порога река расширяется и, вливаясь в озеро, образует десятки живописных островов и заливов. Когда-то Уннункоски (Пуховый порог в переводе), считали самой красивой деревней волости Ряйсяля.

Люди поселились в этих местах во времена неолита. На месте деревни Хярскеенсаари [ныне Хвойное] была обнаружена стоянка, относящаяся к каменному веку. Первые поселенцы строили землянки и жили за счёт озера и леса, которые давали пропитание небольшому стойбищу. Три тысячи лет на-



Илл. 85. Порог Уннункоски 100 лет назад.

зад образовалась река Нева, и уровень воды в Ладоге резко упал на 20 метров. Следы железного века и позднейшей его фазы, эпохи викингов, видны на поле мыса Хоппендорф и на холме Раксунмяки, где сохранились остатки могильника. В те далёкие времена поселение находилось на берегу могучего порога, стоявшего на знаменитом водном пути. Спустя ещё 700 лет, в писцовых книгах XVI века отмечено довольно много крестьянских дворов (деревень), предшествующих позднейшей деревне: «Киселёва Лахта над рекой над Ряжелою, (будущее Кийсанлахти), расположенное восточнее порога, ямщицкие деревни Павлагола на Ряжеле (в ней Васько Митрошин) и Павлагола на Ряжеле (Якуш Митин), Палагола в лахте над Ряжелою (крестьяне Ортемовы). На реке на Ряжеле на пороге Ундокаске (Уннункоски), толчея, а оброку на толчею положено по гривне московской на год. За Петром да за Семёном да за Василием за Ивановым, детьми Балакшина, две деревни Судлакша над озером над Узервою (Суткенлахти), ещё сельцо Пайгола над порогом над Ундокаскою» .

Узьерва (или Уусиярви) — старое название Вуоксы. Означает «Новое озеро», Ундокаска — Уннункоски.



Илл. 86 Деревянный пешеходный мост через Вуоксу.

Также известен двор московского боярина «Довыда Никитина сына Путятина в Волговала» (Уннункоски). Можно не сомневаться, что дворов было на самом деле значительно больше упомянутых, но их названия не представляется возможным сопоставить с то-



Илл. 87. Вид на порог в наши дни.

понимикой более позднего времени. С тех самых времён в деревне имелись часовня и погост. Со слов старожилы этих мест Матти Ряйсянена, ребёнком он слышал от взрослых, что когда-то сюда привозили хоронить православных жителей со всего бассейна Большой Вуоксы, вплоть до Саккола [ныне Громово], благо путь по воде был удобен. О местонахождении древнего кладбища теперь можно говорить лишь примерно, хотя оно и обозначено на финской карте деревни. Живший в XIX веке крестьянин Армас Ланкинен, рассказывал, что погост имел площадь около 30 соток и был обнесён по периметру стеной метровой высоты, сложенной из диких камней. Будучи ребёнком, Ланкинен ещё застал деревянные кресты, которые тогда уже были полусгнившими и вскоре совсем исчезли. Находя-





Илл. 88. Бывший магазин Нийттюмяки. 1990 год.

щиеся неподалёку ряды правильно уложенных камней указывали на следы древней постройки. В своё время внутри неё росла большая сосна, которую мельник Пулкарин Матти распилил на дрова. Анни Ланкинен вспоминала, что в детстве видела ещё захоронения, но в конце XIX века погост был основательно заброшен и уже никто его не посещал. Место это находится над порогом на западном берегу, неподалёку от финского школьного двора. Вероятно теперь, оно оказалось на территории «Северного лагеря» Политехнического института, в настоящее время университета.

Порог Уннункоски, давший затем название всей деревне, много столетий служил местом притяжения людей. До спуска вод Вуоксы в 1818 и 1857 годах, уровень воды здесь был выше на 1–1,5 метра. Порог был всегда богат рыбой, — проходившим ладожским лососем. Рыбная ловля принадлежала Коневецкому монастырю и, в связи с этим обстоятельством, в Уннункоски находились православная часовня и погост, а, возможно и церковь\*.

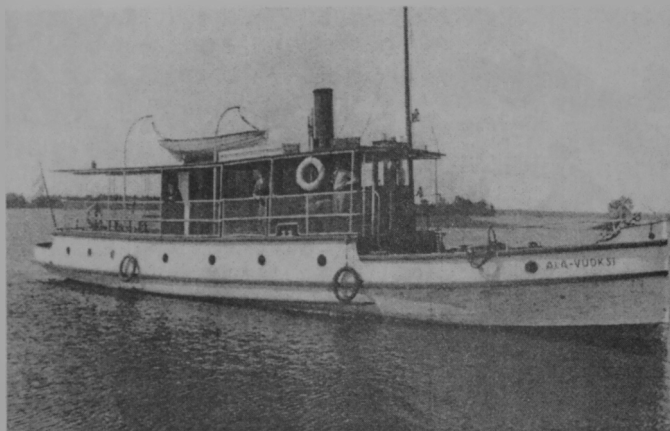
---

Источник — книга *Unnunkoski, Saarijarvi* 1998.



Илл. 89 Молодежь деревни Уннункоски.

Во времена шведского владычества, права на владение порогом передали короне. Государство, в свою очередь, выдавало временные разрешения на рыболовство арендаторам. К собственности властей в Уннункоски относилось имение, расположенное по обоим берегам от порога, права на владение порогом и две королевские мельницы. В XVIII веке вся собственность переходит в арендное владение хозяевам усадьбы Ряйсяля. В первой половине этого столетия ими были русский бригадир Крушовин и земельный комиссар Эрик Броттерус. В свою очередь права аренды перепродавались местному крестьянину Матти Весалайнену. Мельница сгорела в 1729 году и, после 20 летнего запустения, восстановлена по арендному договору с новым хозяином Броттерусом, на паях между четырьмя крестьянами. Весалайнен вновь отстроил две мельницы, из которых одна была обычной, а другая толчая. В какой то момент времени порог стал частной собственностью мельника и его потомков до 1944 года по фамилии Ланкинен. В последние предвоенные годы мельница получила маленький генератор, который вырабатывал электричество для собственных нужд и нескольких ближних домов. В советское время мельница ещё



Илл. 90. Пароход Ала-Вуокси.

существовала некоторое время, но после централизованной электрификации Уннункоски её разломали.

До спуска вод Вуоксы, паводковые воды со всей мощью обрушивались на берега и низины деревни. Случались на пороге и ледяные пробки, когда течение реки поворачивало вспять. По этой причине жители не строили домов рядом с берегом и не возделывали прибрежных лугов. Только после прорытия канала в Кивиниеми, русло обмелело и перестало представлять опасность. Пересохли многие заливы, возделаны под пашню сотни гектар плодородной почвы. Наводнения больше не угрожали крестьянским наделам.

Уннункоски была типичной крупной деревней Ряйсяля, где сельское хозяйство играло самую важную роль в жизни населения. Дома располагались там и сям, по обоим берегам Вуоксы. Ещё до конца XIX столетия крестьяне занимались подсечным земледелием. Создание новых лугов позволили резко увеличить количество голов крупного скота в каждом хозяйстве. Крутые склоны холмов давали урожай хлеба. Орудия труда были долгое время довольно примитивны и стали меняться на современные, уже в последние предвоенные годы. Богатый

хозяин Ляхениеми в 1920 годах купил первый трактор в деревне. Это был настоящий французский танк первой мировой войны, только без башни и вооружения, пущенный в розничную продажу послевоенным правительством\*.

Танк-трактор тащил, надрываясь и во всю дымя своим слабым мотором, специально сконструированный плуг. Тяжёлая техника с трудом «приживалась» на крутых косогорах Уннункоски.

В заливе Суткенлахти, в самом узком месте суши, на перешейке, где с другой стороны подступал залив реки Вуоксы Савлахти, существовала усадьба СУТКЕНХОВИ. В этом месте перешеек не превышает 1,5 километра в ширину. По местной легенде, войска Понтуса Делагарди прокопали здесь соединительный канал между озером и рукавом реки Вуоксы. Сложенные по берегам каменные глыбы говорят о серьёзности этого инженерного проекта. Вода в канале не исчезла полностью и после осушения системы. В 1860 годах земли усадьбы Суткеенхови принадлежали кексгольмскому торговцу Александру Канину. В одноимённой части деревни Уннункоски он основал и первый магазин. Однако тот находился на краю деревни и вскоре заглох. Следующий магазин, на сей раз в центре деревни, открыл в 1892 году торговец Туомас Яванайнен. Позже появились различные кооперативные торговые предприятия. Вьяйнё Нийттюмяки открыл торговлю смешанными товарами, и в 1937 году построил у моста новый магазин, который существовал до 1990 годов, пока его не сожгли наши современники.

Деревенская дорога связывала деревню с шоссе Раясяля — Каукола и восточной частью упиралась в Мюллюпелтовский тракт. Однако самым удобным было водное сообщение напрямую с губернским центром, городом Кексгольм. Этот путь был проще, чем дорога в собственный приходской центр, и давал больше возможностей. Летом на лодках или позднее на пароходах, а зимой по льду на лошадях жители деревни часто совершали поездку в город. Заодно можно было сбыть свою продукцию на местной ярмарке. Летом продукты, зимой сено, дрова и лес. Постоянное пароходное сообщение между Кексгольмом и Уннункоски наладилось в 1870 годах. Вначале было заде-

\* Возможно, это был знаменитый Рено ФТ, закупавшийся Финляндией, в частности для нужд армии в 1919 году. Прим. автора.

ствовано одно судно, затем появилось второе. Пароходы носили названия «Кякисалми», «Марьянниemi», а позднее появились «Вуокси» и «Ала-Вуокси». Сообщение поддерживалось двумя рейсами в сутки.

Большим достижением в жизни деревни стало строительство общими усилиями первого моста, связавшего, наконец, оба берега деревни. Деревянный мост, возведенный над стометровым проливом, покоился на семиметровых сваях, вбитых в дно. Сверху крепился дощатый настил с перилами. Планировалось пускать сюда только пешеходов, но лошадей также стали переправлять по мосту. Материалы для строительства поставили на помочах все жители деревни. Работами по возведению занимались четверо крестьян. Длинная живописная дуга моста, перекинувшаяся между двумя берегами, украшала пейзаж поймы Вуоксы более 20 лет, когда его снёс в 1923 году весенний лёд. Пришлось доставать для перевоза большую лодку. Крестьянка Кислован Кайса переправляла школьников и всех желающих. Только перед самой войной, в 1938 году, усилиями жителей был построен современный каменный мост, основание которого служит до сих пор.

В северной части волости, к которой относилась и Уннункоски, вошло в обычай отправляться воскресным утром на службу в церковь Ряйсяля водой. Для этого, испокон века, существовали в Карелии и Финляндии большие специальные лодки, рассчитанные на 30 и более пассажиров вместе с гребцами. Идея этого особого вида транспорта состояла в скорости и сравнительной лёгкости передвижения. В большой деревенской компании всегда собиралось достаточное количество сильных мужчин, которые быстро гребли и даже волоком переносили церковные лодки на большие расстояния. При этом скорость была высока, а потери сил минимальны. Одна лодка отправлялась с мыса Ляхениemi в сторону порога Уннункоски. Сильные мужские руки подхватывали и переносили лодку в верховье порога. На волоке уже встречались с лодками из других частей деревни. Из Коскенлахти и Патаксела добавлялось ещё одна, три лодки. Деревни Пийсконмяки и Текемялахти выставляли в поход свои лабды. Дальше, по ходу продвижения в сторону приходского центра, встречались с экипажами дере-

вень Хярскеенсаари и Тимоскала, Нейтсюткаллио и протоки Сунинвирта. Часто на последнем этапе пути устраивались соревнования между лодками на скорость. Над последним по маршруту плёсом, у острова Хуссаари раздавался звон колоколов, приглашая прихожан к утренней службе. Церковные лодки, гремя днищем по прибрежной гальке, причаливали возле кирхи, и крестьяне отправлялись пешком по склону холма на воскресную службу. Обратного возвращались также весело и быстро.



Илл. 91. Молодёжный дом. Фото 1989 г.

Народную школу основали в Уннункоски довольно рано, в 1890 году, силами знаменитого на всю волость общественного деятеля Матти Ляхениеми и других жителей деревни. Спустя три года её передали на попечение общины. Школа начала свою деятельность в районе Пийсконмяки. Собственное здание начали строить позднее, однако оно сгорело, так и не успев достроиться. Школа была построена вновь на прежнем месте в 1900 году. По соседству, в 1929 году, возвели также новую школу младшей ступени. Здания сохранились до наших дней. Они вошли в территорию «Северного лагеря» Политехника. В первые годы и десятилетия своего существования школьный округ Уннункоски включал и отдалённые деревни волости, такие как Кивипелто [ныне Кротово], Хютинлахти [ныне часть Коверино] и Тимоскала. Школы продолжили свою работу и после первой эвакуации, до лета 1944 года.

Ээро Корхонен стал учителем в школе Уннункоски, закончив в 1925 году семинарию, в городе Сортавала. На выбор места службы, наверное, повлияла природная красота края и близость к родному городу Кексгольму. В 1928 году он женится на

учительнице из Каукола, Ольге Салмела. На следующий год жена получила место учителя в местной школе. По расписанию обучение проводилось 18 недель в школе деревни Кивипелто и столько же в Уннункоски. С 1936 года она становится 36-недельной. К особым наклонностям учителя Корхонена можно было отнести любовь к занятиям физкультурой и спортом. Ведь ещё во время учёбы он стал чемпионом среди шюцкора Сортавалы по лёгкой атлетике. В Ряйсяля Корхонен продолжает занятия и руководит гимнастическим отделением молодёжного общества. Также он возглавил смешанный деревенский хор. Кроме того, смастерил радиосвязь в школе, содержал коллекцию птиц и зверей (живой уголок). В обязанности школьного учителя входили также командование отделением местного шюцкора и членство в штабе волостного подразделения. В качестве хобби оставался уход за садом на пришкольном участке. Жена Ольга была активисткой общества Мартта и Лотта Свард. Литература и рукоделье занимали всё свободное время. Таков был образ школьного учителя в деревне 1930-х годов.

Из общественных организаций, первым в Уннункоски появилось в самом начале 1900 годов общество любителей Калевалы. Чуть позднее, общественное сознание стало болеть за создание молодёжных обществ, и вся энергия молодых перекинулась сюда. Театрализованные представления стали входить в моду, и Молодёжное общество Уннункоски становится самым деятельным объединением в Ряйсяля. Здесь придумывались новые номера и ставились спектакли, которые затем уже тиражировались другими деревенскими клубами. Роскошный клуб построили на холме Куккуринмяки в 1913 году. Бурной деятельности клубной жизни способствовали и местные писатели Вильё Койо и Рууберт Кайнулайнен, скульптор Албин Каасинен, а также заезжие деятели искусств и некоторые знаменитые дачники. В 1930 г. здание сгорело, но, уже в 1933 году оно было отстроено на прежнем месте и по первоначальному проекту. Клуб деревни сохранился к счастью и до наших дней.

Деревня делилась на несколько частей. Левый берег занимала ПИИСКОНМЯКИ. Правобережные дома носили общее название НИЕМЕНКЮЛЯ (Деревня на мысу). В Уннункоски каждый холм назывался по-своему. Около 40 домов можно было

насчитать по его склонам. Перекрёсток с главной дорогой именовался ЮННАНМЯКИ, но дома, территориально принадлежали соседней Хютинлахти. За рекой части деревни носили названия: ЛЯХЕНИЕМИ, СОПУККА, МУОНОЛА, ОЛККОЛА, всего 45 домов. Южнее располагалось СУТКЕНЛАХТИ, это ещё 6 хозяйств, раскинувшихся вдоль берега озера Вуокса. Построек в окрестностях было так много, что чётких границ между соседними деревнями не было. Уннункоски могла похвастаться двумя своими школами, двумя магазинами и пароходами.

Осень 1939 года стала тревожным временем ожидания для всех жителей деревни. На Карельском перешейке были организованы внеочередные военные сборы, получившие обозначение «УН». В октябре месяце здание школы занял штаб JR 23 пехотного полка и комендантская рота. Подразделение собрали из сверхсрочников губернии Похьянмаа, района Сейняйоки и Яласъярви. По иронии судьбы, именно в эти приходы будут поселены затем беженцы Раясяля. В полку использовалось много лошадей и лишь один автомобиль, принадлежавший командиру, полковнику Матти Лаурила. Часть солдат размещалась в армейских палатках, а часть распределена «по квартирам» жителей Уннункоски. Среди военных было много старых членов шюцкора. Полк занимался учениями. Иногда рыли окопы-ячейки. Походная кухня находилась на школьном дворе. Во время готовки запах горохового супа распространялся по округе. Некоторые солдаты успели завести романы с деревенскими девушками. В один из тёмных осенних вечеров подразделение перебазировали ближе к границе. JR 23 принял участие в боях на знаменитой реке Тайпалеенйоки [ныне Бурной], где совместными усилиями, вместе с 10.D дивизией, всю войну удерживал позицию северного берега.

В середине декабря, когда бои шли уже на рубеже нижней Вуоксы, в Уннункоски начали строить тыловой оборонительный рубеж. Во время войны солдаты строительного батальона копали противотанковый ров через деревню. Земля быстро промёрзла, и грунт рвали взрывчаткой. Успели выкопать только часть рва. На окопы и блиндажи времени уже не хватило. По берегам сняли весь лес. Над головами строителей, почти каждый день, волна за волной шли на север советские бомбар-



дировщики. Иногда показывался самолёт-разведчик, «проинспектировать», как идут работы. Линию перестали строить только с наступлением мира.

Из воспоминаний Алли Каасалайнен: «Наступил последний день ноября, кажется, это был четверг. Все стояли, задрав голову, и с удивлением смотрели в небо, где на небольшой высоте, издавая ужасный шум, летели самолёты. Отец затем сходил домой послушать радио. Когда вышел, сказал, что сегодня руссы напали на нас. По радио сообщили, что уже бомбили Хельсинки и другие города и волости. Новость эта всех повергла в шок. Людям оставалось только гадать, как повернётся дело. В выходные, помнится, сообщили, что в школе теперь готовим еду для эвакуирующихся. С юга потоком шли беженцы. На саях старики и дети, женщины гонят перед собой стадо коров. Шествие это, особенно в зимних, декабрьских сумерках, наводило ужас. Я, Сиури, и женщины из ближних домов на школьной кухне всё время готовили суп для беженцев с границы, которых тут же и располагали на ночлег. Всё это воспринималось тогда, как страшный сон, но было правдой. Вскоре из деревни стали отправлять в эвакуацию стариков и детей. Тётю и маму отец отвёз на лошади в центр посёлка, откуда их забирала грузовая машина. О приближении Рождества почти не говорили. Все много работали и слушали радио, которое тогда водилось только в редких домах. С юга доносились канонада фронта, и страх забирался по ночам в душу, как-то всё сложится? Рождество всё-таки отметили. Была ёлка и застолье, рождественская сауна под ночной гул артиллерии. В деревне начались оборонительные работы, и отца призвали в помощь. Некоторые ухаживали за скотиной, а я помогала на кухне лоттам. При школе квартировало много сотен мужчин. Был небольшой отряд противовоздушной обороны, который прочёсывал на лыжах леса и озеро на предмет десанта или упавших лётчиков. Не знаю, был ли от этого практический толк, но вид лыжников в маскировочных халатах успокаивал. Печку протапливали ранним утром в сумерках, затем вынимали угли и готовили еду. В целях маскировки не разрешалось пускать дым из трубы. Днём деревня должна была выглядеть пустой. За сеном на острова и то разрешали ездить лишь в

сумерках. Война продолжалась, и гром пушек становился всё громче. Один солдат, приехавший в отпуск, рассказывал, что долго фронт не продержится, т.к. много убитых и раненых. Братские могилы всё пополнялись новыми жертвами на кладбище Ряйсъя. Наступил март, морозы продолжались, и снега было ещё много. Самолёты стали летать ещё чаще, бомбить и обстреливать из пулемётов. Иногда приходилось прятаться в придорожной канаве. 13 марта отец, как всегда, отправился утром в деревню, но вернулся в полдень и сказал, что по радио передали о наступлении мира. Мы высыпали на улицу и стали прислушиваться к канонаде, доносившейся с линии фронта. Всё продолжало греметь, но потом прибежала со двора Сийри и сказала, что всё стихло. Мы снова вышли наружу. Действительно, воцарилась мёртвая тишина. Взрослые пошли в деревню слушать радио, а я осталась дома радоваться, что война, наконец, закончилось. Когда дошла весть об условиях мира, и мы, в который раз, взглянув на карту, поняли, что придётся покидать дом и всё оставлять русским, на некоторое время даже помутились рассудком. Так на нас повлияла эта новость. Но всё же мы были не одиноки. Весь карельский народ оказался в той же ситуации. Поначалу казалось, что жизнь замерла и остановилась. Но, постепенно чувство отчаяния уступило место повседневным заботам. Нужно было, заботиться о коровах, и готовиться к отъезду. Вместе со слезами и отчаянием пришла злость, ох как тогда проклинали русских! Но, в то же время, она поддерживала, не давала раскиснуть. Перед отправкой нужно было собраться с мыслями, что взять в дорогу. Ни есть, ни спать не хотелось, так велико было возбуждение. На третий день после подписания мира мы покинули родной дом. Спустя несколько дней, отец, подумав, сказал: «Запомнят этот день и в Советском Союзе». С собой мы забрали трёх коров и лошадь. Ещё трёх коров постарше, пришлось оставить в коровнике, и их потом прирезали. В запряженные сани положили сена и необходимые вещи. Брат шел на лыжах, а каждая из женщин и девочек, вели на поводу по корове. Цыганского вида процессия вышла на лёд Вуоксы и взяла курс на центр волости Каукола. К вечеру были на месте. Здесь деревенские жители сидели ещё по домам. Коров разместили на ночлег в общественном

коровнике, а сами нашли маленький домик. Промокшие от воды во время пути вымя коров замёрзли, и утром отцу пришлось прирезать бедняжек. Это была большая потеря, но идти стало легче. Народ поднялся. Все дороги заполнили такие же, как мы путники. Каждый вечер подыскивали место, где заночевать, а наутро опять в путь. Спустя неделю пришли пешком в район города Савонлинна. Спустились на лёд озера Саймаа. Другого берега почти не видно, до горизонта растянулась колонна беженцев. Отец посмотрел и сказал: «Мы, теперь, как народ Израильский в изгнании». Когда кончился хлеб, пришлось идти попрошайничать. По дороге было много воинских частей, и солдаты щедро делились галетами. В конце концов, семья воссоединилась, и мы оказались в Каухайоки. Вот уже минуло 50 лет, как живём здесь».

Короткий советский период времени 1940—1941 годов не оставил по себе какой-либо информации о жителях. В 1941 году деревню Уннункоски освободили части JR 43 полка 10 дивизии. Мост сожгли при отступлении советские сапёры. Побывавший одним из первых на родине финский офицер Маури Рясänen так описал свои впечатления от увиденного: «Я получил разрешение на отпуск из части в начале сентября. Уннункоски и правобережная Ниеменкюля стояли пустыми. Лишь двери домов хлопали при порывах ветра. Тишину иногда нарушал лай брошенных собак. Ощущение было какой-то нереальности от увиденного. В ольшанике, с правой стороны дороги, напротив здания клуба, военнопленные хоронили своих. Насчитал, по крайней мере, 100 трупов.

В другой раз уже смог побывать здесь в середине осени. Тогда уже приехавшее гражданское население было занято уборкой ржи. Центральным местом для всех стало здание магазина. Родители были заняты доставкой коров со станции Каарлахти. Ночью пришли домой. Таким образом, жизнь продолжилась как среди мирных жителей в деревне, так и на фронте. Это были незабываемые времена, особенно для нас, карел». В те годы почти в каждом доме сами выращивали табак для собственных нужд. Такое было время.

Первые колхозники приехали в 1946 году. По плану расселения от 30.12.46, 6 колхозных семей направлено в Пийсконмяки,

являющихся частью Уннункоски. Из переселенцев Калининской и Костромской области образован колхоз «им. Тельмана».

Не понятно, почему первые послевоенные советские переселенцы взяли название от небольшой части деревни. Общим именем для неё стало Пийсконмяки, ведущее своё происхождение от одной из частей деревни. В ходе укрупнения хозяйства, к ней присоединили отдельные её бывшие части: КАУППИСЕНМЯКИ, УННУНКОСКИ, ПАКСУМЯКИ и другие, но только относящиеся к левому берегу. Правый берег занимал колхоз «Ярославец». По постановлению общего собрания колхозников, деревня Пийсконмяки получила наименование «Горка», закреплённое Указом Президиума ВС РСФСР от 13 января 1949 года. С самого начала колхоз «им. Тельмана» считался одним из лучших в волости. Поначалу здесь было 26 колхозных дворов и 107 членов «кооператива». Только 20 мужчин и 47 женщин могли работать. В 1948 году здесь держали 48 голов крупного рогатого скота. Площади были засеяны рожью, пшеницей, ячменём, овсом, горохом. Занимались также посадкой картофеля, моркови, огурцов. В колхозе в частности состояли семьи Антиповых, Вдовиных, Виноградовых, Вольмановых, Воробьёвых, Герасимовых, Даниловых, Ситовых и других. Фамилию председателя установить не удалось. В дальнейшем в посёлке разместилась центральная усадьба вновь образованного колхоза «им. Кирова», который в 1950 году вобрал в себя все мелкие окрестные колхозы: «им. Тельмана», «Путь социализма», «Ярославец», «Дружба» и «им. Калинина». В 1959 году он состоял из всего 66 личных колхозных дворов, с населением 137 человек. Куда же делись все остальные? Колхозники сеяли рожь, овёс, картофель, капусту, турнепс. Разводили молочное стадо, но до финских показателей продуктивности не дотягивали по всем позициям. В том же году колхозы стали совхозами, а колхозники сельскохозяйственными рабочими. В селении Горы расположилось отделение совхоза «Мельниково». Дома из окрестностей деревни в 1950 или 1960 годах были свезены ближе к центру. Теперь существуют целые улицы перевозных домов. На противоположном берегу Уннункоски, в Ниеменкюля (Патаксела), основали колхоз «Ярославец». Первые переселенцы приехали в 1946 году, всего 36 человек. Как

пишет Свинарёв: *«от колхоза остались лишь книги: «книга учёта трудовой» и «книга расчёта с колхозниками»*. На 1 января 1949 года колхоз состоял из 18 личных колхозных дворов с 84 жителями. При этом население «Ярославца» сильно изменилось. Колхоз содержал 29 КРС. Надой молока 1352 кг. Площади засажены зерновыми и овощами. С 1950 года он вошел во вновь образованный колхоз «им. Кирова».

## Текемялахти (Tekemälahti) – урочище Артельное

Севернее посёлка Горы, в Вуоксу вдаётся широкий мыс, называемый на современной карте урочищем Артельным. Кроме обозначения «сарай» и нескольких тропинок, мы не найдём более ничего от старой деревни.

В писцовой книге Водской пятины за 1568 год, мы находим деревню *«Текималакша над Ряжелою, в ней Конанко Иванов и Текималакша под деревней Кавгалою, в ней Федько Степанов»*. Последняя находилась ближе к Каукола, в летописи — Кавгала [ныне Севастьяново].

В первом налоговом документе шведского времени от 1589 года видно, что в Текемялахти существовало 3 налогооблагаемых двора.

Прошло много столетий, и, к началу XX века здесь насчитывалось 25 хозяйств. На мысу Вятикянниеми находился один из двух деревенских причалов. Отдельные дома и части посёлка носили названия: СААРЕЛА, ХЕЙКУЛА, ПИЙСКОНМЯКИ, КЮЁСОППИ, ПЮЁРЯНИЙТТЮ, КУЙСМАЛА и другие. Крестьяне занимались хлебопашеством и животноводством.

Рыболовство было важным подспорьем среди промыслов жителей Текемялахти. Хотя профессиональных рыбаков в последние годы уже не было, но в каждом доме ловили рыбу для собственных нужд. После спуска вод в Вуоксе, уже не приходилось мечтать о больших уловах, но, всё же рыбы хватало на всех. В любом хозяйстве держали мережи, катишки-сетки лабиринты, перемёты. Особенно много ловили весной. Тогда, за домашним столом, с утра до вечера предлагались только рыбные блюда. Самые активные рыбаки уходили по последнему льду жить на острова, где имелись на такой случай специаль-



*Илл. 92. Вид на деревню Текемялахти. 1930-е годы.*

ные избушки. Выловленную рыбу держали в садках, а с таянием льда привозили улов на ярмарку в город Кексгольм. Конкуренция среди рыбаков на ярмарке была очень высока, а цены низкие. Но всё же удавалось заработать немного живых денег так необходимых в хозяйстве.

Текемялахти была небольшой деревней. Соседство с Уннункоски обеспечивало, за счёт последней, всю культурную и общественную жизнь глубинки. Единый школьный округ, магазины и прочее. В деревне работала своя перевозная воскресная школа. Учитель Адам Лавонен ходил из дома в дом, начиная с пения псалмов каждое новое занятие. Ежегодно отмечали школьный праздник, который проводился на дому у учеников. Это было перед Рождеством, учитель появлялся в костюме деда мороза и с валенками на ногах.

Поселение Текемялахти разделило судьбу других деревень Рыйсяля. В 1946 году сюда завезли первые 10 семей из Калининской и Костромской области и образовали колхоз «Путь к Социализму». По данным Юрия Петровича Свинарёва, он был образован ещё 22 сентября 1945 года. В далёком 1940 году здесь

пытались организовать первый колхоз, именовавшийся «Путь Социализма», однако времени не хватило. Председателем нового колхоза избрали Кустова А.А., инвалида войны. Земли хозяйства были очень плодородны, и колхозники выращивали в первые годы в основном капусту и немного моркови. В «Пути к Социализму» работало много больших семей. Семья Кустовых — 6 человек, Геннадьевых — 9, Павловых — 8. Самого Павлова арестовали по неизвестной причине на первом колхозном собрании, состоявшемся 22 сентября 1945 года. Видимо, за антисоветскую деятельность. Семья Горюновых — 6 человек. Горюнова в тюрьме с 1948 года. За трудодни колхозникам выдавали, к примеру, в 1946 году Кирилову И.А., — отрубей — 10 кг, овса — 76 кг, картофеля 72 кг, гороха 44 кг, капусты 400 кг, моркови 21 кг. Сверх того, деньгами 39 рублей (за колхозом осталось 115 рублей). Редкий случай, когда колхозникам доплачивали деньгами, хоть и не большими. Спасали от голода только собственные огороды.

С 1948 года деревня, по постановлению колхозного собрания, получила название «Дачная». Однако вышестоящие органы придумали свой вариант переименования — «Артельная».

Затем, в 1950 году, колхоз «Путь к Социализму» включили во вновь образованный «им. Кирова». Вскоре колхоз ликвидировали, а деревня полностью исчезла с лица Привуоксенских земель, превратившись в урочище. Иными словами, путь к социализму завёл в урочище.

### **Хярскеенсаари (Härskeensaari) – Хвойное**

На правом берегу Вуоксы, южнее посёлка Горы, находится Хвойное, бывшее Хярскеенсаари. Как и во многих других деревнях Рийсяля, первые поселения на этом месте ведут своё начало с каменного века. Именно так датируются первые находки, сделанные в районе Хярскеенсаари. Здесь находятся древние культовые памятники: ямочные камни, и могильники, в которых обнаружены украшения из бронзы и серебра. Хотя христианство пришло в Карелию из Новгорода в 1227 году, ещё долгое время местные жители поддерживали свои языческие традиции.



Им. 93. Хвойное в 1989 году.

Название деревни, по-видимому, происходит от фамилии крестьянина-переселенца, жившего здесь, начиная с 1589 года, Хендрих Херскин — (Хейкки Хярскинен). Эта фамилия появилась первый раз в церковных книгах прихода Руоколахти в финской Карелии, начиная с 1543 года. Хярскеенсаари упоминается первый раз в списке обжитых деревень Кексгольмского лёна за 1613 год. Тогда здесь проживало 4 налогооблагаемых крестьянина.

Природные и климатические условия для занятия сельским хозяйством здесь были особыми. В этих местах никогда не бывает заморозков, а летние осадки выпадают умеренно. Хотя обилие камня и скал, благодаря тому, что Балтийский щит здесь выходит на поверхность, создавали трудности для земледельца. Осушение Вуоксы в 1857 году послужило увеличению площадей обрабатываемой земли и улучшению качества жизни. Почти все жители деревни занимались, в первую очередь, сельским хозяйством. В основном выращивали рожь



и кормовой овёс. Также лён, поля гороха, картофель и другие овощи для себя. На каждом дворе росли яблони и ягодные кустарники. Когда в XX веке стали появляться сельскохозяйственные машины, крестьяне покупали их в складчину на несколько хозяйств. Затем кооперативные молотилки и сенокосилки обслуживали и все остальные поля деревни, но уже за установленную плату. Тракторов здесь не применяли, пахали на лошадях. На 1939 год в Хярскеенсаари значилось 35 хозяйств. Поселение было небольшим, но располагалось близко к деревне Уннункоски, вместе с которой образовывало единый школьный округ. Вся общественная жизнь, почта, магазины и проч. была тесно связана с ней. Однако, как пишут финны, территориально Хярскеенсаари принадлежала деревне Кивипелто. Дорога от шоссе, в сторону Хярскеенсаари отходила в районе Кивипелто [ныне Быково]. Далее она вела через Суткенлахти в Уннункоски [ныне Горы]. Деревенская дорога пересекала по деревянному мостку Вуоксу и выводила на большую левобережную дорогу Ряйсяля — Каукола. Существовали части Хярскеенсаари с такими названиями: КЮОСОППИ, ПЕРЯНИИТТЮ, ХАЙКОСЕНМЯКИ, ХЯРСКИЯНСАЛО, ХАТАРАНМЯКИ, ЛАТОСААРИ, СААРЕЛА.

11 января 1948 г. на заседании исполкома Тиурийского сельсовета местечко Саарела получило имя «Хлебная», несмотря на то, что перевод названия в документах был сделан правильно — «Островки». Деревне Пийспала(?) присвоили наименование «Хвойная». Полуразрушенные финские хутора с развалинами коровников и улица перевозных домов, ведущая к мосту послевоенной постройки, обилие заброшенных пахотных угодий, — все это запомнилось автору во время велосипедной поездки в 1990 году.

**Хютинлахти (Hytinlahti),  
Раутакопра (Rautakopra), Локинанпелто (Lokinanpelto),  
Салокюля (Salokylä), Вякеля (Väkelä) — Коверино**

Поселениями испещрена вся старая карта района. Дома стояли здесь и там, вдоль лесных озёр и малых проток. К некоторым хозяйствам вели лесные тропы. У каждого жилого мес-

та было своё название, но объединяло этот разрозненный «муравейник» общее имя ХЮТИНЛАХТИ — (Залив Хютти в переводе). От всего этого многообразия жилья, разбросанного в радиусе пяти километров, сохранилось бывшее ядро деревни, РАУТАКОПРА [ныне Коверино, «Железная лапа» в переводе]. Расположенная на южном берегу озера Селкосенярви [ныне Подгрядовое], она имела 10 домов в ближнем радиусе. В том числе: народную школу Хютинлахти, расположенную на самом берегу озера, уцелевшую усадьбу хутора Канкаала и другие хозяйства. В начале 1990 годов всё Коверино состояло из 4 старых крестьянских владений, школьной сауны и десятка перевозных домов.

Рискнём предположить, что название деревни встречается в писцовой книге Инши Булгакова за 1568 год, под видом «Юттевой лахты» (указан житель Сидорко Микулин) и «В Юттиле» (Ондрейко Фомин), «Пайгала же в Юттелеве лахте» и «Сальма Люттеева на волоке что был починок» (Лоскут Павлов), которые находились здесь со времён Великого Новгорода. Топоним с правильным написанием Хютинлахти появляется в шведских налоговых книгах за 1589 год. Тогда из 17 налогооблагаемых жителей края, один проживал здесь.

Дальние западные части деревни носили названия: САЛО-КЮЛЯ — (Лесная деревня — ныне урочище Заветное) и ЛОКИНАНПЕЛТО — (Локино поле — ныне ур. Рудаково). Находились они за длинным озером Ахвенитсенярви [ныне Рудаковское]. В 1930 годах в Салокюля насчитывалось 6 дворов. Только в одном доме жило семейство по фамилии Куйсма. Все остальные — братья Вякипарта. В каждом хозяйстве имелись: жилой дом, коровник, сауна, сарай. Теперь от всего этого сохранились лишь развалины. В Локинанпелто, вокруг маленького озера, располагалось 5 домов. Здесь жили крестьянские семьи Линдберг, Матикка, Поскипарта и Вякипарта. Вдоль вытянутого западного берега Ахвенитсенярви равномерно размещалось ещё 5 хозяйств. На противоположном, восточном берегу 8 дворов семейств: Матикка, Саволайнен, Вякипарта, Хилтунен и Куйсма. В районе ВЯКЕЛЯ, у каменного моста через протоку, Олла — и Латоселья, несущую воды в Вуоксу, 15 дворов с южного берега и 17 с северного, образовывали мно-

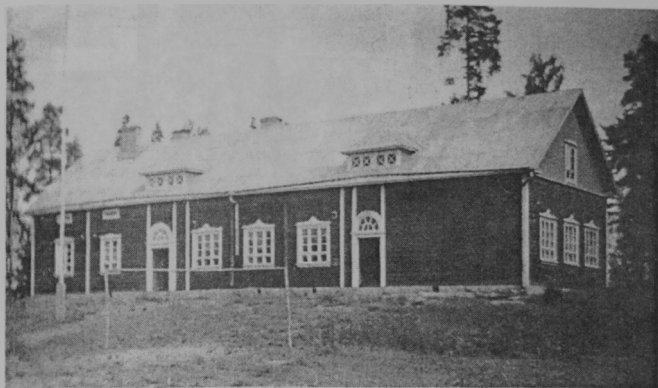
голюдный жилой район. Здесь встречалась опять фамилия Вякипарта, Суутари, Матикка, Куйсма, Мусака. Эта часть деревни находилась близ шоссейной дороги, вплотную подступая к домам Уннункоски и Тимоскала с юга. Севернее, вдоль главной дороги на Каукола [ныне Севостьяново], за озером Юлетлампи [ныне Придорожное], находилась часть хозяйств АЛА-ВОРНЕ, 4 дома и выше ЮЛЯ-ВОРНЕ, 6 дворов. Хозяева носили фамилии: Уллгрэн, Тихверяйнен, Мескин, Хирвонен. К северному берегу озера Селкосенярви выходило 12 земельных участков: Пуусниекка, Кауппинен, Косонен, Поикселья, Инкинен. Этот угол назывался деревней ТАЙПАЛЕЕНКЮЛЯ. Ещё выше, с восточной



Илл. 95. Мастер Салво из города Турку. Венчальная фотография.



Илл. 94. Мост Вякелянсилта. 1990 год.



Илл. 96. Школа в Хютинлахти, 1934 год.



Илл. 97. Школьная сауна. Фото автора 1990 года.

стороны озера Юоксемяярви [ныне Бол. Заветное], находились последние 3 дома крестьян Оса, Кауппинен, Ияс и одна заброшенная избушка. Всего в Хютинлахти насчитывалось 97 хозяйств.

Во многих местах дороги были каменистые и ухабистые. Часто к домам вели тропинки, по которым только зимой мож-

но было проехать на санях. В начале XX века было начато строительство дороги, которая должна была пересечь деревню с запада на восток, но работа не была закончена. В приличное состояние, успели привести только участок до Раутакопра. Железную дорогу Выборг—Хийтола также планировали вначале проложить через землю Хютинлахти, но позднее план изменили, и она прошла севернее. Пожалуй, самой известной постройкой, сохранившейся до наших дней в Хютинлахти, является каменный арочный мост на шоссе, так называемый «мост Вьякеля». Его соорудили на месте прежнего 1935 году. Строи-



Илл. 98. На школьном дворе. Фото 1930-х годов.

тельство было организовано в форме общественных работ для безработных. Возглавил возведение моста строительный мастер из города Турку по фамилии Салво.

Собственную школу в деревне открыли в 1923 году. Она временно разместилась в доме Ристо Куйсма, что располагался на мысу озера Селкосенярви, в Раутакопра. Школьный округ Хютинлахти образовался из части двух прежних округов Уннункоски и Сийрлахти. О месте строительства собственного школьного здания в правлении не было единого мнения. В связи с этим процесс выбора затянулся, и школу открыли только к осени 1934 года. Она разместилась в нескольких сотнях метров от прежнего арендованного дома, на берегу озера. Школа нижней ступени открылась чуть раньше, в 1932 году, во временном помещении. С 1923 по 1944 год здесь успело поработать более 10 учителей, в том числе Николай Исомяки и Арво Тайвайнен. От школы до наших дней сохранились погреб и сауна. Ниже приведённые истории нескольких хозяйств, взятых из разных частей Хютинлахти, помогут представить жизнь на хуторах того времени.

**ВЯКЕЛЯ.** История этого крестьянского хозяйства уходила далеко вглубь веков. По найденным на поле старинным вещам можно сказать, что люди жили здесь ещё с XII века. Семей-



Илл. 99. Вдова Хильда Вякипарта с детьми. 1941 год.

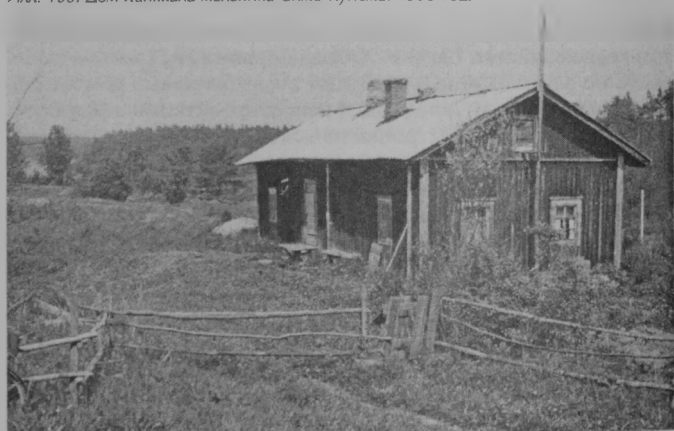
ство Вякеля поселилось здесь не позднее 1685 года. Имение Вякеля наследовали в 1939 году Тойво Вякипарта, 1911 года рождения и его супруга, Хильда Онерва, 1915 года. На ферме жили в то время также мать и сестра Тойво. У супругов перед войной появилось трое детей. Четвёртый родился в эвакуации, когда хозяин уже был на фронте. Семейство попало в Каухайоки. В начале новой войны, в 1941 году, Тойво погиб на фронте. Его жена Хильда вместе с семьёй вернулась в Рийсяля. Мужа вначале похоронили в приходе, где они жили во время

эвакуации. В конце 1941 года гроб мужа перезахоронили на кладбище Рийсяля, (как это делали и многие другие в те годы). Дом целиком сторел во время ожесточённых боёв, проходивших возле каменного моста, где на северном его берегу и находилось хозяйство Вякеля. Хильда первое время жила у родителей, но затем смогла к 1943 году возвести новый дом на старом фундаменте, и через год, вновь отправиться в эвакуацию. После войны вдова построила новый дом в Лапландии, но традиции поколений прервались навсегда.

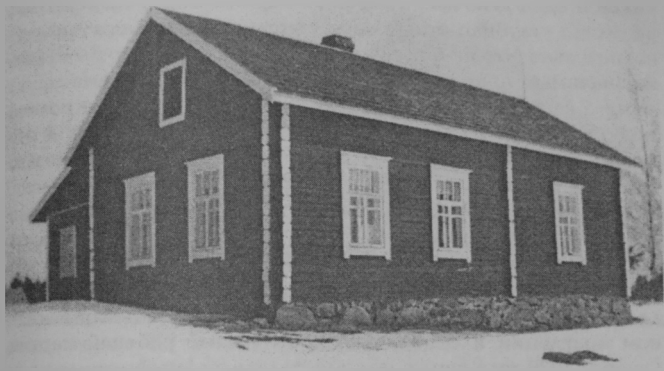
**САЛОТИЛА.** Одно из хозяйств в деревне Салокюля принадлежало Илмари и Хильде Вякипарта. Младший из братьев Илмари Юхонпойка родился на хуторе Вякеля в 1897 году. Четыре года он успел отучиться в народной школе деревни Уннункоски. В 19 летнем возрасте Илмари женится на Хильде Марии. Молодожены вначале прожили 2 года в семье родителей мужа. Вскоре Илмари получил свою часть наследства, участок земли, выходящий на берег озера Питкяярви, в одно из глухих мест волости, где стояла лесная избушка. Живя здесь, супруги застроили родовой участок всеми необходимыми постройками. С годами семейство росло. У них родилось 6 маль-



Илл. 100. Дом Канккала мельника Симо Куйсма. 1990 год.



Илл. 101. Дом под названием Хиирала Марии Купаринен ур. Куйсма. 1990 год.



Ил. 102. Хозяйство Куусела. 1930 г.



Ил. 103. Хозяин Олмилла – Аатами Суутари и почётная грамота сельскохозяйственной выставки в Ряйсяля.



чиков и одна девочка. Участок Илмари выходил на берег озера. Когда углубили сток, озеро обмелело. Семья получила дополнительно большой кусок плодородной земли, что было весьма значимым приобретением для хозяйства. На ферме держали 4—5 коров, лошадь и мелкую скотину. Участок мог полностью обеспечивать собственные потребности. Несмотря на это, хозяин искал дополнительные источники заработка: лесозаготовки, сплав, работы по осушению озера. Он также участвовал в строительстве школы Хютинлахти. Во времена кризиса начала 1930-х годов на хуторе возводится новый большой коровник, с применением наёмной силы, и за счёт банковского займа. Прибыль с участка не могла погасить долг, но была надежда на отхожие промыслы. Илмари активно работал в волостном правлении и социал-демократической рабочей партии. Осенью 1939 года семья эвакуировалась в Илмайоки, но часто меняла место жительства. Весной 1941 года получили участок для «быстрого налаживания жизни». После освобождения Ряйсяля, Вякипарта переселяются обратно на родину. Три сына воюют на фронте. Один из них оказался в плену. Двое других успели повоевать и в Лапландии против немцев. В новой эвакуации семья получила обратно свой прежний небольшой участок в Эстерботнии. Это была бывшая торпа при усадьбе, где все постройки уже стояли на местах, только всё очень скромно. В тот же год Илмари получил назначение в комиссию по выкупу участков для эвакуированных карел.

**КАНКААЛА.** В деревне Раутакопра до сих пор стоит большой дом, похожий на усадьбу. На самом деле, хозяином были мельник Симо Куйсма и жена Анна. Правая половина дома построена в 1930 годы, а противоположная ещё в XIX веке. Огромный коровник возвели в 1939 году. Симо много лет держал единственную в деревне мельницу. Приводилась она в действие дизельным двигателем. От этого же привода работала и лесопилка. Вокруг основного дома был обширный двор с множеством построек. Живая изгородь из елей служила защитой от северных ветров. У Симо Куйсма были самые крупные поля в деревне, больше 15 га пашни.

**КУУСЕЛА.** Часть деревни называлась Уля-Ворне. Хозяева Юхо Куоса и Лииса Койонен (беженка из Ингерманландии) и

9 детей. Юхо с семьёй переехал сюда из Текемлахти и купил этот дом у четы Кауппинен. Хутор Куусела находился на самом высоком месте деревни. Возможно, это обстоятельство притягивало сюда пожары. Дважды сгорала сауна, а жилой дом выгорел почти до основания ещё при старых хозяевах. На выгоревшем участке стояла



Илл. 104. В Хярьяла 1939 год. Вяйнё, Элина и их дети.

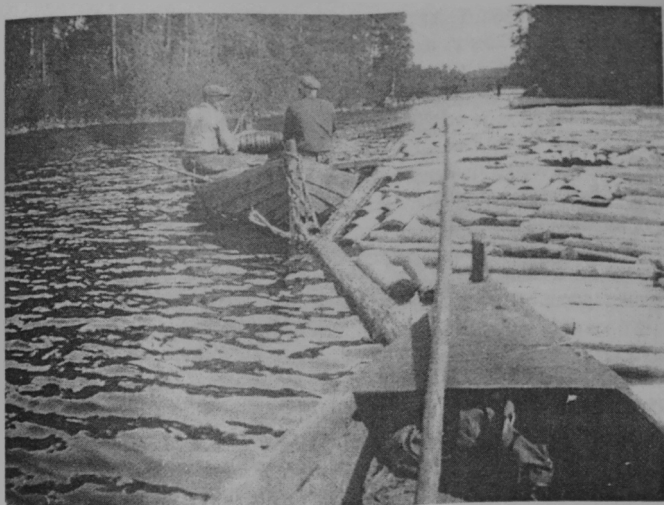
новая бревенчатая изба, два амбара, летник и предбанник. Хлев был сделан в виде длинной каменной постройки. Смерть часто заглядывала в этот дом. Две дочери умерли в детском возрасте, другие брат и сестра утонули в проруби озера Юлетлампи, по дороге из школы. Так за одной бедой приходила вторая. Но отец Юхо не отчаивался. Настроение часто менялось с весёлого на печальное, он же был карел! Как и у всех, судьбой было отпущено две эвакуации в Эурайоки, к морю.

ОЛЛИЛА. Находилась на южном берегу Олланселькя, в Вякеля. Земельный участок Оллила стал четвёртым в Хютинлахти хозяйством, подлежащим разделу. Случилось это в XIX веке. Аатами Матинпойка (тогда ещё финнов величали по отчеству) Суутари вошел в дом женихом дочери хозяина по имени Анна Вякипарта в 1857. Спустя 10 лет молодые унаследовали Оллила у родителей жены. Позднее они увеличили надел путём покупки дополнительной земли. Ферма специализировалась на полеводстве и животноводстве. Также новый хозяин занимался торговлей. Продукцию, производимую на собственной земле, привозили на продажу в Питер. В основном это были: рожь, пшеница, ячмень и масло. На первой сельскохозяйственной выставке, состоявшейся в Ряйсяля в 1880 году, хозяйка Анна получила почётную грамоту за лучшее несолёное масло. Вторая грамота досталась хозяйству за высокое ка-



Илл. 105. Вид Хютиналахти.

чество зерновых. Аатами Суутари был также судебным заседателем и активистом за создание школьного образования в волости. У супругов родилось 7 детей. После смерти родителей, в 1911 году, имение разделили на части. Сын Пекка и его жена продолжили наследование основной части надела до 1930 годов. По-прежнему, сельское хозяйство служило средством к существованию. Ферма давала возможность прокормить семью. Поля были разбросаны по многим местам. В дальней Салокюля имелись собственные леса. И в этой семье было семеро детей. По обычаю того времени, парень, женившись, приводил молодую в родительский дом. Так два сына, Армас и Вяйнё, привели невесток. Две новые семьи выкупили имение у родителей и вели хозяйство вместе, пока одни из них не построили себе новый дом. Сёстры, выйдя замуж, разъехались, но в старом доме ещё хватало жителей. Там остались старший сын Армас с женой, детьми, бабушкой и дедушкой. Так жизнь продолжалась до эвакуации 1939 года. В 1942 году семья вернулась домой и два года занималась восстановлением разрушенного хозяйства, пока новая эвакуация не решила окончательно их судьбу. В Эурайоки в 1946 году получили участок



Илл. 106. Весенний лесосплав.

земли, немного государственного леса и небольшой хутор, который затем расширяли.

О боях за Ряйсяля августа 1941 года вспоминает Маури Рясänen, офицер, командир взвода JR 43 пехотного полка 10.Д дивизии. — «В Каукола нам оставили карты Ряйсяля 1:20 000 масштаба. Таким образом, стало ясно направление нашего следующего удара. Ранним утром мы выступили. На границе волости Ряйсяля пришлось остановиться. Пока батальон завтракал, командир, и большая часть офицеров произвели разведку в сторону деревни Текемялахти. Вдруг русские начали артобстрел из тяжёлых орудий. Как раз вовремя поступил приказ офицерам снять портупеи и знаки различия. Тут же новый приказ, со своим взводом идти на помощь артиллеристам, которые вступили в соприкосновение с наседавшим противником. Кобура и портупея у меня остались на месте. Бегом пустились на западную сторону от дороги, и нашли лёгкую батарею на краю поля. Лейтенант артиллерист чуть было



Илл. 107. На зимних отхожих промыслах.

не застрелил меня, приняв за русского, так он был взвинчен. Мы отбили атаку, и орудия на конной тяге пустились наутёк. Так резво начались бои за Ряйсяля на моём участке! Мы вынуждены были принять жаркий ближний бой с наступавшими. О выполненном задании я сообщил ротному командиру, капитану Вийри. Тем временем наша рота выдвинулась вперёд и заняла позицию у развилки с примыкавшей справа к шоссе деревенской дороги, ведущей в сторону Раутакопра. Моему взводу было приказано выдвинуться в самое жаркое место, где вела бой наша рота. Разведчики впереди и остальная часть взвода развёрнутым строем, двинулись вперёд, пробираясь ольшаником. При нашем приближении к боевой линии, спереди закричали: «Русские!». Тогда мои побежали. Приказ остановиться и ругательства с моей стороны не возымели на них никакого действия, пока, через несколько сотен метров, воля не взяла верх над страхом. Разведчики нашли передовую позицию роты. Крик капитана: «Рясянен!» С собой взял командиров отделенций и пошел на розыски передовой линии ближе к главной дороге.

Там в поле, у сеного сарая была позиция нашей противотанковой пушки. За полем на дороге, ведущей в Ряйсяля, я уви-

---

Сражение при Ала-Ворне, где финны в первый раз столкнулись с новыми танками Т-34.

дел огромное стальное тело танка Т-34. Такого я раньше не встречал. Противотанковое орудие вело прицельный огонь, но снаряды отскакивали от него рикошетом! Он направился к сенному сараю и был от нас уже на расстоянии 200 метров, когда вдруг над ним взметнулся столб огня и экипаж начал вылезать из подбитого танка. Уйти далеко им не дали. Говорили, что это финская зенитка расстреляла танк прямой наводкой. Уже некоторое время спустя, слышал и другие объяснения произошедшему. Сразу после первого, появился второй танк, который начал обстреливать край леса. Со своей позиции, мне было видно, как наши противотанкисты попали в цель. Танк остановился, но с виду остался цел. По звуку двигателя определили ещё один идущий танк, но он повернул назад. На этом месте закончилось наступление отборного русского полка. Дорога на Раутакопра была свободна.

В тот же вечер получил приказ своему взводу, усиленному двумя пулемётами, занять позицию справа у каменного моста Вякеля, так, чтобы можно было обстреливать его. Договорились с группой миномётчиков, что перед нашим броском они произведут обработку местности. По какой-то причине, огневая поддержка миномётчиков запоздала и пулемётчики, рванувшись вперёд, попали под собственный удар. Огня мина разорвалась в рядах пулемётного расчёта, где было 4 человека. Один из моих людей также подошел спросить о расположении перевязочного пункта. Маленький осколок прошил грудь навывлет. Выполнили приказ последующей атакой и с малыми потерями. Заняли позицию во дворе дома. Пулемётный расчёт расположился под прикрытием дома и занял сектор обстрела с видом на мост Вякеля. Своему заместителю я дал приказ занять оборону в деревянном сарае, стоящем посреди поля. Сам отправился за связью к Юннанмяки, что был у развилки дороги на Уннункоски. Этот пункт должен был занимать третий батальон, однако там я никого не встретил и испугался, что так в сумерках может застрелить, кто-нибудь из своих. Возвращаясь к своим, держа пистолет наготове, и вдруг наткнулся на человека, идущего навстречу. Он, завидев меня, сделал ещё несколько шагов, и, перепрыгнув через придорожный за-

На этой развилке остался также брошенный трактор-тягач.

бор, помчался к лесу. Потом уже до меня дошло, что это был русский. Внезапно почувствовал сильный приступ голода. Свернул на тропинку, ведущую через ольшаник, к своей позиции. В августовских сумерках раскатистым эхом раздалась пулёмётная очередь. Пули просвистели совсем близко. С наступлением ночи всё затихло. Осталось лишь чувство голода. Ранним утром подошла смена, и нас отправили на отдых, где я встретил своего командира и командира пулёмётной роты. Начался решающий бой за деревню Тимоскала, продолжавшийся около полутора суток. Но перед этим меня ждал приятный сюрприз: целый бидон горохового супа.

Я назначался старшим в группу, состоявшую из двух взводов, посланных в помощь отряду Вийри, в сторону главной дороги. Первая рота под командованием батальонного командира капитана Вийри прервала сообщения русских и блокировала часть наступавших в районе развилки дорог Юннанмяки. Мы встретились с ним у шоссе. Капитан находился в одной боевой цепи вместе со своими подчинёнными. Взводы заняли позицию. Выяснилось, что наступление первой роты целиком лишило русских конной тяги. Теперь, находившиеся в «котле», пытались вырваться, атакуя в сторону своих. С другой стороны также предпринимались попытки к прорыву кольца окружения, направляя удары вдоль основной дороги. Из-за этого нашим пришлось держать линию на два фронта, на некоторых участках не превышавшую глубиной 150 метров. В одну из минут затишья я пробрался вперёд на разведку. Местность перед нами была завалена трупами. Вперемежку с убитыми красноармейцами валялись десятки лошадей с упряжью и передками. Дорога была залита кровью. Вскоре русские предприняли новую атаку, пытаясь пробиться к своим. Мой вестовой был убит при возвращении. Позиция, которую мы занимали, была низким каменистым холмом, поросшим соснами. Перед ней вытянулся ольшаник. Один из моих людей спросил: «А это хорошее место для позиции?» Я ответил положительно. Потом, обходя залегающую цепь, я увидел его с пулевым отверстием во лбу. От судьбы не уйдёшь! Вскоре из ольшаника появилось несколько «вань». Я достал из-за пояса гранату «лимонку» и начал вынимать чеку. «Сосед» оказался быстрее. К счастью,

я вовремя заметил летящую в мою сторону гранату, и бросил за камень. Она попала в этот камень и не взорвалась. В спешке боя хозяин позабыл её взвести и бросил как камень. Сам я на время позабыл о своей «лимонке», но сжимал её всё время в руке. Потом очнулся, она ещё в руке, и бросил в сторону противника. Наше собственное положение становилось весьма угрожающим. Мы сами находились в котле, и всю ночь не могли эвакуировать своих раненых, не говоря уже об убитых. Патроны также заканчивались. К счастью, русские винтовочные патроны подходили к нашему оружию.

В какой-то из моментов боя капитан Вийри с несколькими штабными оказался на крутой скале, нависающей над дорогой у Юванмяки. После очередной попытки прорваться к своим, они вынуждены были звать на помощь. Русские пытались подняться на скалу, занимаемую капитаном. Его группа отбивалась сверху ручными гранатами. С нашей стороны я велел передать по рядам: — «не стреляйте, идём на помощь!» Сделали громкую ложную атаку и, под её прикрытием, забрали раненых и спасли командира. Прихватили по дороге две винтовки, телефон и другое снаряжение. В течение следующего дня бои стали ослабевать и в конце мы заметили, что котёл самоликвидировался. Противник рассеялся и ушел налегке, лесом, обходя стороной наши позиции. Всё снаряжение осталось. Командир русского элитного полка был найден мёртвым внутри котла.

По полученной нами информации, он застрелился. По окончании сражения мы молились и лежали, раскинувшись на земле! Вечером поступил приказ выдвигаться в сторону кирхи, следуя с западной стороны вдоль дороги... В течение 13—18.08.41 JR 43 полк потерял 105 человек убитыми и 245 ранеными. Общие потери составили 350 человек. Около 100 человек выбыло из I батальона Вийри».

С 1941 по 1944 год, в Хютинлахти, на лёд озера Селкосенярви, было выброшено 3 советских десанта. Первый из них был задержан 8.12.41. на берегу озера силами двух ребят из подразделения по борьбе с десантом. Вторая группа сброшена и взята на следующий день. Задержанные, ингерманландские финны Тойво и Вильям Матикайнен, сдались сами и пояснили,

*Это был майор Ляшенко, командир 946 полка НКВД.*



что их заставили участвовать в этой операции. Но закон войны был жесток, и их расстреляли в комендатуре Раясяля. Третьего десантника, радиста Микко Руско, нашли в январе 1942 года. Он взорвал себя сам ручной гранатой возле одного сенного сарая в поле.

Посёлок сильно пострадал во время боевых действий 1941 года. Часть домов погибла или сильно пострадала. К 1944 году всё было приведено опять в порядок, чтобы исчезнуть вновь, уже в вихре советских коллективных преобразований собственности.

Десять первых семей колхозников из Калининской и Костромской областей расселили в деревне Раутакопра в 1945–1946 гг. Так возник, уже второй раз, после 1940 года, колхоз «Дружба». По воспоминаниям Ю.П. Свинарёва, приехало в 1945 году 9 семей. Только в трёх из них были взрослые мужчины. Группа приезжих состояла из 30 человек, большинство из которых дети. В 1947 году прибыло ещё 11 семей, 58 колхозников. С окрестных хуторов свозили к школе жилые дома. Так появился центр деревни. Колхоз активно занимался огородничеством. Первым председателем был некто Гавринков. На 1950 год в «Дружке» числилось 52 трудоспособных, 7 стариков и 13 подростков. Среди первых переселенцев были семьи Гавриленковых, Гороховы, Давыдовы, Плошковы, Хрупунеры. Колхозники держали 7 коров, 10 свиней, 15 овец, 25 кур и 9 лошадей. Выращивали зерновые культуры: пшеницу, ячмень, овёс, а также капусту, морковь, картофель. В 1950 году колхоз закончил своё существование, влившись вновь образованный «им. Кирова», с центральной усадьбой в деревне Горы. В наши дни сельским хозяйством в Коверино занимаются лишь дачники. Большую финскую школу использовали по назначению до 1955



Илл. 108. Свидание с ролным домом спустя 50 лет. 1990 год.

года, после чего разобрали и перевезли в посёлок Мельниково, где она впоследствии сгорела. Учителями здесь работали Жилин А.П. и Волкова Зоя Фёдоровна. Когда школу увезли из деревни, эта женщина продолжала ещё несколько лет вести уроки для младших классов в помещении школьной сауны. Потом закрыли и эту школу. Зоя Фёдоровна переехала в Мельниково, где учительствовала в местной школе.

По постановлению общего собрания работников колхоза «Дружба», зимой 1948 года, деревня Раутакопра — (часть Хютилахти), получила наименование «Озерки», спустя полгода переименована в деревню «Дружная», затем в «Коверино». Последнее, видимо, образовалось по фамилии погибшего воина, сведения о котором отсутствуют. В ходе укрупнения хозяйства к деревне присоединили селения Вякеля и Юппала.(?) Само Хютилахти, становится деревней Комарово, (якобы по переводу с финского), позднее Кедровкой. Локинанпелто получила название «Рудаково». В наши дни уже никто не знает, наверное, где находились деревни с такими именами.

### **Алхотоя (Alhotoja) – урочище Новосёлки**

Пустынно выглядит место, где 60 лет назад существовала большая деревня и жизнь была ключом. Всё заросло травой и кустарником. Лишь старый каменный мост на дороге [ныне дорога Васильево — Балаханово] 1935—1936 годов постройки, переброшенный через протоку Мёммёнсалми [ныне протока озера Новосельское], бывший современником деревни, сохранился от всей деревни Алхотоя, состоявшей из 65 дворов.

В своё время она делилась на 8 частей. Дома вытянулись вдоль берегов протоки, ведущей из озера Торхон [ныне Балахановское] в Хелисевянъярви [ныне Любимовское]. Северовосточная часть деревни называлась, как и протока, НАСАРЛАХТИ. Здесь насчитывалось 15 домов. Напротив располагалось 4 двора с единым названием КОЛККАЛА. У перекрёстка дорог, [нынешних Мельниково — Балаханово — Васильево], на южном берегу находилась основная часть деревни АЛХОТОЯ и ХОЛМОКОРПИ. Это составляло ещё 15 и 5 хозяйств соответственно. КЕСОСЕНМЯКИ, состоявшая из 5 домов, была

напротив острова Кауниссаари [ныне Красавица]. На мысу, вдающемся в озеро Торхон, 4 хозяйства КАСНИЕМИ. Вдоль дороги в сторону нынешнего Балаханово, стояло ещё 7 дворов ХЯРККОРПИ и 4 МЁММЁНСАЛМИ.

НАСАРЛАХТИ был небольшой частью деревни, затерянный в глуши, где традиции востока и запада переплелись и не были столь определённые, как в других местах. Во всяком случае, чужаки считали, что здесь живут ещё старым православным укладом. Даже в XX веке местные жители прозывали картофель по-старому: «земляным яблоком» и, не строили, в большинстве случаев, земляные погреба для хранения запасов на зиму. Вообще, выращиванию «земляных яблок» здесь не придавали ещё большого значения. Топоним Насарлахти можно перевести как Залив Назария, в память о человеке, носившем православное имя? Здесь проживали семейства Виртанен, Лякекангас, Томминен, Месканен, Никки.

КОЛККА. Жители появились в Колка с 1907 года. Одна часть крестьян жила, в основном, занимаясь возделыванием полей, другая — работой в лесу. Зимой находилось больше работы на лесосеке, а летом, самым крупным фермерам требовалась дополнительная наёмная рабочая сила. Здесь жили семьи Яванайнен, Тепери, Косонен.

ХОЛМОКОРПИ. Эта часть деревни исторически принадлежала церковной деревне Ряйсяля, поскольку земли когда-то относились к усадьбе Ряйсяля хови. Только в начале 1930 годов их разделили на крестьянские наделы. Лес при этом не продавался. Его разработками занималась лесопильня, принадлежавшая усадьбе, а новые хозяева лишь нанимались в помощь на делянках. Упоминаются среди жителей, фамилии Котти, Косонен, Похьйолайнен.

МЁММЁНСАЛМИ. Наделы располагались между каналом пролива Мёммёнсалми и Насарлахти. Если двигаться по дороге в сторону Тиури, сразу за мостом Ниеменмяенсилта направо отходила лесная дорога, которая приводила к 4 домам Мёммёнсалми. На холме находился первый дом, хозяева которого, по фамилии Томминен, переехали сюда из волости Яаски. За холмом Синккосенмяки, стояли дома Хейкконена, Месканена и Анти и Лийсы Томминен.



Им. 109. Школа в Алхотоя.

КЕСОСЕНМЯКИ. Южнее моста сразу начиналась Кесосмяки. Издавна эта часть деревни принадлежала к землям Тиури. В середине XIX века, в Тиури переехали чета Матти и Марья Кесонен. У них родилось 3 сына. Один из них, по имени Матти, получил в наследство участок Кесосенмяки. Его братья Юхо и Мартти разработали себе участки леса под пашню в 3 километрах отсюда, на другом берегу Вуоксы. Они поставили себе общую избу и стали жить там семьями. Место стало называться Кесосмяки. Спустя десятилетие братья разделили своё хозяйство. Юхо построил себе новую избу, в полукилометре от старой. У Юхо и жены Марии родилось с 1881 по 1906 гг. 10 детей. Трое из сыновей умерли в детстве. Три дочери, в своё время, вышли замуж и разъехались. Один сын остался холостяком и жил отдельно. Трое других сыновей вместе со своими женами также выстроили себе новые дома, разделив надел земли на три части. Так появился один из новых углов деревни Алхотоя. Если раньше, ещё в XIX веке, семьи жили старым укладом, нераздельным хозяйством, то теперь стали резать старые участки на лоскутья, отделяясь от родителей.

Центр деревни располагался у развилки старого шоссе Ряйсяля – Выборг и Тиурской дороги [идущей ныне на Васильево]. Там же находились магазин и школа. Первые жители деревни расчищали лесные склоны, превращая их в поля. На неудобьях строили жильё. Но людей стало селиться значительно больше в Алхотоя после того, как в 1857 году расчистили протоку в Кивиниеми [ныне Лосево]. После спуска воды появилось много новых плодородных полей. Прибрежные луга давали также богатый урожай трав.

Озёра, соединяющие их водные системы и качественные леса создавали предпосылки для дополнительных заработков населения. Крупнейшими владельцами здешних лесов были хозяева усадеб Иваскан-хови и Ряйсяля-хови, а покупателем лесопильный завод Алстрёма в Пёлляккяля [ныне Барышево]. Заготовленные зимой и сложенные вдоль берегов брёвна по весне шли молевым сплавом через Насарлахти в Торхон. Там брёвна связывали в плоты и транспортировали буксирами по большой воде в Вуоксу. В районе деревни узкий канал Насарлахти был укреплен деревянными стенками. Перед озером Хелисевянгарви находился сохранившийся до наших дней шлюз для подпора весенней воды в канале.

Первая школа в Алхотоя, как и везде, была переездная школа, которая кочевала из деревни в деревню. Детей наскоро учили счёту, письму, чтению и основам религии. Обучение это было добровольным и предназначалось для детей начиная с 7-летнего возраста. Народную школу Алхотоя образовали указом волостного правления в 1919 году. Она начала работу в арендованном для этого помещении, и только осенью 1926 года получила собственное здание. По первоначальному плану, детей предполагалось принимать и из соседней волости Вуоксенранта, и в связи с этим, школу построили несколько больших размеров, чем требовалось собственному школьному округу. Однако население быстро прибавлялось и помещение не пришлось перестраивать позже. В школы Алхотоя и Кюнсиярви был назначен один учитель. С 1936 года школа Алхотоя перешла на нормальную 36 недельную систему обучения. История обучения заняла периоды 1927 – 1940 и 1942 – 1944. Много лет учителем здесь был Вилхо Хейкконен, руководивший и местным хором.

О своей Зимней финской войне вспоминает Милья Кесонен: «...Мне тогда исполнилось 18 лет. Мы занимались обработкой льна, когда услышали канонаду. Тем же вечером в деревню прибыли первые беженцы из Рауту. Солдаты, 70 человек артиллеристов, стояли у нас ещё с начала октября. Потом пришли сапёры. Затем, и уже до самого конца войны, квартировали артиллеристы из Каухайоки. Женщин и детей отправляли сразу в эвакуацию. Я с отцом и двумя сёстрами осталась ухаживать за скотиной. Отец не смог больше слышать неумолкавший шум войны и уехал вслед за остальными. Братья были на фронте, и отец очень за них переживал. До самой весны мы не получали от них весточки. Помню, как хоронили в Раясяля первых погибших. Это было 6 декабря, в День независимости. Стояла сильная пурга. А в это время мимо, по дороге, как тени, проходили люди, ведя свой скот и унося пожитки куда-то в неизвестность. Вскоре все гражданские покинули район. Лишь мы, скотницы, остались добровольно, чтобы работать, снабжать солдат фронта молоком. Серьезно подумать о войне не было времени — слишком много работы. Ради соблюдения маскировки, готовили еду, стирали бельё только по ночам. Правда, дневной кофе всё-таки варили, но в блиндажах. Для того, чтобы выскочить на улицу, требовалось напяливать до ушей маскировочный халат. На Рождество солдаты устроили праздник, на который позвали и нас. Когда возвращались из рождественской церкви в Алхотоя, слышали, как коровы мычат в хлеву. Оказалось, что их мучает жажда, так как водопровод замёрз. Пришлось всё бросить и срочно носить воду вёдрами. Когда фронт зашевелился, нас перевели подальше, в усадьбу священника, где в трёх хозяйствах были коровы. Каждая из нас должна была обслуживать по одному скотному двору. Брат нас привозил туда каждый день на машине, 11 километров в один конец. Чтобы спрятаться от вражеских самолётов, часто приходилось пережидать, лёжа в какой-нибудь придорожной канаве. В редкие свободные часы мы бывали в церкви и снова принимались за работу.

Однажды, когда мы были заняты дойкой коров, солдаты позвали нас послушать радио. Передавали сообщение о заключении мира. У нас выступили слёзы на глазах, так суровы были

его условия. Вот и нам предстояло уходить вслед за другими. Вместе со скотиной пошли пешком в сторону ст. Каукола. Когда по пути мы встречались с солдатами, у тех глаза лезли на лоб от удивления, что в зоне боевых действий находятся гражданские! Правда, пропуск, выданный в кирхе, нам прогледали несколько раз по нашей просьбе. Мы всегда упрашивали оставить нас ещё на один срок, так велико было желание побыть еще хоть немножко на родине».

Советские переселенцы успели организовать на опустевших землях колхоз «им. Чапаева», но вскоре вернулись хозяева.

Прошло полтора года. Сеппо, сын учительницы, вспоминает о возвращении на родину: «После летней кампании 1941 года, вернувшееся в деревню Алхотоя население стало просить маму, находящуюся еще в эвакуации, а до войны работавшую в местной школе учительницей, переезжать обратно, чтобы начать занятия. Мама дала согласие. Зима ещё не кончилась, и стояли морозы, когда мы приехали на место. Здание стояло промёрзшим, так как его не обогревали всю зиму. Пришлось временно устроиться у соседей и протапливать школу трое суток. В доме не осталось даже мебели. У знакомых одолжили стол и из леса притащили три стула. Кроватей тоже не было, спали на полу. ...Готовить пищу стало сложнее: русские сняли все плиты в печах. В порядке остались лишь кафельные печи в комнатах. Когда их затапливали, то клали в топку два кирпича, а на них сверху пекарную форму. Воду из колодца вначале тоже не могли использовать, поскольку там нашли труп человека. Только весной колодец прочистили и продезинфицировали. Вода стала опять пригодной для питья. После летних боёв, рядом с нашим школьным домом, в соседнем лесочке можно было найти много разных вещей, оставленных русскими. В один из дней ребята притащили в класс ручную гранату и положили на учительский стол. Когда учительница увидела такой «подарок», то очень испугалась и криком всех заставила выйти во двор. Учительница ведь не знала, боевая граната или нет. Затем она сообщила военным, и гранату унесли. Однажды притащили самовар, но никто из деревенских не захотел его брать, и, в конце концов, он оказался на свалке. Откуда-то достали перину. Мама обрадовалась, что из неё выйдут

отличные подушки для нас. Перину разрезали, а пух пропарили в сауне. Работу пришлось проделать большую, но подушки получились превосходные. Во всём чувствовался недостаток. В сауне мать варила мыло из очисток картофеля. Самым интересным местом для игр был для нас тогда блиндаж, вырытый рядом со школьной оградой. Там играли в прятки. Когда протапливали сауну, мне поручали лезть на крышу и держать над трубой щит, чтобы тепло не уходило. Видно задвижки у нас никакой не было. Как-то раз мне показали пехотную мину и строго наказали остерегаться таких вещей. Недалеко от школы был бор, но одних нас туда не пускали. Мы, правда, всё равно ходили и приносили грибов. В 1942 и 44 годах, школу обслуживали военнопленные. Они заготавливали дрова и таскали из колодца воду. В благодарность мать давала им хлеб. Она всегда хорошо к ним относилась и хотела помочь, хотя у нас у самих еды было слишком мало, чтобы утолить голод. Мама всегда приговаривала, что ведь и они люди. Картофельные очистки тоже шли у них в еду. Некоторые пленные ели корневища тростника, или каких-то водных растений, так велик был голод. Отец ещё служил в армии, а мы жили в школе. Я ходил уже в пятый класс, а сестра Сейя в первый. Диверсантов в то время было много. Как-то мать купила в магазине большой хлебный нож. По ночам она всегда его прятала и считала, что его не должно быть видно, если какие диверсанты нагрянут ночью.

У матери был большой класс, где ученики разных возрастов учатся вместе. Отца вскоре отпустили домой, но ему пришлось остаться учителем в соседней Маккола. Так мы виделись только по выходным, когда он приходил к нам пешком ...».

Новая эвакуация состоялась в июле – августе 1944 г. Однако вскоре многих трудоспособных обязали вновь вернуться для уборки урожая. Была организована «Трудовая армия». В Алхотоя на уборочных работах задействовали отряд местных жителей и другой, собранный из военных. — «Уборочной техники на местах ещё хватало. Молотилка Рупонена и бензиновый двигатель были ещё в рабочем состоянии. Все жили и работали одним «колхозом», так как собирали урожай для государства. Так мы и проработали до 19 сентября, когда заклю-





Илл. 110. Мост через протоку Мёммёнсалми 1936 года постройки. 1989 год.



Илл. 111. Остатки стенок в русле Мёммёнсалми. Построены во времена молевого сплава леса в Вуоксу. 1989 год.

чили мир, который нас всех удручил. Снова в эвакуацию» — из воспоминаний Ээвы Паавилайнен.

Ещё в 1940 году советские переселенцы образовали на этих землях колхоз «им. Чапаева», с центром в Хярккорпи. Там находились сельсовет, медпункт, дом культуры. 10 июля 1947 г. местный исполком переименовал Хярккорпи в «дер. Болотная», но название это в дальнейшем нигде не прослеживается. Ветеран колхоза «им. Ломоносова» Б.И. Зыков вспоминал, что при втором переселении в 1950 году, хорошие дома колхозники разбирали и перевозили, а дома похуже бросали. До своей ликвидации и запустения, в колхозе числилось 43 трудоспособных. Сеяли рожь, пшеницу, горох, ячмень, картофель, капусту. За выполненные трудодни колхоз расплачивался зерном. В 1950 году он ещё состоял из 18 личных колхозных дворов и 70 человек, в том числе: 13 мужчин, 30 женщин, 3 престарелых и 17 подростков. Держали 17 коров, 18 свиней, 11 лошадей, из которых 8 рабочие. Судя по показателям труда, пишет Ю.П. Свинарёв, колхозники работали из-под палки или делали вид, что работают. Часть земель нынче уже относится к Ромашкинской волости. Другой колхоз «им. Пушкина» существовал по соседству, на основных землях деревни Алхотоя. Это место теперь и называется урочищем «Новосёлки». В 1946 году в нём числилось 85 человек, из которых только 40 были трудоспособны. Среди колхозников не было ни одного мужчины 1900 — 1927 годов рождения, которые могли бы составить са-

мую трудоспособную и активную часть населения. Председателем колхоза, до его ликвидации в 1950-х годах, работал Калентаров Г.М. Колхоз первого состава включал семьи Бугровых, Желудковых, Засимовых, Калентаровых, Карабулиных, Князевых, Люгановых, Маховых, Назаровых и других. Выработка членов коммунистического кооператива иногда составляла по 365 трудодней в год!? 10 июля 1947 года на заседании исполкома Тиурийского сельсовета деревня Алхотламп (Алхотоя) получает наименование «Сосновка». В документе от 11.01.1948 приведен также и частично верный перевод названия с финского — «Начало ручей». Позднее Алхотоя была переименована в «Новосёлки».

Вероятно, здание школы уцелело и простояло несколько послевоенных лет. Баня, принадлежавшая ей, упомянута при очередном укрупнении и слиянии колхозов ещё в 1960 году.

До наших дней от этого колхоза сохранилось лишь название моста, точнее трубы брошенной на месте старого моста через протоку Алхотоя — «Пушкинский мост». Ныне на месте деревни осталось урочище под именем «Новосёлки».

### **Сиирлахти (Siirlahti) – Заветное.**

**Ламминаутио (Lamminautio),**

**Нейтсюткаллио (Neitsytkallio), Виртеля (Virtelä),**

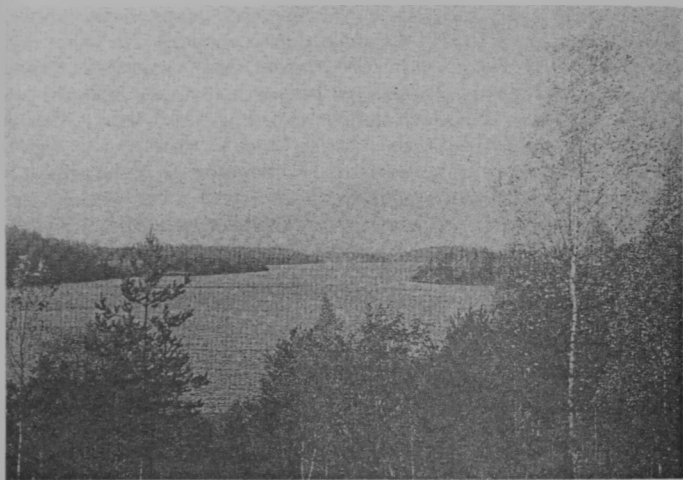
**Левеалаhti (Levealahti), Юоксемакюля (Juoksemakylä)**

Самая западная часть Ряйсяля, порубежная деревня Ореховецкой границы 1323 года, Сиирлахти, ведёт свою историю с глубокой древности. Уже в наше время, в 1999 году, вокруг озера Юоксемайрви [ныне озеро Большое Заветное], вдоль древней береговой полосы, выявлено 8 стоянок эпохи каменного века. Территория Сиирлахти заселена уже, по крайней мере, 4000 лет. Пограничное место Ореховецкого мира полуостров Раясаари, или Рускеавуори по-старому, находится на озере Хелисевянъярви, рядом с нынешней деревней Маслово (Янтула). В последующие века она служила границей волостей Ряйсяля и Кирву. Эта линия пересекала узкий залив озера Хелисева и шла на север, ограничивая земли деревни Сиир-

[illegible]

лахти. Здесь прошла и так называемая, «военная дорога» или «старый тракт», расчищенная, по преданию, войском Понтуса Делагарди во время его похода на Корелу, в 1580 году. Она связала Выборг с завоеванным Кексгольмом и вела далее в Сортавала. В Сиирлахти был в своё время постоянный двор.

Деревня располагалась на Т-образном перекрёстке дорог. Отсюда отходила дорога на юг, в центр волости. По качеству, она была хуже Кексгольмского тракта. Два вытянутых вдоль поселка озера, залив Сиирлахти [ныне Заветный], давший название деревни, и Юоксемаярви входили в его черту. Залив Сиирлахти, протяженностью более трёх километров, и очень узкий, местами, ответвляется от главного русла Хелисева и в восточной оконечности плавно переходит в поля и земли деревни. На самом западе находилась деревня ЛАММИНАУТИО, входившая в Большую Сиирлахти. Старое шоссе прорезало её земли. Ламминаутио в переводе означает «Пустошь при ламбе (маленьком озере)». Пустошей во время военных действий между большими странами всегда хватало в бедной Карелии. В 1846 году здесь было 2 дома, принадлежащих земледельцам по имени Пярттюли Йортиikka и Юхо Элианович Лавонен. В 1908 году земля последнего была поделена на части, и хозяева сменились. Одна часть досталась Олли Вякипарта. Хутор получил название Харьюла, и был во владении семьи до 1935 года. Другую часть, с названием Рантала, выкупил Антти Антинович Сеппя. Перед последней войной хозяином здесь стал Юхо Хякли. Земельный участок Йортиikka выкупил в 1903 году Матти Матинпойка Патьяс. Этому хутору с древности принадлежал участок в Лейплахти, который имел название «Монастырская земля». Возможно, название это закрепилось ещё с новгородских времён. В писцовой книге 1568 года, мы находим упоминание о деревне «Салма Люттеева на волоке, что был починок». Принадлежал он попам Воскресенского монастыря города Корелы. В описание попадает деревня Хютинлахти, а также обозначен волок. Система озёр, нынешние Любимовское, Большое Заветное, Рудаковское, несколько сотен лет назад составляли также судоходную систему, на которой, правда, уже существовали волоки. На плане деревни за 1944 год, здесь обозначено 5 дворов. Через километр пути, в сторону центра Сиирлахти, дорога минует местечко НЕЙТСЮТКАЛЛИО (Девичья скала в переводе). Шесть домов этой деревни поровну распределялись по обеим сторонам от дороги. Материнским стало наследственное владение Яаскеляйнена, откуда пошли остальные дома семейств Пелконен и Тонтти. Сам хозяин Яаскеляй-



*Илл. 113. Вид на озеро Хелисевяньярви. На горизонте видны горы и остров рягом. Это Ореховецкая граница 1323 года – Рускийисселькя, Рускеавуори и остров Раясаари.*

нен был в составе волостного правления в начале XX века. Дальше этого места дорога подходит к перекрёстку, откуда начинались хозяйства самой СИИРЛАХТИ. Здесь был центр деревни. Слева сохранился один старый дом. Вероятно он принадлежал раньше крестьянину Симо Куйсма.

В районе самого перекрёстка и на месте созданного в советские времена лагеря «Космос» было 15 домов. Здесь в 1906 году построили народную школу, напротив которой в 1939 году возвели кирпичный дом местной организации шюцкор. Достаточно ранним появлением своей школы деревня обязана неутомимой деятельности Туомаса Яяскеляйнена, члена правления. В те годы ещё было общим мнение о том, что создание школ ведёт к излишним затратам общинных средств. Переломить эту точку зрения мог не каждый. Школа начала свою деятельность с 1904 года, за два года до постройки собственного здания. Школьный округ Сиирлахти вместил в себя все мелкие деревни и отдельные хутора в радиусе 5 километров. Бес-



Илл. 114. В центре поселка Заветное, Фото 1991 г.



Илл. 115. На новом велосипеде. 1934 год.



Илл. 116. Строительство коровника Паавелайнена в 1938 году.

сменным учителем проработал, вплоть до 1944 года, Антон Перттула. Несколько поколений учеников считали его образцом представителя своей профессии. Основа успеха учителя: крепкая дисциплина, доброжелательная атмосфера и личные качества преподавателя. Второй учитель появился только в 1920-х годах. Обучение тогда длилось 4 года, и включало следующие дисциплины: урок религии, родной язык, география, история, счёт, основы геометрии (измерения), природоведение, рисование, чистописание, пение, физкультура и труд. Знания оценивались по 10-бальной системе, существующей в Финляндии и теперь. В 1930-е годы для народной школы становится нормой 7-летнее образование. После «семилетки» единицы жаждущих знаний, попадали в лицеи и профессиональные училища. Существовала также система различных курсов для взрослых.

Если от перекрёстка повернуть в сторону центра волости, на юг, то через 4 километра пути, начинались земли маленькой деревни ВИРТЕЛЯ. 14 домов поселения располагались с запада от дороги, севернее Лепялахти [нынешнего озера Заветное]

*«Я помню те маленькие холмы, на которых стоял наш дом. Мимо построек участка тёк ручей, который потом впадал в озерцо, называемое Мерталампи [ныне озеро Прорезное]. Там*



Им. 117. Вид на Левеалахти. Фото 1930-х гг.

было место, где полоскали бельё. На берегу стояла наша сауна, а выше, на южном склоне жилой дом, другие постройки и поля. За ручьём был очень хороший ключ, где мы брали питьевую воду для кофе и приготовления пищи. Дальше дорога поднималась на высокий холм и мимо двух соседских домов шла в Левеалахти» — вспоминает Хилка Поикселькя. Если свернуть на запад по лесной дороге, то окажешься на берегу Хелисеванъярви [ныне оз. Любимовское]. Там, вытянувшись вдоль берега залива, находилось ещё 12 хозяйств деревни ЛЕВЕАЛАХТИ (в переводе Широкий залив, а ныне ур. Тихое).

Здесь, в частности, стояли дома семейств Рёкся, Пекарила, Меронен, Илли. Все жители являлись рыбаками. В старое время было принято ловить рыбу большим общим неводом. Такой невод держали и в Левеалахти. Ловили им и зимой. Обычно вся деревня участвовала в такой рыбалке. Попадалась рыба разной величины, которую затем делили поровну между участниками ловли. Общей заботой было поддерживать невод в порядке. В каждом доме были свои мережи, сети, лабиринты-катишки. Дети ловили на удочку. Никто не возвращался на берег без улова. На хуторе Пекарила хлебопашество и животноводство были основными занятиями. Зимой работали в лесу, а летом в поле. Лесозаготовки заканчивались весной. Затем





*Илл. 118. На уборке хлеба.*



*Илл. 119. Двойная свадьба в доме Пярттюля.*

начинали свозить брёвна на берег озера, готовя к молевому сплаву. Весной также заготавливали и кололи дрова. Существовала традиция: лошадей, которые целый день работали на пе-



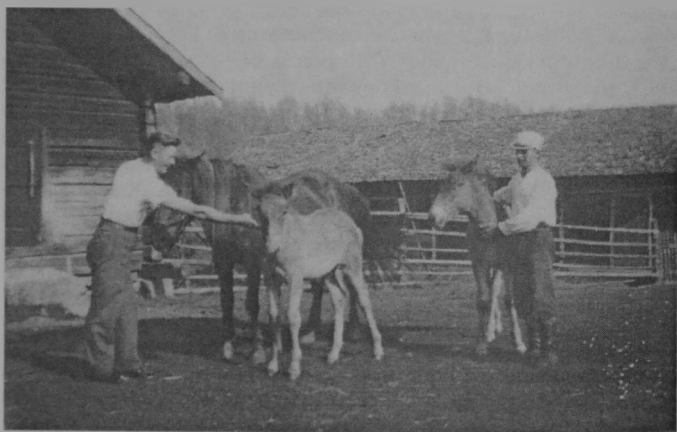
Илл. 120. Резервисты из Похьянмаа на постое. Осень 1939 года.

ревозке брёвен, кормили свежеспечённым хлебом. Затем шли весенние посевные работы. Коров и овец отпускали пастись свободно в лес. После окончания сенокоса на прибрежных лугах, туда перегоняли скотину. Местные коровы были породисты и продуктивны. Молоко, довольно жирное, пропускали через сепаратор. Полученные сливки сбивали в масло и везли на продажу. Эту работу выполняли круглый год. Хлеб обмолачивали моторной молотилкой прямо в поле. Картофель стали убирать с помощью машины — копалки, но только в последние предвоенные годы.

Много крестьянских хозяйств располагалось также южнее озера Юоксемяярви [ныне оз. Бол. Заветное]. Два десятка дворов находилось в пространстве между берегом озера и нынешним урочищем Заветное. Десять домов было построено вдоль северного берега Юоксемяярви и несколько хозяйств основали глубже в лесу, — так появилась деревня ЮОКСЕ-МАКЮЛЯ. Здесь хутора Сиирлахти граничили с теми, что от-



Илл. 121. Семья Маласка, 1930 год.



Илл. 122. Хозяйство Ола, 1938 год.

носились к школьному округу, расположенного восточнее Хютихлахти. В 1944 году общее количество дворов, относившихся к школьному округу Сиирлахти, составляло 93.

Хотя хозяйства в большинстве и были полунатуральными, в XX веке, без магазина такой большой деревне не обойтись. Местную лавку держал торговец Армас Куйсма. Основными товарами были соль, сахар, кофе и мука. Некоторые хозяйства не выращивали хлеб сами, а покупали муку в магазине. В то время хлеб пекли дома. Готового в деревенских магазинах, и не предлагали. Если у покупателей не было с собой денег, товар отпускался в кредит, и в особом журнале делалась запись. Когда появлялись в семье деньги, то разом выплачивали долг. Большинство деревенских были честными, но один вороватый мужик всё-таки водился в Сиирлахти. Этот Култа-Юсси пытался как-то ночью залезть в магазин, но хозяин вовремя проснулся. Воровством славились и цыгане, которые иной раз появлялись в деревне.

Питание было простым, натуральным, но разнообразным. Рыба, хлеб, молоко, ягоды, мясо, всегда были на столе. По праздникам готовили из привозных продуктов: риса, сухофруктов, с добавлением изюма и пряностей. Для ежедневного приготовления пищи использовали печу, не говоря уже о специальной выпечке: пирогах с рыбой, творогом, ягодами и киселей. Уху готовили, добавляя молоко. Самым известным блюдом национальной карельской кухни являются «Карьялан пийраккат» — карельские пирожки. На тонкие полоски ржаного теста кладут открытую начинку: картофель, рис или морковь. Тесто поджимают по бокам и ставят в печь. Получаются плоские, овальной формы пирожки, без которых не обходится ни один праздник.

Рождество в конце XIX, начале XX веков справляли в карельской деревне не так как теперь. Украшение рождественской ёлки ещё не вошло здесь в моду. Обычай дарить подарки, тоже не был знаком простому люду. Однако, несмотря на это, к Рождеству готовились, его встречали. В первую очередь еды и питья должно быть на столе так много, как только может позволить хозяйство. В сочельник топили рождественскую саууну раньше обычного срока. После бани, всё семейство собиралось послушать главу семьи, читавшего выдержки из Биб-

лии. Затем хором исполняли псалмы. По обычаю, в день Рождества все хотели посетить церковь. Дорога была для многих дальней. Поэтому из дома выходили в ночь, или рано утром. В окнах домов зажигали свечи. Те, у кого не было лошади, шли пешком. Остальные отправлялись на запряжённых санях. На лошадь подвешивали колокольчик. Поскольку в эту ночь на дорогу выходило и выезжало почти всё население прихода, сани шли вереницами. Путники пробирались через заснеженные леса. Встречные дома дарили мерцающий свет своих окон. Кульминацией праздника было вхождение в Рождественскую кирху, украшенную сотнями горящих свечей. Настроение сразу становилось торжественно-праздничным. Возвращались со службы в течение следующего дня. Между санями, при этом, часто устраивались соревнования на скорость и выносливость лошадки. Остаток Рождества проводили дома в кругу семьи. На следующий день, по обычаю, ходили в гости, много пили и веселились, кто как мог. Новый год и Лоппийainen (последний день праздника) отмечали также в серии рождественских праздников, но не так празднично. В конце весёлой декады, было принято делиться впечатлениями, кто как встретил Рождество.

Ну вот, наступила осень 1939 года. Мирная жизнь карельской деревни подходила к концу. Весь октябрь через Сиирлахти шли резервисты из Похьянмаа. На ночёвку останавливались в домах. Среди своих односельчан было 16 мужчин членов шюцкора, и 15 лотт. Кроме этого существовало подростковое отделение шюцкора. К такому отряду принадлежал и подросток Олави Куйсма, который поделился своими воспоминаниями: *«Я вступил в подростковое отделение шюцкора Ряйсяля в 1936 году». С нами проводили много занятий: летом лагерь, общие спортивные дисциплины, зимой лыжные соревнования. Резервистов Финляндии призвали на внеочередные сборы 9 октября 39 года. Когда 30 ноября рано утром советские войска перешли границу Финляндии, и началась Зимняя война, нас вызвали на следующее утро в дом шюцкора. Началась охранная служба. Винтовки и униформа у нас были свои. На каждом перекрёстке дорог решили выставить часового, так*

---

*В 14 лет (прим. переводчика).*

как боялись диверсантов и шпионов. Когда стоишь один на часах, а дело уже к вечеру, подползает довольно неприятное чувство страха, а мороз всё крепчает... Большая часть домов, к тому времени была уже пустой. Взрослых и детей перевезли в более безопасное место. В один из дней решил сходить посмотреть, в каком состоянии остался наш дом, после того, как мать и младшие сёстры отправились в эвакуацию. Двор и окрестности оставались безжизненными, покрытые толстыми сугробами. Жутью веяло от этой картины. Забрался в погреб за маминым земляничным вареньем. Открыл одну банку и решил, что сейчас полакомлюсь. Однако душевное состояние было такое, что варенье показалось безвкусным...

В декабре нас отправили на одно из озёр в охранение. Самолёты, летавшие над нами, все были бомбардировщиками. Через некоторое время нас перебросили к кирхе Ряйсяля копать укрытия-щели. Канавы копали глубиной два метра. Винтовки держали всё время при себе. Если самолёт летел над нами, начинали во всю палить из них, но, вероятно, лётчики об этом даже не догадывались. Похороны на братском кладбище устраивались часто. В Зимнюю войну погиб 71 житель Ряйсяля. Мы, ребята, всегда ходили в почётный караул и давали прощальный залп в честь павших солдат. Потом нас перебазировали в шхеры Вуоксы, на Ховисаари. По льду озера сделали контрольные лыжни, которые нам поручали охранять лыжным патрулированием. Тогда уже наступило время, когда самолёты стали гоняться за отдельными людьми. Как-то мы с приятелем переходили открытое болото, как вдруг, над головами появилось три самолёта, которые стали вести по нам бешеный огонь. Мы бросились под защиту лежащей сосны, но, всё равно нас было хорошо видно. Маскировочных халатов тогда ещё не выдали. Снег кипел вокруг нас, однако пули просвистели мимо.

Мне исполнилось 17 лет 27 февраля 40 года. В этот день, видимо в мою честь, со стороны Вуосалми, слышалась мощная канонада. 13 марта я один выполнял патрулирование своего района. Русские батареи вели мощнейший огневой налёт, но в одночасье всё стихло. Посмотрел на часы. Было ровно 11 утра. В 12 часов закончил своё дежурство. Тогда уже узнал, что закончилась война. Мы были очень счастливы, что наступил мир,



Илл. 123. Женщины Сиирлахти уходят по старому тракту в эвакуацию. 1944 год.

но ещё не знали об его условиях, что Финляндия лишится всей Выборгской губернии. Рюкзак за спину, винтовку на плечо и начался последний лыжный поход в «обрубленную» договором Финляндию. Первый привал сделали у церкви, пройдя 20 километров, и совсем выдохлись, когда дошли до места».

Один из жителей деревни Ламминаутио, Антти Патьяс, узнав о заключённом мире и о линии новой границы, погрузил зерно на сани и погнал груз за новую границу. Там, в приходе Симпеле, нашел полупустой дом и сгрузил товар. Тут же пустился обратно за вещами и дочерью, которая осталась паковать вещи. Навстречу шли колонны солдат и с удивлением кричали старику, что он, дескать, перепутал направление, и что скоро навстречу выйдут русские. Его задержали, но всё же отпустили. Так он успел сделать вторую ходку. Ночью приехал, а утром нужно было уже выступать. Передовые части русских были уже в церковной деревне Раясяля. Свои солдаты, проходя мимо, подгоняли старика. Антти успел ещё заскочить в картофельный погреб. Он смахнул с полок все запасы

варенья со словами: *«Пускай и рюся их не едят!»* Груза набралось так много, что не всё влезало в сани. Выехав за ворота, воз дважды опрокидывался. К счастью солдаты подбежали вовремя и помогли снова уложить вещи. Так они и отправились вместе с последней ротой, покидавшей Ряйсяля и Кирву. Задачей подразделения являлась проверка всех оставляемых русским домов. В волости Кирву колонна остановилась у большого скотного двора Лосин Матти. Скотина была брошена в хлев. Капитан Пааласвуо отдал приказ забить все 20 коров. — *«Если бы с ними был хоть один погонщик, я бы их не тронул и выгнел солдат для перегонки скота»* — оправдывался он. Солдаты сопровождали крестьянина до самого конца, помогая втаскивать сани в гору. Так отец семейства успел сделать две ходки из оставляемой Карелии. Другим карелам повезло меньше. Многие оказались на новом месте только с тем, что унесли в руках. Не у всех были и лошади. Военные перед войной забирали в хозяйствах всех лошадей, кроме последней. Жителям пришлось оставлять саран, забитые сеном и дровами, заготовленными на несколько лет вперёд, подвалы с заготовками, картофель, зерно.

О первых советских переселенцах известно лишь то, что они начали разбирать дома деревни Ламминаутио и перевозить их в колхоз, который планировалось организовать в соседней волости Кирву [ныне Свободное].

11 августа 1941 года Сиирлахти была взята финнами. При этом состоялся бой, в котором погиб, в частности, один солдат, уроженец деревни, по имени Вейкко Саллинен. Когда вернулись местные жители, то в полях нашли, и с помощью военнопленных захоронили, 7 советских солдат. Одна могила была сделана при отступлении соотечественниками. Над ней воткнута в землю винтовка. Сверху на дуло надета каска и пилотка. Эта могила была найдена за домом Кайсы Налликайнен, который оказался бы теперь на территории детского лагеря.

За наступательные бои лета 1941 года, уроженец Сиирлахти, фельдфебель Хуго Лаукканен, стал кавалером высшей награды Финляндии «Креста Маннергейма», № 77.

Возвращение из эвакуации началось осенью. Не у всех дома остались после «гостей» в пригодном для жилья состоянии, но желание оказаться скорее на родине было выше лю-



бых преград. Карелы устали ютиться по чужим углам в Похьянмаа. Те, у кого были проблемы с жильём, получали кров у соседей и принимались заготавливать лес к весне для нового строительства. У многих в домах не было окон и дверей, везде стоял запах грязи и нечистот, который выветривался не вдруг. Поля были засажены колхозниками зерновыми и картофелем, так, что всем хватило работы на уборке. Картофель выкапывали уже мороженный, но тоже употребляли в пищу. К зиме некоторые перевезли и коров. Две семьи сумели сохранить своих бурёнок в эвакуации. Другие привозили рослых коров родом из Похьянмаа. Два парнишки Онни и Вейкко из Левалахти рыбачили всю первую зиму. Рыбу никто не ловил два года, и она успела подрасти и размножиться. Еды было в то время мало, и благодаря озеру смогли прокормиться семьи в тяжелую первую зиму. В одном из домов русские хозяева собрали большое количество льна. Часть его даже была выделана в нитку. Вернувшиеся из эвакуации женщины поделили материал между домами. Следы войны проступали везде. Поскольку в деревне прошел бой, остались и разрушения. Лес покалечили снаряды. В центре деревни, на холме, дома пострадали больше. Солдат там тоже много полегло. На одной сосне осталась надпись: *«На этом месте погиб фенрик Элоранта 18.8.41»*. По лесам, в окрестностях Сиирлахти, нашли много павших. Когда весной 1942 года стали сходить снега, обнаружилось много плохо захороненных или прикопанных трупов. Из могилы торчал сапог или рука. В лесу и даже во дворах находили много боеприпасов и всякого хлама. Все военные годы жертвами игр с оружием становились любопытные мальчишки. Два брата из Сиирлахти тоже остались на всю жизнь калеками, после того, как стали разбирать гранаты. Весной началась уборка во дворах, ремонт построек и посевная. Заработал и местный магазин. Торговля шла бойко, так как у людей была нехватка во всём. Другое дело, что продовольствие отпускали по карточкам, а одежду и ткани по специальным разрешениям, выписываемым властями.

Наступило лето 1944 года. Русские бомбардировщики каждый день летали над Раясяля, но не бомбили. Зато истребители поливали огнём своих пулемётов всё движущееся по земле.

Вспоминает Эйно Патьяс: «19 июня рано утром получили и мы приказ об эвакуации. Этого события давно ждали. Утро выдалось ясным и солнечным, обещающим жаркий день. Задолго до этого мы собрали вещи в дорогу. Район старой границы уже достался противнику, и линия фронта проходила по Вуоксе. В первый день мы дошли до станции Оярви и оттуда перебрались в Кирву, в деревню Васиккала. Там мы провели первую ночевку. В вечерней тишине с линии фронта доносились звуки артиллерийской дуэли. Канонада слышалась со стороны Ладоги и Выборга. На следующий день, когда проходили Илмее, загрохотало и в Элисенваара. Тогда мы не знали ещё о том, что произошло. Только позднее до нас дошли слухи о гибели эвакопоезда во время налёта. Наша дорога продолжалась. Юханнус встретили в Пункасалми. Дальше мы двигались своим ходом через Савонлинна до Йоройнена. Оттуда нам обещали подать поезд для отправки на запад, но неделю просидев в ожидании, мы были вынуждены продолжить путешествие до станции Наараярви, где, наконец, нашлись вагоны для уставших путников. Пока мы так долго двигались, пункт нашего назначения, приход Яласъярви, уже заполнился эвакуированными. Наконец, нам выдали новое назначение в приход Каухайоки, где мы и нашли, наконец, дом, где смогли остановиться». О последней дороге вспоминает Лемпи Нуия: «Вот и наступило последнее утро. Иду доить корову по кличке Онникка и сразу отвожу в общее стадо дома Пярттуля, девочки которого обещают довести её вместе со своими до Яласъярви...

Так и отправился народ из трёх домов Репола в последнюю эвакуацию: Парни Эмели и Армас верхом на одной лошади, Кертту, Маию и Вилхо Салми, Сиско и Лаури вместе с коровами. Своим ходом в сторону губернии Саво. У Сайми была лошадь, которая везла съестные припасы и посуду для дойки. Так начался этот марафон, который предстояло пройти карелам, в том числе, женщинам и детям Сиирлахти. Много обуви на деревянной подошве сносилось на этой дороге...».

После войны, на месте Сиирлахти был образован колхоз, вероятно «им. Калинина», как и в соседней деревне Няпинлахти. 4 февраля 1948 г. на собрании партхозактива деревне присвоили наименование «Заветное». От этого имени произошли

также, существующие на современной карте, три озера, залив, и урочище. К территории колхоза причислили все мелкие деревни, относившиеся ранее к одному школьному округу. Левеалахти, в первые годы проживания переселенцев, именовалась Лохикаллио, а получив наименование «дер. Тихая», вскоре тихо исчезла.

В 1954 г. Сиирлахти вошла в состав вновь образованного Богатыревского сельсовета — ныне Богатыревская волость.

В наши дни Заветное вряд ли относится к тем местам, которые живут «по заветам Ильича». От некогда большой деревни сохранилось два старых жилых дома и некоторое количество построек, свезенных к перекрёстку дорог.

Настоящая «глубинка» Карельского перешейка. Основным образующим населённый пункт объектом является детский лагерь-колония «Космос», существующий с 1948 года, в состав которого вошла и старая школа деревни Сиирлахти. Берега озера Большое Заветное застраиваются новыми коттеджами. Бывшая почтовая Понтусова дорога пришла в запустение. Местами на ней встречаются непролазные лужи.

### **Кивипелто (Kivipelto) – Быково**

Сразу после моста через протоку Беличья, по Мельниковскому шоссе, начинаются земли посёлка Быково. Старое название этой деревни Кивипелто, что значит «каменистое поле». Действительно, поля, расположенные вдоль южного берега Вуоксы, очень каменисты. Кивипелто — топоним довольно позднего происхождения, и не встречается в налоговых списках XVI века. В мантальных налоговых книгах за 1818 год значится 15 отдельных участков земли и 22 дома. Всего жителей в тогдашнем Кивипелто насчитывалось 81 человек. В частности, отмечены фамилии хозяев: Павилайнен, Патракка, Матти Яванайнен, Матти Каупонен.

Хозяйства деревни располагались возле дороги, выходили на протоку, и севернее, на берег озера Вуокса, напротив мыса Сяркиниemi. Сельское хозяйство было главным занятием жителей деревни. Земельные наделы, которые превышали бы 15 га, были редки. К этому нужно добавить участки лесосек, где

работы вели зимой. Это был очень важный дополнительный приработок для каждого крестьянина-собственника. Уже в XX веке почти на каждом дворе можно было встретить сады, где по весне зацветали яблони и смородина. Озёро было близко, и в каждом доме имелись свои рыбаки. Поля засевали по очереди разными культурами: зерновыми, кормовыми, тимофеевкой, картофелем, горохом. Часть пашни оставляли под паром, где выпасали скотину. На таком участке осенью сеяли озимые. На следующий год рожь поспевала во второй половине августа. Её жали серпами, связывали в снопы и ставили сушиться. Подсохший хлеб отвозили в ригу на дальнейшую просушку. Там печи топили постоянно, пока зерно при высыхании не начинало само высыпаться из колосьев. Затем его обмолачивали вручную цепями или позднее, на механических молотилках и складывали на хранение. Такие молотилки покупались и обслуживались вскладчину. Необходимое для еды количество зерна мололи на мельнице или при помощи домашнего ручного приспособления, состоящего из двух камней-жерновов. В больших хозяйствах излишки зерна шли на продажу. Также оставляли часть хлеба для подкормки скоту. В последние предвоенные годы начали освоение неизвестных здесь ранее культур: сахарной свёклы, лука и сладкого гороха. Почти повсеместно выращивали лён. Льняная ткань шла на шитьё различной одежды и мешков. Льняную нитку сучили для шитья сапог.

Лошадей держали в каждом доме. На небольших участках по одной лошади, а на крупных даже до 5–7 голов. Обычно хозяева их выращивали сами. Коров заводили в хозяйстве с расчётом 1,5–2 га земли на голову. В среднем удои составляли в год 2500 кг молока. Масла можно было получить с коровы 100 килограмм в год. На каждом дворе держали телят для себя и на продажу. Тёлочек оставляли себе. Также минимум по одной свиноматке и 10–20 кур. Во многих хозяйствах традиционно держали овец ради шерсти.

Протока Тююскянвирта служила естественной границей Кивипелто с востока. Когда-то мощное течение утомило свой бег, уровень воды упал, и на поверхность вылезли россыпи камней. Шоссейную дорогу из Мюллюпелто построили в 1874 году. Тогда же возникла паромная переправа, обеспечивавша-

яся тягой 4 лошадей. За пользование паромом брали деньги. Местное население не было этим довольным, и в 1907 году здесь возник первый каменный мост, состоящий из трёх пролётов.

Школу основали решением волостного правления в 1919 году. С 1922 года она начала свою деятельность в арендованном для этих целей доме Матти Покканена. Собственное школьное здание было построено только в 1936 году. Для этого выделили самое высокое место земельного участка, принадлежавшее крестьянину Юхо Куйсма, в центре деревни. Школа нижней ступени обучения подключилась в 1928 году, с 18-недельной программой. В 1936 году, уже в новом здании, перешли на 36-недельный цикл занятий. С самого начала в школе работал один учитель нижней ступени сразу на две деревни: Кивипелто и Уннункоски. С 1924 по 1940 в школе работала учительница Тююне Рятю. Она также председательствовала в отделении общества Мартта деревни Кивипелто. Ёрма Вуорио был учителем с 1934—1940 годы, а также активистом шюцкоровского движения. Уже после окончания Зимней войны он попал в плен к русским уже как диверсант. Учительница Мери Курки проработала в школе с 1937 года, а также после возвращения из эвакуации 1942—1944 годах. Собственная библиотека появилась в деревне с 1924 года.

Деревня Кивипелто испытала все те лишения, которые выпали на долю других деревень Ряйсяля. Две войны, а главное, послевоенное хозяйствование сильно изменили её облик.

По решению исполкома Кексгольмского райсовета зимой 1948 года деревне Кивипелто присвоили наименование «Быково», которое и закрепили Указом Президиума ВС РСФСР от 13 января 1949 года. На базе бывшей школы некоторое время размещалась туберкулёзная больница.

**Тимоскала (Timoskala) – Мельниково.  
Тархола (Tarhola), Лохикаллио (Lohikallio),  
Тииттала (Tiittala)**

Деревня Тимоскала по количеству дворов была небольшой. Земли её располагались компактно в одном месте, с востока ограниченные течением Вуоксы, а центральная часть находи-

лась в районе залива Корпилахти (Залив глухого леса в переводе) [ныне оз. Дикое]. Теперь залив соединяется с основным руслом только ручьём, но ранее 1857 года пролив был широк и полноводен. Через деревню проходила шоссейная дорога, ведущая из центра прихода Ряйсяля в Каукола [ныне Севастьяново].

От неё к домам отходили местные просёлочные дороги и подъезды. Почти вплотную подступали хозяйства соседних более мелких деревень: ТАРХОЛА (слева от перекрёстка с дорогой на Сиирлахти), ЛОХИКАЛЛИО (первые дома от перекрёстка направо), на противоположном берегу Вуоксы было несколько домов деревни ТИИТТАЛА, принадлежавших в последнее время территориально к Кивипелто [ныне Быково]. Все они, а также часть дворов деревни Хютинлахти, относились к школьному округу Тимоскала. Само название деревни явно славянского происхождения — «Тимошкино», приспособленное с годами к особенностям финской морфологии. Правда, в самых древних документах, посвящённым этим местам, переписных книгах XVI века, деревня с таким названием не встречается, за одним исключением: *«Кавгала Тимошкина над Кавальским озером»*. Правда, теперь это место находится в приходе Каукола, в десятке километров от Тимоскала, но важно, что такое название точно имело место на востоке Карельского перешейка. Зато в писцовой книге Инши Булгакова за 1568 год упомянуты деревни: *«деревня на реке на Ряжеле против Девичей щели. (Житель по имени Данило)»*. Одно из мест в Тиитуа, скала, действительно так называется, только по-фински — «НЕЙТСЮТКАЛЛИО». Это относится к Тииттала, что располагалась на правом берегу. Есть и конкретно о ней слово: *«деревня Титове на реке на Ряжеле (в ней Петрушка Нестеров)»*. Разумеется, она имеет славянское происхождение от православного «Тит, Титово». Про Тимоскала сказано: *«деревня Девичья щель над рекой Ряжею, (в ней Костя Григорьев)»*.

Вероятно, наше «Тимошкино» более позднего происхождения и дано по имени православного карела, поселившегося на этих землях уже в шведское время. Всё это не случайно. Дело в том, что в этих местах издавна жили православные люди. Были ли они выходцами из России или местными карелами, история умалчивает об этом. Во всяком случае, когда они

встретились с братьями по вере, пришедшими в образе войск Петра I, то были уже финноязычными подданными шведской Финляндии.

В соответствии с записями в поземельной книге, сделанными в 1701 году, в Тимоскала проживал Ерёма Сенков или Сеньков или Сенька (?) Ко времени следующей записи, сделанной в 1728 году, фамилия (или кличка) успела трансформироваться в Синко. Мы уже встречаем Конрада Синко и Даниеля Синко из одного дома, а также Ефрема Аристова Синко из другого.

Прошло время, и уже в 1818 году, мы застаём момент деления двух прежних землевладений.

В доме № 1 проживают и делят его на части:

Андрей	Синкко	53 года	13 человек
Симо	Синкко	75 лет	9 человек
Иван	Синкко	62 года	8 человек
Константин	Синкко	26 лет	4 человек
Иван	Синкко	45 лет	6 человек
Стефан	Синкко	55 лет	2 человека

Дом №2:

Алексей	Синкко	42 года	8 человек
Яякко (Яков)	Каартинен	42 года	7 человек
Федосиус (Федосей) Синкко		20 лет	4 человека

Всего значилось два дома Тимоскала и наследное хозяйство Корпилахти. Из них, Тимоскала № 1 занимало 248 га, и Корпилахти 222 га пахотной земли. Во время Генерального межевания деревни, происходившего начиная с 1836—1842, 1845 год, произошло деление «кондовых» крестьянских поместий на 4—5 мелких. В начале XX века образовалось уже множество мелких земельных наделов, размерами от 1 до 32 га. К 1944 году состояние дел выглядело таким образом: от 1—5 га (13 шт.), 5—10 га (5 шт.), 10—20 га (8 шт.). В общей сложности 26 хозяйств и 29 домов, включая школу.

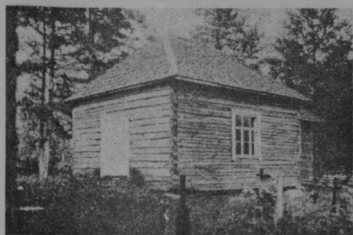
Кроме фамилии Синикко, здесь можно было уже встретить Хонканен, Паавилайнен, Риссанен, Климов, Поскипарта.



Илл. 124. Залив Вуоксы в районе деревни Тимоскала. Фото 1984 г.



Илл. 125. На месте деревни Тииттала. Фото 1984 г.



Илл. 126. Православная часовня.



Илл. 127. На церемонии открытия памятного креста в 2000 году.

Но, всё же, в подавляющем большинстве, сохранилась фамилия Синкко — (т.е. Сенька).

На мысу реки Вуоксы с названием Хаапаниemi (Осиновый в переводе), с незапамятных времён, существовала православная часовня. По документам известно лишь, что с 1854 года на старом месте возникает новая часовня, посвящённая «иконе Тихвинской Богоматери». После ремонтов, происходивших в 1887 и 1926 годах, она заметно увеличивалась в размерах, но оставалась очень скромной, аскетической постройкой. Серые бревенчатые стены и четырёхскатная крыша, венчавшая приземистый домик, составляли её облик. Иконостас и колокол были подарены Валаамским монастырём. В 1944 году местное православное население покинуло навсегда свою родину, и, уже «товарищи», которые почему-то считают себя, а не их, потомками и правопреемниками новгородцев, хозяев Водской пятины, «распорядились» судьбой часовни и кладби-



ща, а также Валаамским, Коневецким и Линдуловским монастырями, после ухода финнов.

Кладбище или погост также находились рядом, на мысу Хаапаниеми. Древнее православное кладбище на пороге Уннункоски [ныне Горы], уже в XIX веке считалось заброшенным. По всей видимости, православные жители перенесли его сюда, поближе к существующей часовне. Позднее кладбище обнесли от коров колючей проволокой. Большая часть сторонников русской веры в Ряйсяля была сконцентрирована в Тимоскала и Тииттала. В 1867 году хозяином надела Хаапаниеми становится

Василий Климов, родом из деревни Тиурула, что неподалёку от Хийтолы. Начиная с XVI века, и вплоть до 1932 года, Тиурула оставалась центром православного прихода в шведской Карелии. С детства Василий познакомился и полюбил церковные обычаи. Поэтому, по доброй охоте, он стал пономарем и звонником при часовне. Впрочем, и сама часовня, располагалась на его землях. Профессии эти унаследовали его сын Иван и внук Вилхо — Василий Климовы. А жена внука Мария стала преподавать в школах Тимоскала и Уннункоски «Закон божий». Со временем Климовы сменили фамилию на Япола. На кладбище в Ряйсяля хоронили всех лютеран прихода, в Тимоскала всех православных. Солдаты, погибшие в боях за Родину — Финляндию, все захоронены в братской могиле возле кирхи. При церемонии захоронения при этом присутствовал и православный священник.

Постоянного священника при часовне не бывает. Последние жители Тимоскала вспоминают с любовью отца Александра Гаврилова, настоятеля Кексгольмского прихода, куда после 1932 года вошла Ряйсяля. (В предвоенном Кексгольме тогда



Илл. 128. Семейство Латами Ворне.



Илл. 129. Первая школа. 1927 год.

жило много русских). Он проводил службы в часовне не реже одного раза в месяц, бывая проездом из города. В 1942 году отец Александр работал в воскресной школе Тимоскала. В эвакуации многие православные, при разных обстоятельствах, сменили веру отцов. Но не все. В современной Финляндии православными считают себя 10% населения. В наше время, в 2000 году, потомки прежних жителей Тимоскала собрались на земле предков и установили памятный деревянный крест на месте часовни и кладбища. Надпись на кресте гласит: *«На этом месте с древних времён существовала православная часовня и кладбище. Ты стоишь на святой земле. Памятный крест установлен в 2000 году. Общество Ряйсяля».*

Издавна в Тимоскала стояла огромная сосна. Её называли «Дедовой сосной» — «Ваарилан хонка», или сосной Тимоскала. Со слов стариков, сосну считали колдовским или жертвенным деревом. Она одиноко стояла на одноимённом холме Ваарилан мяки, «подпирая облака» своей разлапистой кроной. Это было последнее древнее жертвенное дерево в Ряйсяля, которому поклонялись. Раз, услышав, люди старались приехать по-



*Илл. 130. Каменное здание школы. 1938 год.*

смотреть на него. Раньше местные жители поклонялись дереву, приносили в дар первое молоко коровы и зерна нового урожая. Хозяева соседнего хутора Ваарилан тало в Пасхальную ночь приносили хлеб, масло, и клали к корням этой сосны. Зажигали свечи. Люди верили, раз дерево святое, то его нельзя рубить, а то беды не оберёшься. Когда дерево высохло от старости на корню, его решили срубить топором, но когда наружу посыпались тёмно-коричневого цвета опилки, работу оставили. Говорили, что без особого заговора, железным топором его нельзя свалить. Но можно серебряным. В конце концов, сосна упала сама в положенное время. Было это уже в предвоенные годы.

В начале XX века, по распоряжению генерал-губернатора, в Тимоскала открыли первую школу. Размещалась она в арендованном помещении Василя Синкко и была русскоязычной. Несмотря на единую веру, жители деревни, почти поголовно были финноязычными и не восприняли такого нововведения. С большим трудом собранная группа из десяти учащихся, вскоре распалась, не просуществовав и двух лет. Остался лишь один ученик, когда школу закрыли. Тогда дети стали посещать школы



Илл. 131. Хутор Ламминкорпи.

соседних деревень. Собственную финскую народную школу открыли только в 1927 году. Под здание приспособили жилой дом Паавилайненов. Только в 1938 году, подрядчиком из Ряйсяля Александери Тимоненом, была построена новая каменная школа. Строительство по смете составило 518 000 марок, или (при нынешнем пересчёте в евро — 87 121 эу). Все были очень горды, что именно в их деревне построили такое современное, первое в волости кирпичное здание! Школа находилась в 6 километрах от кирхи Ряйсяля по дороге на Каукола. Кроме собственных учеников, к школьному округу Тимоскала относилась также часть ребят из Хютинлахти, Кивипелто, Лохикаллио. Располагалась она в центре деревни, в районе зарастающего залива Корпилахти. В послевоенное время здание перестроили, добавив стены второго этажа. К 2005 году отремонтировали, облицевали камнем и превратили во дворец. Бывает и такое...



Илл. 132. Хозяйство Варила.

АХОНСУО. В маленькой деревне Лохикаллио жил некий Аатами Ворне. Он имел небольшой клочок земли и избушку. Жил тем, в основном, что брал подряды на строительство и ремонт. Мужик был высокий, видный, с породистым лицом. Язык был хорошо подвешен, природного ума палата: *«Если не можешь заснуть, пройдишь вначале пяток километров, если не поможет, ещё пяток, ну если уж и этого будет мало, пройди все пятнадцать, тогда точно уснёшь»!* Его жена Анни была малорослой, но очень активной бабой. Она была известной массажисткой во всех соседних деревнях. Также лечила ревматизм и прочие людские болячки. Пускала кровь. У мужиков деревни был обычай собираться вместе в воскресный вечер у кого-нибудь дома, и, пуская дым из трубочки, не торопясь, обсудить все новости. Конечно, главные разговоры затевались про урожай да скотину, денежные вопросы и политику. Сам Аатами Ворне был хороший рассказчик и умел поддерживать любой разговор. В политике Ворне придерживался весьма твёрдой линии. — *«У власти, как в хозяйстве, должен стоять один человек, который знает, чего хочет, а так, всё запутают».*



Илл. 133. Дом Кирьяла.

ЛАММИНКОРПИ. Хозяйство находилось на северном конце деревни, рядом с небольшой одноимённой ламбушкой-озерцом. Александра Синкко, хозяина имения, в соответствии с этим, прозвали «Ламминкорвен Сантери». Он жил вместе со своим братом Фёдором в одном доме. Когда семейство Александра стало расти, он в 1920 годах выкупает родной дом жены Марии «Ильяла». Основной профессией Александра Синкко было сапожное дело. Шил как мужскую, так и женскую обувь. Также важным занятием было рыболовство и изготовление снастей.

Лидия Степановна Хонканен вспоминает: «Сама я была ещё такой маленькой, что сама перед войной не успела везде побывать. Но наша мама позаботилась о том, чтобы Тимоскала и берега Вуоксы были знакомы и мне, самой младшей в семье. По рассказам мамы, и родная деревня и берег были так красивы..., там и солнечный день был теплее. Работали очень много, между трудами приходили отдохнуть на берег Вуоксы, и снова за работу. После тяжёлого рабочего дня было так здо-

рово сидеть на берегу, смотреть на гладь плёса, слушать тишину и покой природы, внимать кукушке и мечтать...».

КИРИЛЯ. Название хутор получил по имени хозяина, которого звали Кирилл Синко (1873—1927). Оно образовалось в 1920 годах путём деления наследственного дома Иванаала. Кирилл стал владеть одной частью наследства Ииванаала, а двоюродные братья Илья и Пекка другой. Он возделывал главным образом, старые наследственные поля, а Илья Синкко переехал на берег Вуоксы. Пекка со временем купил и присоединил к владениям земельный участок Ахола.

Старое название дома Ииванаала вело свою историю с XVIII века, когда владельцем одного из «кондовых» крестьянских имений №1, был Иван (Юхо) Синкко. От его двух сыновей позднее пошли две ветви Синкко из деревни Тимоска: От Андрея род Кириллов и Вепсят, а от Алексея т.н. «маантиеахойайсет» — (жители придорожного поля). О сыне Андрея по имени Агафон (родился в 1819) и его жене Авдотье (1842 года), ставших родителями Кирилла, не осталось воспоминаний. Семейство Синкко, жившее в Тимоскала, все были православные, или как тогда говорили, «греческие католики». Ещё в 1938 году в Ряйсяля значилось 215 православных, хотя лютеранские священники предпринимали усилия к обращению в свою веру. Интересно было бы знать, что это была за сила, которой обладал предок всех Синкко — Сенька, что стал здесь жить и остался крепок в своей вере в том далёком XVII веке...

Сам Кирилл Синкко был, прежде всего, удачливым торговцем. Он перепродавал скот, масло и другие продукты деревенского производства, выборгским ресторанам. Занимался также контрабандными перевозками через царскую границу. На расспросы он обычно говаривал: «У меня такие хорошие лошади, что пограничникам не в жизнь не угнаться!» Кирилл умер в 1927 году. Наследовали землю жена Анна, (1880—1942), а также сыновья Александери и Николай, которые сразу взялись за дело. Постройки на ферме обветшали, и их предстояло менять. Поля и лес требовали основательного улучшения. Главное здание Кириля сгорело в 1929 году. Для участка купили и перевезли готовый, новый жилой дом из Коселеккола. Он был таким вместительным, что местная школа взяла в аренду часть поме-

щений и вплоть до постройки каменной школы (1938 г), младшая ступень размещалась здесь. В эти годы для фермы построили роскошный коровник и завели новый молочный скот. В XX веке земельные наделы крестьян не были велики. В Кириля насчитывалось 12 га расчищенного от камней поля. Это был старый берег Вуоксы. К хозяйству относилось ещё 44 га леса. Большая часть, 30 га рядом с фермой, а 14 в дальней деревне Салокюля, прикуплены по случаю. В помощь, для работы на хуторе, использовалась и наёмная сила. Николай (1904—1940), любил больше работать с бумагами и людьми, чем сельское хозяйство. Писал статьи, занимался проблемами односельчан, был членом молодёжного общества и хорошим спортсменом в местном отделении общества Памаус, играл на гитаре, был активистом военной организации шюцкор. Когда началась война, он попал в знаменитый 6 отдельный батальон (ErP 6), который состоял из местных жителей приходов Ряйсяля, Саккола и Каукола. Николай служил в противотанковом отделении, которое было вооружено бутылками с зажигательной смесью. Батальон, придерживали в резерве, и, в нужный момент, кидали в самые горячие точки обороны, проходившей в то время по берегу Вуоксы. Уже после окончания боевых действий Николай умер от полиомиелита. В его дневнике остались воспоминания о боевых действиях соединения, в частности, знаменитый бой в Келья.

Другой брат Александери (1900—1988) все дни проводил в поле, на озере, либо в лесу. Он целиком был поглощён работой, но успел также выучиться играть на гитаре и заниматься спортом. Александери играл на многих свадьбах, в своей деревне. К 1939 году хозяйство Кириля было образцовым. Новый хозяин одним из первых стал заниматься посадками сахарной свёклы в волости, поскольку в 1938 году в Антреа [ныне Каменногорск] открыли сахарный завод. На полях Кириля успели собрать два урожая свёклы. Рыбалка оставалась для Александери увлечением свободного времени. Он сам строил лодки и все снасти для ловли рыбы.

По возрасту ему не пришлось долго служить во время двух последних войн: только в Зимнюю войну на Сумме и в 1941 году на Аландских островах. Возвращение на родину было драматичным. Колхозники успели перевести его дом на централь-



ную усадьбу, в Ряйсяля. Соседи помогли вернуть его на старое место. Когда жизнь вновь только наладилась, пришлось отправляться в новую эвакуацию. В последний раз побывал Александтери на родине осенью 1944 года, с уборочной бригадой.

Потеря Карелии стала для него таким потрясением, от которого он так и не оправился до самой смерти, хотя получил в Финляндии приличную компенсацию и новые поля. Главное здание Кириля и скотный двор, разобрали опять колхозники в 1945—1946 годах. Не осталось и камня на камне от хутора. Но жизнь продолжается. Семья из Петербурга построила на этом месте дачу и ухаживает за посадками также бережно, как когда-то в старое время. Случайно, нового хозяина тоже зовут Александром.

Через много лет, невестка захотела побывать в Карелии и провела здесь 3 дня. Вернувшись домой, она смогла подтвердить всё, что ей рассказывал о родине Александтери: «пейзаж как в на картине! Кукушки кукуют, птицы поют, рыба плещется, трава выросла в рост человека и такой запах от неё, радуга отражается в воде...» (из воспоминаний внука Эрки Синкко).

На 1939 год в самой Тимоскала находилось 29 домов, включая школу. В школьный округ деревни входило 83 хозяйства. Во время двух войн погибло 13 солдат, жителей деревни.

В послевоенное время по решению сельсовета селение Тимоскала, а также часть Кивипелто переименовывается в деревню «Отрадное». Однако это название не устоялось. Вся территория в наши дни называется «Мельниково — Второй участок».

Примечательно то, что здесь два раза планировалось создание колхоза, но оно так и не состоялось. В 1940 году колхоз «Новостроитель» не набрал нужное количество переселенцев. Уже после войны было взято видоизменённое название «Новой строитель», однако рождение так и не состоялось. Земли отошли к совхозу «Мельниково». На территории давно покинутой колхозниками много лет ведётся дачное строительство. На территории бывшей деревни расположены базы отдыха «Сосны» и «Осиновый мыс». Последнее название является, по сути, переводом с финского топонима Хаапаниemi.



*Им. 134-135. Дома финской постройки в центре поселка Мельниково. Фото 2006 года.*

## Основная литература и архивные материалы

### 1. Архивные источники

ЦГА СПб. (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга)

Ф. 7172, оп. 53, 53 а.

ЛОГАН (Ленинградский областной государственный архив Выборга)

Фонды: Р-274, оп. 1, д. 7, л. 3; Р-275, оп. 1, д. 11, л. 17.

Р-290; Р-291; Р-309; Р-1625; Р-1979, оп. 1, д. 24, л. 14.

### 2. Отечественные издания

1. Балашов Е.А. Метаморфозы топонимики Карельского перешейка. «Турусел». СПб, 2003.
2. Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. – Кн. XXII. – Отд. II: Материалы.
3. Иппо Б.Б., Турчанинов Н.Н. Штин А.Н. Карельский перешеек. Лениздат, 1962.
4. Исаченко Г.А. «Вуоксинская эпопея». Альманах «Вуокса» Том I. СПб 2001.
5. Кочуркина С.И. «Корела и Русь». Наука, 1986.
6. Писцовые книги Водской пятины 1568 и 1539 годов. Под редакцией А. И. Конанева, Моисеева. Йоенсуу – Петрозаводск, 1987.
7. Свинарёв Ю.П. Мельниковская волость (рукопись).
8. Солонин М. 22 июня, или когда началась ВОВ. Москва, Яуза, Эксмо. 2006.
9. Степаков В., Балашов Е. «В новых районах». СПб, Нормедиздат, 2001.

### 3. Зарубежные издания

1. Erkki Honkanen. Makkolan kunnailta, Helisevan rannoilta. Raisalaisten saatio.
2. Arvi Marila. Terveisia Raisalasta. Karisto Oy Kirjapaino Hameenlinna, 1999.
3. Tiurinlinnan saatio. Raisalan historia. Turku, 1949.
4. Tuula Lindqvist. Humalainen – kotikylämme. Uudenkaupungin Kirjapaino Oy, 1995.
5. Myllypellon Kyläjuhlat. Myllypelto. 2. painos. Taimmer–Paino Oy, Tampere 2000.
6. S. Talaskivi. Lappeenrannan taistelu. Arkola. Lappeenranta.
7. Ari Rautala. Karjalan kannaksen takaisinvaltaus kesällä 1941. Gummerus. Jyväskylä 2004.
8. Matti Saarnisto. Viipurin läänin historia. I. osa: Karjalan synty. Gummerus. Jyväskylä 2003.
9. H. Kirkinen, P. Nevalainen, H. Sihvo. Karjalan kansan historia. WSOY. Porvoo. 1994.
10. Kerttu Javanainen. Tiuri kylä kallis Karjalassa. Satakunnan Pa. Tuote Oy. Kokemäki 1997.
11. Mauri Räsänen ja muut. Unnunkoski, kylä Vuoksen varrelta. Saarijärvi 1998.
12. Maija Ailasmaa. Särkisalo. Satakunnan Painotalo Oy 1993, Kokemäki.
13. Tuula Lindqvist. Hyttilähti kylä muistoissamme. Paino Ai–Ri Offset Ky Pori 2003.
14. Marja – Leena Hämäläinen. Kotikylämme Alhotoja. Yliopistopainamo Oy. Tampere, 2003.
15. Heikki Hupponen ja muut. Siirilahti – muistoemme helmi. Risteen Kirjapaino Oy, Kokemäki 2000.
16. Tuula Lindqvist. Unuhtumaton Timoskala. Gummerus Kirja.Oy, Jyväskylä 2005.
17. Kimmo Sorkko. Suvannon salpa. Minerva Kustannus Oy, Jyväskylä 2004.
18. Leena – Liisa Lehtikainen. Kansallispujuku Suomesta. Saarijärvi 1994.

### 4. Интернет

1. [www.around.spb.ru](http://www.around.spb.ru) И.А. Чернякова «Накануне нового времени».
2. [www.kirjazh.spb.ru/karel](http://www.kirjazh.spb.ru/karel)
3. [www.raisala.fi](http://www.raisala.fi)
4. [www.vuoksa.ru](http://www.vuoksa.ru)

## Список иллюстративных материалов

Фото автора: 10, 11, 15, 24, 25, 28, 30, 31, 32, 33, 36, 55, 56, 57, 60, 64, 82, 88, 91, 93, 94, 97, 100, 101, 108, 110, 111, 114, 124, 125, 127.

Рисунок В. Зернова: 1.

Схемы волости Ряйсяля - Мельниково (исп. Балашов Е.А.): 3.

Фото Е.А. Балашова: 14, 134, 135.

Ari Rautala. Karjalan kannaksen takaisinvaltaus kesällä 1941. 2004: 21, 22, 23 (Äitiniä äöäöä Ööiöiäöö).

Arvi Marila.Terveisiä Räisälästä. 1999: 5,12,18,27,29,34,35.

Erkki Honkanen. Makkolan kunnailta, Helisevän rannoilta: 37, 38, 39.

Heikki Hupponen ja muut. Siirilahti – muistoemme helmi. 2000: 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123.

Leena – Liisa Lehtikoinen. Kansallispukuja Suomesta. 1994: 17, 18.

Kerttu Javanainen. Tiuri kylä kallis Karjalassa. 1997: 81, 83, 84.

Maija Ailasmaa. Sarkisalo. 1993: 58, 61, 62, 63.

Marja – Leena Härmäläinen. Kotikylämme Alhotoja. 2003: 109.

Matti Saarnisto. Viipurin läänin historia. 1.osa: Karjalan synty. 2003: 8,

Mauri Rasänen ja muut. Unnunkoski, kylä Vuoksen varrella. 1998: 85, 87, 92.

Myllypellon Kyläjuhlat. Myllypelto. 2000: 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53.

Tuula Lindqvist. Humalainen – kotikylämme. 1995: 26, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80.

Tuula Lindqvist. Unuhtumaton Timoskala. 2005: 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133.

## Краткий пояснительный словарь

амбар — строение для торговли и хранения товаров.

волость — административно-территориальная единица, иногда совпадала с крестьянской общиной.

деревня — поселение с прилегающими к нему угодьями.

копна — укладка снопов ржи, овса, ячменя; земельная мера сенных покосов, считалось, что с десятины собирается 10 копен сена.

кирхшпиль — (голл. Kirhschpill — церковная деревня).

короб, коробья — новгородская хлебная мера, в XVI в. равнялась двум четвертям объема. По данным финских источников короб соответствовал примерно двум гектолитрам и делился на четыре четверти. Мера пахотной земли (по количеству высеянного зерна, измеряемого коробьями).

мантал — (шв. mantal — цифра, число крестьянина), размер налога в средневековой системе налогообложения.

мережа — ставная рыболовная снасть из двух сетевых мешков, натянутых на обручи.

обжа — окладная единица в земледельческих районах; земельная мера, равная 5 десятинам.

погост — небольшое поселение с церковью и кладбищем; административно-территориальная единица, по погостам раскладывались подати и повинности в уездах, где были черные и дворцовые земли.

починок — новоселящаяся деревня, обычно в один двор.

пустошь — запустелая, невозделываемая земля (с полевыми, лесными и другими угодьями).

торпарь — крестьянин-арендатор.

хутор — 1) сельское поселение (однودворное, позднее многодворное) при освоении новых земель. 2) На Кубани и Дону, а также на Украине — поселения вне сел и станиц, независимо от числа дворов.

3) В России — обособленная крестьянская усадьба на земельном участке индивидуального владения.

## **Издания, вышедшие в свет при участии ИКО «Карелия»**

### **Карты:**

#### **КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК**

Схема исторических и культурных памятников «Laktio Star corp.» 1991.  
1:200 000. Двухязычная (рус., фин.).

#### **KARJALAN KANNAS: HISTORIA JA NYKYAIKA 1938—1993.**

КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ 1938—2001  
(2004).

1:200 000. Современные и старые географические названия. Границы прежних волостей, застройка населенных пунктов. ЗАО «Карта», 2001, 2004.

### **Книги:**

#### **КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК — ЗЕМЛЯ НЕИЗВЕДАННАЯ**

часть 1 — 1996 г., части 2, 3 — 1998 г., часть 4 — 2000 г.  
часть 5,6 — 2003 г., часть 7 — 2004 г., часть 8 — 2005 г. часть 9 — 2005 г.

#### **ПРИНИМАЙ НАС, СУОМИ-КРАСАВИЦА!**

"Освободительный" поход в Финляндию 1939—1940 гг.

Издательство «Цитадель»; 1 и 2 том. Под редакцией Балашова Е.А.

#### **ЛИНИЯ МАННЕРГЕЙМА**

И СИСТЕМА ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ФОРТИФИКАЦИИ ФИНЛЯНДИИ  
1919—1940 гг.

Балашов Е.А., Кишкурно Я.А.

СПб.: Издательство «Остров», 2002 — 76 с., с илл.

#### **В «НОВЫХ РАЙОНАХ»**

Из истории освоения Карельского перешейка 1940—1941, 1944—1950 гг.

Степаков В.Н., Балашов Е.А.

СПб.: Нордмедиздат, 2001 — 144 с., с илл.

#### **ПУТЬ ИЗ ФИНЛЯНДИИ В СИБИРЬ**

Тойво Куриikka. Под редакцией Балашова Е.А.

СПб.: ИПК «Нива», 2003 — 156 с.

МЕТАМОРФОЗЫ ТОПОНИМИИ КАРЕЛЬСКОГО ПЕРЕШЕЙКА  
Краткое исследование по этимологии географических названий

Балашов Е.А.

СПб.: ИПК «Нива», 2005 — 132 с.

КЕЛЛОМЯКИ — КОМАРОВО

Балашов Е.А., Исаченко Г.А., Снеговая И.А., Калесник Е.В., Мельников В.А.,

Моженков Э.С.

СПб.: Издательство «МКС», 2003 — 46 с., с илл.

Тексты некоторых изданий частично размещены на сайте  
[www.kannas.nm.ru](http://www.kannas.nm.ru)

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ КНИГИ ЭТОЙ СЕРИИ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПО-  
СТУПАЮТ В ПРОДАЖУ В МАГАЗИНЫ: «АКАДЕМКНИГА» И «ЛЕТНИЙ САД».

В ВЫБОРГЕ, ПРИМОРСКЕ И ПРИОЗЕРСКЕ КНИГИ МОЖНО ПРИОБ-  
РЕСТИ В КРАЕВЕДЧЕСКИХ МУЗЕЯХ.

По вопросам приобретения книжной и картографической продукции рекомен-  
дуем обращаться непосредственно к автору по электронной почте e-mail:  
[balasov@mail.admiral.ru](mailto:balasov@mail.admiral.ru)

Информация по новинкам публикуется на сайте [www.kannas.nm.ru](http://www.kannas.nm.ru)

---

Право на печать предоставлено Издательско-полиграфическим комплексом «Нива»  
191119, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 108-Б, тел. 764-6979.  
Лицензия сер. ЛП № 000061 от 15.01.99  
Подписано в печать 20.11.2006

Тираж 700 экз.  
Отпечатано в типографии «TOURUSSELL»,  
Санкт-Петербург, ул. Миллионная, д. 1, тел./факс: 571-5474.





